

ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ (ՍԼԱՎՈՆԱԿԱՆ) ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ԻՆՔՆՈՒԹՅԱՆ ԶԱՐԳԱՑՈՒՄԸ
ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ.
ՄԻՏՈՒՄՆԵՐ, ՄԱՐՏԱՀՐԱՎԵՐՆԵՐ, ՌԻՍԿԵՐ

Կոլեկտիվ մենագրություն

ՀՌՀ հրատարակչություն
Երևան 2023

RUSSIAN-ARMENIAN (SLAVONIC) UNIVERSITY

THE DEVELOPMENT OF CIVIL IDENTITY IN REPUBLIC OF ARMENIA: TRENDS, CHALLENGES, RISKS

Collective monograph

RAU Publishing House
Yerevan 2023

**РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ)
УНИВЕРСИТЕТ**

**РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ,
ВЫЗОВЫ, РИСКИ**

Коллективная монография

Ереван
Издательство РАУ
2023

УДК 323
ББК 66.3
Р 170

*Печатается по решению Научно-технического и
Редакционно-издательского советов
Российско-Армянского(Славянского) университета*

Ответственный редактор:

Зав. кафедрой политологии Российско-Армянского университета, к. филос.
н., доц. О.Л. Саркисян

Рецензенты:

Зав. кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных
и социальных наук РУДН, д. полит. н., проф. М.М. Мчедлова;
Профессор кафедры политологии ЕГУ, д.полит.н., проф. А.П. Енгоян

Авторский коллектив:

О.Л. Саркисян (введение, гл. I, IV, V, VI, VIII, IX),
Н.А. Дунамалян (гл. II, V, VI, VIII, IX), Д.О. Саргсян (гл. III),
С.О. Хачатрян (гл. I, IX), И.А. Карамян, Т.А. Оганесян (гл. VIII)

Р 170 Развитие гражданской идентичности в Республике Армения: тенден-
ции, вызовы, риски: коллективная монография / Ответственный ре-
дактор О.Л. Саркисян – Ер.: Изд-во РАУ, 2023. – 258с.

В конце 2020 года группа сотрудников кафедры политологии Российско-Ар-
мянского университета совместно с кафедрой сравнительной политологии
РУДН приступили к анализу трансформации гражданской идентичности на
постсоветском пространстве. Исследование было выполнено при финансо-
вой поддержке КН РА и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной про-
граммы 20RF-182 и 20-511-05025, соответственно. На основе имеющихся об-
щих предварительных представлений были выдвинуты определенные гипотезы,
для проверки которых было решено организовать сбор эмпирических
данных посредством «полевых» исследований. Экспертное интервью было
организовано и проведено членами исследовательской группы весной-летом
2021г. В данной коллективной монографии дается обзор результатов исследо-
ваний научной группы и экспертного интервью. Предлагаемая работа мо-
жет представлять интерес для исследователей, преподавателей, студентов и
аспирантов социогуманитарного направления, а также для всех тех, кто ин-
тересуется проблематикой исследований национальной идентичности.

УДК 323
ББК 66.3

ISBN 978-9939-67-325-7

© Издательство РАУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	8
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ	12
СПЕЦИФИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И ПРОЦЕССОВ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	12
Глава I. К вопросу о соотношении государственной и гражданской идентичности	14
Глава II. Траектории развития постсоветских идентичностей: обзор подходов и тенденции	25
Глава III. Нацестроительство в республиках Южного Кавказа: Азербайджан и Грузия	38
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ	59
ТРАНСФОРМАЦИЯ АРМЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: МЕЖДУ НАЦИЕЙ И ГОСУДАРСТВОМ	59
Глава IV. Армянская идентичность: проблема синтеза моделей «культурно-исторической» и «государственной» нации	59
Глава V. Трансформация гражданской идентичности в годы независимости: основные тенденции и факторы	70
Глава VI. Фактор диаспоры в контексте модели общеармянской идентичности	100
РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ	134
РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЭКСПЕРТНОГО ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ)	134
Глава VII. Восприятие гражданской идентичности в Армении экспертным сообществом (гайд и обзор ответов глубинного интервью)	134
Глава VIII. Интерпретация и анализ результатов экспертного опроса	203

Глава IX. Проблема соотношения восприятия гражданской и государственной идентичности в РА (в контексте сравнительного анализа с РФ).....	212
Заключение.....	230
Литература.....	237
Overview	256
Об авторах	2516

CONTENTS

Introduction.....	9
SECTION ONE.....	12
SPECIFICS OF TRANSFORMATION OF IDENTITIES AND NATION BUILDING PROCESSES IN THE POST-SOVIET SPACE	12
Chapter I. On the issue of the relationship between state and civil identity	14
Chapter II. Trajectories of development of post-Soviet identities: overview of approaches and trends	25
Chapter III. Nation building in the republics of the South Caucasus: Azerbaijan and Georgia.....	38
SECTION TWO.....	59
THE TRANSFORMATION OF ARMENIAN IDENTITY: BETWEEN THE NATION AND THE STATE	59
Chapter IV. Armenian identity: the issue of synthesizing the models of “cultural-historical” and “state” nation	59
Chapter V. Transformation of civil identity during the years of independence: main trends and factors	70
Chapter VI. The diaspora factor in context of the pan-Armenian identity model.....	100
SECTION THREE	134
DEVELOPMENT OF CIVIL IDENTITY IN THE REPUBLIC OF ARMENIA (BASED ON ANALYSIS OF IN-DEPTH EXPERT INTERVIEWS).....	134
Chapter VII. Perception of civic identity in Armenia by the expert community (guide and review of in-depth interview responses)	134
Chapter VIII. Interpretation and analysis of the results of the expert survey.....	203
Chapter IX. The problem of the relationship between the perception of civil and state identity in the Republic of Armenia (in the context of comparative analysis with the Russian Federation)	212
Conclusion	230

Literature	237
Overview	251
About the authors.....	256

Введение

В армянском общественно-политическом дискурсе термин «идентичность» достаточно распространен, но используется в основном на публицистическом уровне и, фактически, отсутствуют системные исследования с позиций проблематики современных социально-политических наук.

Между тем, идентитарные исследования актуальны как с теоретико-методологической точки зрения, учитывая их познавательный потенциал, так и практической применимости полученных результатов. Исследование трансформации идентичностей актуализируется интенсивными глобальными и региональными преобразованиями и глубинными изменениями в разных сферах общественной жизни. Научное осмысление этой трансформации, в первую очередь, с позиций социально-политических наук, становится необходимым условием для рационального конструирования дальнейшего развития.

Исследование трансформации идентичностей важно как с точки зрения реализации эффективной внешней политики государства, так и системной внутренней политики. Осмысление факта трансформации идентичностей, которая может происходить либо спонтанно, либо в результате деятельности негосударственных акторов (религиозные или иные общественные организации), либо, зачастую, под воздействием целенаправленного влияния различных внешних акторов побуждает государство проектировать собственную конструирующую деятельность – политику нациестроительства, имеющую стратегическое значение и направленную на внутреннюю консолидацию общества. Составляющими политики нациестроительства являются политика идентичности, политика памяти, символическая политика и др. «Диагностика» же трансформации идентичностей в обществах других государствах – необходимое условие разворачивания успешной внешнеполитической деятельности. В современном

мире идентичности иногда трансформируются настолько интенсивно, что возникает необходимость постоянного экспертного мониторинга.

Особый интерес представляет исследование трансформирующихся идентичностей на постсоветском пространстве. Распад СССР и появление новых суверенных государств привели к постепенной трансформации идентичности народов, входящих в Союз. Этот процесс имел как общие, так и специфические черты, которые, в свою очередь, были обусловлены особенностями политики нациестроительства в них. В целом, процессы трансформации идентичностей на постсоветском пространстве развертывались под эгидой многоликого национализма: этнического, гражданско-государственного, державного и даже цивилизационного и конфессионального.

В некоторых формирующихся на постсоветском пространстве национальных государствах начался интенсивный процесс конструирования национальной идентичности. Особенно это касается так называемых «молодых наций», не имеющих, по существу, опыта государственности в прошлом (Азербайджан, Казахстан, Украина). За достаточно короткий период им удалось достичь серьезных успехов на пути национального строительства. Необходимо, наверное, признать, что выстраивая отношения с этими государствами нужно было адекватно осмыслять происходящие изменения. Так, российское экспертное сообщество, по всей видимости, не совсем адекватно «измерило» степень трансформации украинской идентичности, а в Армении недооценили успехи на пути конструирования общеазербайджанской идентичности.

Что касается России и Армении, то, на наш взгляд, в обоих государствах так и не сумели разработать и реализовать эффективную стратегию нациестроительства. Попытки конструирования на основе некоторых консервативных ценностей и ключевых исторических событий общероссийской идентичности пока не

дали серьезного результата. В Армении же проблема нациестроительства, как целенаправленной рационально организуемой политики, вообще не стоит на повестке дня, причиной чего является восприятие армянства со стороны властных элит и большинства экспертного сообщества как завершенного этно-культурного целого, а не как гражданско-государственной нации.

Таким образом, исследования трансформирующихся идентичностей имеют не только сугубо академическое, но и практическое значение, так как могут обеспечить экспертное обслуживание принимаемых решений как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического характера.

Разные стороны и уровни армянской идентичности находятся в центре исследования специалистов разных сфер, особо освещена культурно-цивилизационная специфика армянской идентичности. Предлагаются некоторые концепты дальнейшего развития армянской идентичности: «нация-армия», «армяне-глобальная нация» и др. Но, фактически, отсутствуют исследования, посвященные гражданской идентичности армянства. Между тем, осмысление современной армянской государственности, прошедшей путь независимости в три десятилетия, будет неполным без изучения трансформации данной идентичности.

В конце 2020г. группа сотрудников кафедры политологии Российско-Армянского университета получила финансовую поддержку Комитета по науке МОНКС РА на проведение исследования трансформации гражданской идентичности на постсоветском пространстве совместно с кафедрой сравнительной политологии РУДН. На основе имеющихся общих предварительных представлений были выдвинуты определенные гипотезы, для проверки которых было решено организовать сбор эмпирических данных посредством «полевых» исследований. Экспертное интервью было организовано и проведено членами исследовательской группы весной-летом 2021 году.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

СПЕЦИФИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И ПРОЦЕССОВ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Современный мир характеризуется трансформациями как в сфере международных отношений, так и глубинными изменениями в социально-политической жизни. Меняющийся миропорядок и глобализация, с одной стороны, и проекты региональной интеграции, с другой, бросают новые вызовы национальному государству. Последствия формирования информационного общества и распространение постмодернистских ценностей непосредственно влияют на развитие обществ и, в первую очередь, на общественное сознание. Естественно, что в этом контексте происходит трансформация идентичностей, что заставляет многих специалистов говорить о кризисе идентичности, о конфликте идентичностей и т.д. Трансформирующиеся идентичности, в свою очередь, начинают оказывать влияние на дальнейший ход развития процессов. В полиэтничных государствах актуализируется проблема соотношения национально-этнической и гражданско-государственной идентичности. В тех государствах и регионах, где влиятелен религиозный фактор, все более актуальным становится вопрос соотношения этнической, конфессиональной и гражданской идентичности. А в некоторых недавно образовавшихся государствах, появившихся вследствие резких геополитических трансформаций, интенсивно разворачивается процесс конструирования собственной национальной идентичности. В этом контексте научное изучение этой трансформации, своеобразное «измерение» идентичностей становится особо актуальным для понимания логики и тенденций развития обществ и государств. Не случайно, что идентитарная проблематика остается в центре внимания исследователей разных сфер социально-гуманитарной

науки: философии, истории, социологии, политологии, психологии, этнографии и др.

Трансформация идентичностей в некоторых случаях происходит спонтанно под влиянием разнообразных (в том числе, вышеперечисленных) факторов, а иногда является результатом целенаправленной политики нациестроительства. По мнению ряда исследователей, политика нациестроительства зачастую проявляется в форме политики идентичности и связывается «с деятельностью государства и его институтов по поддержанию общих ценностных оснований принадлежности к политическому сообществу и общих ориентиров его развития, общих представлений о “нас” как нации, стране, государстве»¹. Важнейшими составляющими политики нациестроительства являются также политика памяти и символическая политика. В контексте вышесказанного актуализируется такая методология исследования наций и нациестроительства, как конструктивизм, рассматривающий развитие нации как результат программной реализации, в первую очередь, со стороны государства разнообразных социально-политических технологий.

Очевидно, что проблематика исследования трансформаций национальной идентичности и нациестроительства является по своей сути междисциплинарной, ибо затрагивает все сферы общественной жизни: экономическую, социальную, политическую и духовную. Но так как основным актором политики нациестроительства является именно государство, то подобное исследование, в первую очередь, является политологическим.

Распад СССР стимулировал процессы глубинных трансформаций в новообразовавшихся государствах. Для понимания процессов, протекающих на постсоветском пространстве, считаем особо актуальным исследование трансформации национальной

¹ Семененко И.С. Политика идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика, энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко / М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 647.

идентичности, являющейся, как правило, результатом особой политики нациестроительства, выявление сущности, основных тенденций и факторов этой политики. Процессы нациестроительства в постсоветских государствах имеют как общие признаки, обусловленные в определенной степени общим советским прошлым, так и специфичные черты. В данном разделе акцент исследования ставится на проблеме соотношения государственной и гражданской идентичности и выявлении основных факторов и тенденций политики нациестроительства в государствах постсоветского протространства, в целом, и Южного Кавказа, в частности, что актуализируется не только вышперечисленными факторами, но и сложными и противоречивыми региональными процессами.

Глава 1. К вопросу о соотношении государственной и гражданской идентичности

О.Л. Саркисян, С.О. Хачатурян

Концепция «гражданской идентичности» занимает особое место в научном дискурсе из-за процесса трансформации политики идентичности в связи с постмодернистским кризисом иерархизированных идентичностей, которые были основой для самоидентификации индивидов. На сегодняшний день существуют различные подходы к интерпретации содержания понятия и факторов формирования самой гражданской идентичности. Более того, при переосмыслении институтов «гражданства» и «государства» сформировался дискурс относительно взаимосвязи гражданской, государственной и национальной идентичности.

Понятие «гражданская идентичность» находится в центре внимания философов, социологов, политологов и др. Рассматривая национальное государство в контексте современных вызовов, Юрген Хабермас говорит о неизбежности перехода общества к

постнациональной форме, в основе которой лежит «конституционный патриотизм»². Он является «функциональным эквивалентом» объединения гражданской и этнической нации, что должно способствовать преодолению внутривнутриполитического кризиса, связанного с вызовами мультикультурализма и глобализационными проблемами. Конституционный патриотизм должен занять место национализма, что позволит избежать распада нации – вне зависимости от этнической принадлежности. Хабермас утверждает, что демократическое гражданство может стать фактором единения политической культуры, которая зиждется на единой конституции.

В свою очередь, Френсис Фукуяма связывал национальную идентичность с идеей конституционализма, верховенством права и равенством людей³. Лучшим способом нациестроительства является симбиоз инклюзивности национальной идентичности и процесса ассимиляции новых членов государства. Принадлежность к национальному сообществу проявляется через универсальные права человека и гражданство, включающее в себя преданность и жертвенность. Определяя исключительность американской идентичности, которая отошла от ранних форматов, связанных с расой, этничностью и религией, Фукуяма говорит, что она опирается на общие политические принципы, демократическую подотчетность и равноправие. Именно такой подход является единственным возможным вариантом для объединения в либеральных демократиях. Рассматривая европейские страны, он отмечает важность переосмысления национальной идентичности без привязки к этнической принадлежности, что поможет создать общеевропейскую идентичность.

² Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: «Наука», 2001. С. 216.

³ Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М.: 2019. С. 155.

Некоторые российские исследователи определяют гражданскую идентичность как «понимание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе»⁴. М.А. Юшин, раскрывая термин, опирается на концепт гражданственности и считает, что основой гражданской идентичности является «тождественность личности статусу гражданина, готовность и способность выполнять сопряженные с наличием гражданства обязанности»⁵. По мнению российского политолога И.С. Семененко, гражданская идентичность определяется «членством в макрополитическом сообществе и предполагает самоидентификацию индивида с его политической культурой и институтами, в том числе с определяющим индивидуальный политико-правовой статус институтом гражданства»⁶.

В данном контексте гражданская идентичность связывается с гражданским обществом, взаимодействием институтов некоммерческого сектора и реализуется посредством различных форм гражданского участия. Взаимосвязь личности и государства определяется формальным статусом гражданина и наделением его юридическими правами и свободами.

Зачастую в научном дискурсе отождествляются такие понятия, как гражданская, государственная и гражданско-государственная идентичности. Однако данный вопрос довольно дискуссионный, и ряд исследователей считает важным разведение данных терминов по тем или иным критериям. Например, выделяется географический (территориальный) критерий, который разводит понятия государства как определенной территории и граждан-

⁴ *Водолажская Т.* Идентичность гражданская // «Образовательная политика», 2010, № 5–6. С. 140.

⁵ *Юшин М.А.* Политические механизмы формирования гражданской идентичности молодежи в современной России: дис. канд-та полит. наук. Тула. 2007. С. 189.

⁶ *Семененко. И.С.* Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. С. 354.

ства в качестве политико-правового статуса. Здесь важно обратить внимание на географическое обрамление идентичности: если основой государственной идентичности является политико-правовая организация общества, закрепленная на конкретной территории, то гражданская идентичность в своей основе опирается на разветвленную систему социальных взаимоотношений гражданского общества. Соответственно, гражданская идентичность может иметь надгосударственный характер и выходить за пределы одного государства, связывая людей на основе приверженности к объединению граждан различных объединений (например, гражданство Европейского союза).

В статье А.Г. Саниной и А.В. Павлова данный вопрос рассматривается с иной позиции. Высказывается точка зрения, согласно которой порой гражданскую и государственную идентичность противопоставляют друг другу в категориях «хорошее-плохое» и «формальное-настоящее»⁷. Так, гражданская идентичность представляет собой осознанное самоопределение через аксиологическую основу, социальные взаимоотношения, отождествление себя с другими гражданами. Гражданственность выражается в патриотических чувствах, гражданской ответственности и приверженности ценностям государства. Государственная идентичность отличается своей номинальной принадлежностью, при которой государство воспринимается как символический институт, являющийся актором как внешней, так и внутренней политики. Формирование такой государственной идентичности происходит автоматически посредством юридического получения статуса гражданина.

Однако абсолютизация различий может привести к маргинализации данных типов идентичности. При разведении данных по-

⁷ Санина А.Г., Павлов А.В. Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // «Управленческое консультирование», № 9. 2015. С. 31.

нятий государство принимает вид лишь бюрократического аппарата, который не связан с деятельностью граждан. Государство воспринимается как внешний субъект, выстраивающий вертикаль отношений и устанавливающий формальные границы взаимодействия. Это может привести к тому, что государственная структура будет ассоциироваться с органом управления и восприниматься даже как авторитарная сила, препятствующая консолидации гражданской активности людей. Более того, в крайних проявлениях такая форма государственной идентичности представляет собой лишь политический симулякр, имитирующий гражданскую идентичность. Она вбирает в себя внешние элементы государственности, не имеющие под собой аксиологической и социальной подоплеки. Формирование такой идентичности происходит без диалога государства и граждан.

Для преодоления значимых трудностей в восприятии данных понятий в российский научный дискурс было введено понятие «государственно-гражданская (или национально-гражданская) идентичность»⁸. Переосмысление взаимосвязи государства и гражданственности позволило вывести гражданскую идентичность на принципиально новый уровень, который характеризуется не только лояльностью к государству, но и «отождествлением себя с гражданами страны, представлением об этом сообществе, ответственности за судьбу страны», а также и переживаемые людьми в связи с этим чувствами. Такой подход к пониманию гражданства выходит за рамки формальной трактовки политико-правового статуса и трансформируется в осознанную гражданственность, связанной с социальной ответственностью, коллективной солидарностью и приоритетом общегосударственного блага.

Такая государственно-гражданская идентичность проявляется в трех структурных компонентах:

⁸ Дробижсва Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе (тенденции и проблемы) // «Общественные науки и современность», вып. № 2, 2008. С. 69.

- когнитивный (включает в себя позицию гражданственности, факт **осознания** собственной принадлежности к гражданской общности, знание государственной символики, истории и культуры, определенный уровень правовой и политической культуры и т.д.);
- ценностный (сформированная аксиологическая основа, положительное **отношение** к статусу гражданина и принадлежности к определенному государству, чувство патриотизма и любви к своей родине, чувство гордости и уважения в отношении своей истории и культуры);
- поведенческий (**проявление** индивидом своей принадлежности, активная гражданская позиция, способность нести ответственность за судьбу своей страны, общественно полезная деятельность и т.д.).

Синтез двух типов идентичностей позволяет нивелировать недостатки каждой из них и сформировать более устойчивую основу для самоидентификации граждан в противоречивых условиях развития современных государств. Так, граждане со сформированной государственно-гражданской идентичностью представляют собой общность консолидированных граждан, осознающих важность основного политического института – государства и реализовывающих приверженность ценностям государства посредством социальной активности. Объединение индивидов на основе реальной, а не формализованной гражданственности, включающей в себя понимание ответственности за настоящее и будущее страны, способствует формированию новых паттернов общественного поведения. Каждый человек становится частью созидательного процесса построения государства совместно с другими такими же гражданами, испытывающими гордость за свою страну, личный вклад, внесенный в процветание страны, позволяет им «чувствовать свою сопричастность с судьбой государства»⁹.

⁹ Дробижеева Л.М. Указ. работа. С. 74.

Своей идеологической составляющей общественного участия выделяется швейцарская модель государственно-гражданской идентичности. Швейцария по праву считается одним из мировых лидеров по степени вовлеченности граждан в различные сферы жизни общества и примером партиципативной демократии (демократия участия). Из-за исторических особенностей становления Швейцарии, как конфедерации идентичность, формируется на основе политической составляющей, а не культурной или этнической. Основой национальной идентичности Швейцарии является чувство гражданского долга. Более того, гражданство Швейцарии – это не просто политико-правовой статус индивида, кроме прав и обязанностей; наличие гражданства помогает человеку стать полноправным членом швейцарского общества. Об этом свидетельствует долгий и сложный процесс получения гражданства, который не просто формально причисляет человека к государству, а натурализует его. Например, при получении гражданства у эмигрантов могут запросить свидетельства участия в программах добровольчества, что указывает на их желание интегрироваться в швейцарское общество и стать его частью, принимая все культурные особенности страны. В Швейцарии сформирована эффективно действующая система местного самоуправления, проявляющаяся посредством общенациональных и кантональных референдумов. Также в стране функционирует огромное количество некоммерческих организаций, развит третий (некоммерческий) сектор, что говорит о высоком уровне развития гражданского общества и существовании национальной традиции коллективной защиты собственных интересов. Благодаря этому в стране формируется государственно-гражданский тип идентичности, в связи с которой можно говорить об определенном укладе жизни граждан Швейцарии, признающих ценности саморегулирования и общественного служения.

Если рассмотреть реалии Республики Армения, то можно однозначно отметить низкий уровень развития государственно-гражданской идентичности. Она представляет собой лишь формальное

представление о гражданстве как политико-юридическом статусе, то есть на государственном уровне устанавливается связь гражданина и государства, а также закреплены обоюдные права и обязанности. О наличии декларативной государственной идентичности свидетельствует низкий уровень государственного мышления и отсутствие активной вовлеченности граждан в общественную жизнь. Категориальный аппарат «среднестатистического» армянина включает в себя такие слова, как «народ» и «люди»; социальная реальность не воспринимается через призму государства. Удивителен тот факт, что ни в общественном, ни в политическом дискурсе Республики Армения практически не фигурируют такие понятия, как «общество» или «гражданственность».

Стоит отметить, что этническое однообразие (преимущественно моноэтнический состав населения) Армении в данном случае с определенной точки зрения могло бы быть преимуществом для развития гражданско-государственной идентичности и позволило бы избежать тех трудностей, которые можно наблюдать в полиэтничных государствах. Однако в действительности это стало вызовом, на который пока армянское общество не готово ответить. Однообразие по итогу не актуализирует развитие гражданского общества: этническая общность не привела к гармоничному переходу к более сложной форме организации общества. Зачастую армяне воспринимают себя лишь через призму армянского народа как культурной общности людей. Но, вместе с тем, в обществе отсутствует отождествление себя с таким понятием, как «гражданин», соответственно, со всеми вытекающими из этого последствиями и обязанностями, и люди не идентифицируют себя с общностью граждан государства. Государственная идентичность Армении характеризуется отсутствием выстроенного диалога государства и граждан, а также низким уровнем доверия к государственным структурам. В массе своей принадлежность к армянскому государству сводится к формальному упоминанию в паспорте.

Но, с другой стороны, возведение в абсолют гражданского типа идентичности приводит к исключению государства при интерпретации индивидом своей социальной реальности¹⁰. Ориентация на гражданственность будет способствовать умалению важности государства как основы формирования идентичности, а также размыванию таких понятий, как долг перед родиной, служение государству и полному исключению этнического аспекта, который, так или иначе, может соотноситься с государственной идентичностью. В таком случае государство не идентифицируется индивидами как что-то свое и важное в ценностных категориях, эту роль занимает социальная общность граждан.

Рассматривая развитие гражданской идентичности в независимой Армении, можно сказать, что гражданское общество формировалась хаотично, под влиянием протестных движений. В связи с этим гражданственность ассоциировалась в основном с коллективными действиями, в то время, как значение личной ответственности и индивидуального вклада не смогло укрепиться в сознании армянского гражданина. Взаимодействие общества и государства происходило стихийно, что было выражением низкого уровня развития политической и гражданской культуры. Граждане персонализируют политический процесс и не доверяют властным структурам, воспринимая их лишь как обособленный механизм управления. Качественного изменения формата общественного взаимодействия не произошло ввиду отсутствия целенаправленной политики государственного строительства в целом, и нацистроительства, в частности. Ни смена политических лидеров, ни изменение формы республиканского правления (переход от смешанной формы к парламентской) в содержательном плане не трансформировали работу государства с населением. Как отмечают О.Л. Саркисян и Н.А. Дунамалян в своей статье,

¹⁰ *Ачкасов В.А.* Этнополитология: учебник для бакалавров / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2014. С. 495.

действия новой власти подчинялись старой логике¹¹. Популистская риторика новых властей имела влияние на политически неграмотную часть населения, а решение проблем носило точечный характер, что не смогло в корне сформировать новую парадигму государственного мышления армянской политической нации. Создавалась имитационная картина, когда общественный дискурс в Республике Армении оставался прежним, а «переменные политического поля страны стремительно менялись»¹².

Глубинность проблемы оголил трагический исход Второй Арцахской войны. Современная история должна была привнести новые смыслы для консолидации общества в контексте гражданской идентичности. Важно учитывать тот факт, что в последние годы армянскому обществу удалось отойти от позиции жертвы в контексте национальной идентичности, что создало пространство для новых ценностных ориентиров и паттернов поведения. Теоретически новый тип государственно-гражданской идентичности должен был иметь в своей основе такие факторы, как гражданская активность и высокий уровень политической культуры. К сожалению, процесс нациостроительства не сумел разрешить поставленную задачу, а перехода к новому концепту государственного мышления, где армянин считает себя гражданином Армении, а не просто потомком исторической Армении, так и не произошло. Процесс же становления национального государства понимался исключительно в контексте уже существовавшей этноконфессиональной модели функционирования государства и, соответственно, был сведен к чисто этнонациональному проекту. Между тем, в классическом понимании национальное государство, в первую очередь, понимается как проект гражданской консолидации общества. Стоит отметить, что формирование гражданской идентичности не

¹¹ Саркисян О.Л., Дунамяян Н.А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты / «Политис. Политические исследования», 2020. № 2. С. 67.

¹² Саркисян О.Л., Дунамяян Н.А. Указ. работа. С. 65.

умалывает значимость фактора этничности, который в моноэтническом государстве как раз и определяет политическую субъектность. В данном случае этничность должна была быть основой для нового типа взаимоотношений и трансформироваться в качественную модель гражданского общества.

Таким образом, можно сделать вывод, что гражданская идентичность является моделью консолидации общества в контексте современных государств и помогает преодолеть противоречивость социальных практик и мировоззренческой позиций. Государственно-гражданская идентичность должна стать новым уровнем функционирования общности людей, главным объединяющим фактором которой будет государство в диалоге с гражданами, разделяющими идеи и ценности собственной страны. Разъяснение смысловой составляющей такого нагруженного термина как «государственно-гражданская идентичность» должно способствовать более глубинному и комплексному пониманию, что, в свою очередь, облегчает деятельность субъектов политики идентичности. Прежние формы взаимодействия и консолидации общества изживают себя, а прогрессивное развитие мира открывает новую сторону познания собственного «я», в связи с этим у людей формируется запрос на новые категории самоопределения. В данном случае именно такой категорией выступает гражданская идентичность.

Глава II. Траектории развития постсоветских идентичностей: обзор подходов и тенденции

Н.А. Дунамалян

Проблема поиска причин и тенденций развития «постсоветской идентичности» стала одной из важнейших в анализе социологической и политологической картины обществ бывших союзных республик, у истоков которого стояла рефлексия над «общим прошлым», способствующая сохранению элементов единого социокультурного и политического пространства. Вместе с тем, возникал вопрос о том, как трактовать понятие «постсоветская идентичность», поскольку содержание представлялось слишком широким и вытекающим из других феноменов (к примеру, как продолжение «советской идентичности эпохи 1980-х»). Вместе с тем, интерес к данной тематике начал расти параллельно тектоническим изменениям на пространстве бывшего СССР, ознаменовавшим окончательный распад или переход к новой стадии. Этот процесс дал повод для различных трактовок постсоветской идентичности: «стагнирующая» идентичность; переходная идентичность; конфликтная идентичность; несформировавшаяся идентичность; макрополитическая идентичность; разновидность макросоциальной идентичности субъектов экс-социалистического ареала и т.д.¹³

Сложность определения феномена «постсоветской идентичности» связана с несколькими уровнями наслаивающейся социально-политической реальности, которые строятся на основе советского опыта и параллельно ему. Исходя из этого, некоторые

¹³ Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы // Материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции / Под ред. М.В. Назукиной, О.Б. Подвинцева, Н.А. Коровниковой. Пермь: ООО «Печатный салон “Гармония”», 2014. С. 8.

эксперты могут отвергать само явление «постсоветского пространства», воспринимая его как политический конструкт, или искать некоторые единые аспекты для понимания «трансрегиональной» идентичности. В то же время новые интеграционные проекты стали поводом для анализа региональных форм идентификации на примере «евразийской идентичности», которая тесно связана с постсоветским нарративом, но не является его повторением. В прошлом, как и сегодня, главным аргументом существования некой постсоветской идентичности является самоидентификация индивида в пространстве социальных и политических практик. Как отмечает Г. Кертман, постсоветская политическая культура отвечала на импорт «чужеродных» ценностей «реинтерпретацией новых институтов, их смысла и политического предназначения в русле традиционных для этой культуры представлений о власти и оптимальной модели ее взаимоотношений с народом»¹⁴, что способствовало формированию образа «среднего» гражданина, стремящегося «быть как все» и приспособленного «к пониженному уровню существования»¹⁵.

С другой точки зрения, постсоветская идентичность могла восприниматься как исторический или переходный феномен, который привязан к ценностям и привычкам поколения, пережившего период перестройки и первые годы становления независимых республик. Вместе с тем, в этот период политика идентичности новых государств должна была адаптировать большой пласт ценностей советского периода к политическому дискурсу независимости. Благо, советская эпоха предоставила богатый выбор для построения основных элементов культурного национализма для

¹⁴ Кертман Г.Л. Традиционалистская реинтерпретация демократических институтов в российской политической культуре // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. ИСП РАН. М., 2006. СС. 436–447.

¹⁵ Левада Ю.А. Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. М.: «Новое издательство», 2006. С. 218.

союзных республик (национальная мифология, границы, политическая элита, культурная модернизация), переросшего в будущем в ключевой политической фактор.

Стоит отметить, что, в отличие от союзных республик, в российском обществе «речь шла о формировании существенно “новой” идентичности, ибо в рамках СССР проект многонациональной Российской республики не имел вполне четких культурно-политических очертаний»¹⁶. Этим обстоятельством можно объяснить большой интерес к поиску оснований российской идентичности и единого формата исторической памяти, сглаживающего конфликты между отдельными периодами развития российского общества. В свою очередь, перед независимыми республиками стояла задача построения самобытной национальной идентичности, формирующей конкретный взгляд на прошлое и будущее государства и общества.

Основные тенденции сегодня: регионализация, гражданский национализм, этнокультурная идентичность

Как было отмечено выше, в советский период, несмотря на присутствие единой идеологии и тоталитарной политической системы, национальная политика на окраинах Союза формировала особые модели культурного национализма, направленного на утверждение не противоречащих коммунистической идеологии стереотипов посредством очерчивания определенных границ этнической идентичности через политику «коренизации» языка, кампании по развитию культурного национализма. К тому же, причины будущих «войн памяти» и фальсификации истории присутствовали уже в советский период (к примеру, игнорирования армянского фактора в азербайджанской историографии, начиная

¹⁶ *Малинова О.Ю.* Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография. РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки. М., 2013. С. 211.

с 1970-х)¹⁷, став уже в период независимости основным трендом отношений между постсоветскими государствами.

После распада СССР основной целью политики идентичности в условиях политической нестабильности и борьбы элит стала легитимизация режима и сохранение политического контроля¹⁸. Для этого строились образы «Другого» (для этой роли использовался «советский империализм» или какое-либо сопредельное государство). Главное, что для многих бывших союзных государств (кроме России), по причине существовавших этнополитических конфликтов, не составило большого труда найти «экзистенциального» противника.

Еще одной тенденцией стал поиск оптимальной модели политики идентичности, в рамках которой почти во всех республиках декларировалась необходимость построения демократического государства и, как следствие, развития гражданского национализма (особенно для многонациональных республик), однако, понятие «нация» в постсоветских государствах трактовалось слишком широко, приводя к выбору модели этнического национализма.

Распад единого культурного и гуманитарного пространства привел к углублению имеющихся тенденций и регионализации постсоветских идентичностей, группирующихся вокруг нескольких моделей: Российская Федерация – модель «национально-цивилизационного сообщества»; Беларусь – «неосоветская» модель; Украина, Грузия, Молдова и Прибалтика – «геополитическая» идентичность; страны Центральной Азии – модель поиска оптимума между государственной, этнической и религиозной идентичностями; Азербайджан и Туркменистан – переходные «прикаспийские» идентичности; Армения – этнокультурная модель.

¹⁷ Шницерльман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика на Закавказье. М.: «Академкнига», 2003. С. 188; СС. 216–223

¹⁸ Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // «Полис. Политические исследования», 2017. № 5. С. 72.: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>

Модели развития постсоветских идентичностей

Примечательно, что интерес к постсоветской идентичности получил широкий отклик в работах российских ученых (Ю.А. Левады, В.А. Тишкова, И.С. Семенов, В.И. Пантина, О.Ю. Малиновой и др.), попытавшихся описать переход от «советской» к российской идентичности, обозначив основные проблемы формирования современной гражданской нации в России. Это обстоятельство можно связать с тем фактом, что наиболее болезненным процессом поиска новой модели политической идентичности стал пример России, где смена советской парадигмы создала большое количество рисков, связанных со сложностями построения российской гражданской нации и сопряжением многочисленных этномифологий народов РФ. Такой процесс, в конце концов, привел к формированию незаконченной модели «национально-цивилизационного сообщества»¹⁹, предоставляющей возможность более гибко отвечать на вызовы кризиса идентичности внутри российского общества, но, вместе с тем, не выходя из процесса постоянных конфликтов между историческими и эпохальными сюжетами российской истории.

Двоякость подобной трактовки российской идентичности вела к формированию двух общих подходов, существующих в рамках дихотомии «примордиализм-конструктивизм». Первый подход декларировал существование особой «русской цивилизации», которая способна сплотить различные социальные, политические, культурные паттерны российского общества, объединенного на основе исключительности и определенной «миссии» всего сообщества²⁰. Другой подход говорил о наличии общероссийской идентичности – «русской нации», основанной

¹⁹ Пантин В.И., Лапкин В.В. Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы // «Общественные науки и современность», № 1, 2004.

²⁰ Паин Э., Федюнин С. Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. М.: «Мысль», 2017. СС. 145–146.

на феноменах солидарности и лояльности граждан РФ вне зависимости от этнической принадлежности²¹. В постсоветский период оба этих подхода активно использовались в публичной сфере для обоснования тех или иных программ политического руководства, однако «последовательного курса «строительства» макрополитической идентичности»²², заменяющего инерцию постсоветского периода, так и не было сформулировано.

В бывших союзных республиках выбор той или иной модели национальной идентичности зависел от нескольких факторов: наличия опыта государственности, национальной культуры и стереотипов, гомогенности населения, обозначения «Другого» и геополитической ориентации. После нескольких «экспериментов» этнонационализма в полиэтнических республиках бывшего СССР (Молдова, Грузия, Азербайджан, Таджикистан) сложились более устойчивые модели политики идентичности, основанные на доминировании тех или иных факторов. К примеру, в Беларуси становление национальной идентичности проходило через процесс сохранения советской идентичности к построению новых концептов белорусской нации, объединяющих дискурсы советской, «литвинской» и национально-белорусской истории²³. При этом каждый аспект определенного взгляда на историю и текущее развитие белорусского общества мог выполнять конкрет-

²¹ *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: «Наука», 2013. С. 22.

²² *Малинова О.Ю.* Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография. РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки. М., 2013. С. 369.

²³ *Бикетова Е., Чернышов Ю.* Нациестроительство республики Беларусь и европейский компонент белорусской идентичности // *Мировая экономика и международные отношения.* 2018, т. 62, № 1. СС. 94–103: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-94-103>

ную функцию: «литвинский» фактор удревнял миф о белорусском государстве, советская идентичность обеспечивала лояльность политическому режиму, а национально-белорусский срез обосновывал уникальность положения Беларуси в Европе. В целом, сложная траектория белорусской политики идентичности привела к столкновению между «авторитарным» и «прозападным» дискурсами²⁴, хотя в этом случае довольно сложно однозначно очертить рамки модели идентичности, доминирующей в белорусском обществе.

Если для белорусской национальной идентичности советский период стал одним из наиболее важных элементов, то модель украинской идентичности формировалась в рамках противопоставления этому периоду. Создавалась определенная «анти»-модель национальной идентичности, главной чертой которой становились «антиимперская» или «антироссийская» направленности со всеми вытекающими из этого последствиями. В каком-то смысле негативная направленность украинской политики идентичности выхолащивала и собственное содержание, формируя запрос на создание абстрактной «европейской» идентичности, а не украинской²⁵. Такой же концепт «возвращения в Европу» применялся в случае прибалтийских республик, Молдовы и постреволюционной Грузии, желающих в большей степени подчеркнуть «европейскость» своей идентичности²⁶. Как пример, в Грузии западный или европейский дискурс функцио-

²⁴ Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // «Полис. Политические исследования», 2017, № 5. СС. 71–72: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>.

²⁵ Грицай Е., Николко М. Украина: национальная идентичность в зеркале Другого. Вильнюс: ЕГУ, 2009. СС. 121–122.

²⁶ Летняков Д.Э. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // «Мир России», 2016. Т. 25, № 2. СС. 149–150.

нировал «как часть наследия грузинского антисоветского оппозиционного национализма»²⁷, то есть становление национальной идентичности и прочтение собственных исторических и культурных нарративов проводилось через геополитическую ориентацию правящего режима.

В отличие от носителей «европейской» идентичности, центральноазиатские республики пытались справиться с наследием советского периода, пытаясь найти оптимальную модель политики идентичности, способствующую сохранению власти местных элит и баланса между различными элементами размытой идентичности народов Центральной Азии. Советская власть создала новые границы для государств региона и, вместе с тем, разделила некогда единые историко-культурные и хозяйственные субрегионы (Хорезм, Северный Таджикистан, Фергана и др.), что стало основой для будущих конфликтов²⁸. В постсоветский период для полиэтнических республик Центральной Азии важной проблемой являлось построение гражданского национализма, хотя на деле в республиках со смешанным населением и клановой системой – Узбекистане и Таджикистане – государственная пропаганда постепенно свелась к этническому и культурному национализму²⁹. В Казахстане изначально присутствовала приверженность к формированию гражданской «казахстанской» нации, хотя и с сохранением доминирующей ролью казахской элиты, что,

²⁷ *Кирчанов М.В.* Европейская идентичность Грузии: европейская идея и современный грузинский национализм // «Российский журнал исследований национализма», 2012, № 1. С. 13.

²⁸ *Омаров М.М.* Институциональные аспекты политики идентичности государств Центральной Азии в сфере региональной безопасности // «Регионоведение», 2012, № 3 (80). СС. 72–80.

²⁹ *Даудов А.Х., Алимджанов Б.А., Андреев А., Шорохов В., Янченко Д.* Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время и эпоху независимости // «Этнографическое обозрение», 2018, № 5. СС. 146–161.

вместе с ярко выраженной регионализацией страны на русскоязычный «Север» и казахоязычный «Юг», создавало двойственную картину развития национальной идентичности³⁰. Переход с кириллицы на латиницу также может считаться важным индикатором отхода Казахстана от постсоветской идентичности. В свою очередь, Кыргызстан, развивая идею становления гражданской идентичности, по причине социальных и политических кризисов и в отсутствие какого-либо консолидирующего образа «Другого», не смог сформулировать четкой политики идентичности³¹. В плане региональной интеграции культурная, языковая, этническая (тюркская) и религиозная общность стран Центральной Азии способствует углублению процесса регионализации с перспективой переориентации политики идентичности на развитие отношений со странами Южной Азии, Турцией и Китаем.

Из общего контекста центральноазиатской проблематики построения национальной идентичности выпадает Туркменистан, позиционирующий себя как нейтральное государство, формирующее отдельную прикаспийскую идентичность, основанную на совмещении мифологии «ислама, коммунизма и древних восточных деспотий». Корни туркменской власти и идентичности находились в племенной структуре туркменского общества³², которая определила особый тип политической системы современного государства.

³⁰ Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // «Полис. Политические исследования», 2017. № 5. С. 62: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>.

³¹ Торогельдиева Б.М. Формирование гражданской идентичности в полиэтничном кыргызстанском обществе // «Развитие территорий», 2017, № 1 (7). СС. 12–16.

³² Гавровская Е.А. Независимый Туркменистан: идеологические аспекты национальной политики. Формирование нового дискурса // «Идеи и идеалы», № 1, ч. 2, 2010.

Такая же модель переходной «прикаспийской» идентичности осуществляется в Азербайджане, совмещая идеи «тюркизма», исламской солидарности, шиизма, кавказской общности, армянофобии³³ и попыток реализации проектов гражданского национализма. История постсоветского Азербайджана вобрала в себя этап антисоветской и антироссийской модели идентичности (в первые годы независимости)³⁴, попытку реализации «идеологии азербайджанства» (гражданского национализма)³⁵, переход к насаждению этнонационализма на волне поражения после Первой Карабахской войны и рост пантюркистских настроений после Второй Карабахской войны. Отдельные азербайджанские авторы отмечали необходимость построения национальной идентичности на основе «комплекса национального превосходства»³⁶. Так или иначе, в большей степени объединяющим национальную историю и идентичность современным негативным нарративом, направленным против «Другого» в лице армян, стал именно Карабахский конфликт.

В случае же армянского общества восприятие современных событий вписывалось в «готовый» исторический нарратив, свя-

³³ Адибебян А., Элибегова А. Армянофобия в Азербайджане. Ер.: Центр общественных связей и информации при Аппарате президента Армении. 2013. 332с.

³⁴ В Конституционном акте АР «О восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики» напрямую говорится об аннексии Азербайджана Россией в XIX и XXвв./ Законодательство стран СНГ [Режим доступа]: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2889

³⁵ Идеология азербайджанства была предложена третьим президентом Г. Алиевым в качестве основы для формирования гражданской идентичности.

³⁶ Якубова Н.Ш. Кризис идентификации в переходный период развития общества: опыт Азербайджана // «Идеи и идеалы», т. 11, № 4, ч. 2, 2019. СС. 449–450. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-443-453.

занный с «комплексом жертвы» – совокупности социально-психологических последствий пережитого геноцида армян в Османской империи³⁷. Нужно отметить, что сама тема геноцида стала важным фактором в росте армянского национального самосознания в 1960-х в АССР, результатом чему стало создание мемориала памяти жертвам в Цицернакаберде. Таким образом, в армянской модели идентичности можно заметить некоторую преемственность, связанную в дальнейшем с постсоветским периодом, когда победа в Первой Карабахской войне воспринималась как один из этапов преодоления «комплекса жертвы» и фундамент для построения политической нации³⁸. Кроме того, постсоветский период политического развития Армении был назван «Третьей республикой», что подтверждало преемственность политической идентичности граждан Армении, однако, несмотря на это, в армянской действительности продолжала доминировать модель культурной нации³⁹, объединяющая не только постсоветских армян, но и диаспору.

³⁷ Золян М. Исторический нарратив и репрезентация конфликта (еще раз о конфликте в Нагорном Карабахе и вокруг него) / Heinrich Boell Foundation Tbilisi Office – South Caucasus Region. 2005. 15 января. [Режим доступа]: <https://ge.boell.org/en/2005/01/16/istoricheskiy-narrativ-i-reprezentaciya-konflikta-eshche-raz-o-konflikte-v-nagornomi>

³⁸ Искандарян А., Арутюнян Б. Армения: «карабахизация» национальной истории // Национальные истории в советских и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: «АИРО-XX», 1999.

³⁹ Саркисян О.Л. Армянская идентичность: проблема синтеза моделей «культурно-исторической» и «государственной» нации // Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации. Материалы международной научной конференции 3–4 ноября 2017г. Ер.: Изд-во РАУ. 2017. С. 136.

Восприятие постсоветской идентичности (обзор результатов экспертного опроса в Армении)

Распад общего политического и культурного пространства привел к возникновению различных моделей постсоветских идентичностей, демонстрирующих временный характер данного феномена. С этим, отчасти, согласились респонденты экспертного опроса⁴⁰ в Ереване, проведенного в рамках проекта «Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере России и Армении)». Основная часть экспертов отрицала существование какой-либо единой идентичности на постсоветском пространстве, отмечая «поколенческую» природу этого вопроса, связанного с «схожим набором проблем», которые каждое общество решает по-своему. Так, *эксперт 4* утверждал, что «постсоветского мира как единой субстанции не существует», а есть «некоторые культурные черты: знание русского языка взрослыми поколениями, архитектура, представления об историческом прошлом, – но они уходят и уже появляются «зоны», где русский язык становится бесполезным. Это постепенно расплывающееся явление». Вместе с тем, отмечается различие идентичностей и в советский период: «узбекский и украинский колхозы очень отличались, как и власть в республиках. В Узбекистане колхоз был способом организации феодального производства...».

Другие респонденты заострили внимание на отсутствии единой оценки прошлого со стороны всех бывших союзных республик, а также необходимости переосмыслить советский период развития армянской государственности и общества. К примеру, *эксперт 7* отмечал, что те народы, «которые уже имели свою государственность, идентичность, они имели еще и большую возможность для усиления, развития» в советский период.

⁴⁰ Опрос проведен в июне-августе 2021г. среди двенадцати армянских экспертов (см. гл. 7, 8).

С другой стороны, *эксперт 8* обращает внимание на то, что в советский период возникал конфликт идентичностей, и «люди, которые старались найти себя и понять, кто они такие, естественно, возвращались к собственным корням и пытались защитить все то, что связано с их идентичностью (национальной, этнической, религиозной), защитить от того колоссального пресса, который оказывала центральная советская система».

Эксперт 9 указывает на то, что постсоветская идентичность является некой «смесью бывшего советского и национального», так как «советская идентичность продолжает существовать в очень многих трансформированных видах и является важной частью нашей общей национальной идентичности». В качестве причины отмечается «специфическая марксистская манера модернизации», которую прошло армянское общество. Несмотря на это, *эксперт К* утверждает, что постсоветская идентичность является «временным явлением», которое сменится с приходом «цифрового поколения».

Таким образом, опрос, как и обзор основных моделей постсоветских идентичностей, показывает продолжающийся процесс дистанцирования обществ бывшего СССР на основе возникновения новых форм восприятия социальных и политических явлений. Вместе с тем, даже в сфере международных отношений отдаление бывших союзных республик друг от друга и углубляющаяся регионализация ведет к формированию новых трансрегиональных проектов, которые в будущем также могут стать основой для какой-либо макрополитической идентичности.

Глава III. Нацестроительство в республиках Южного Кавказа: Азербайджан и Грузия

Д.О. Саргсян

Одним из факторов, влияющих на политику нацестроительства на постсоветском пространстве, является то, что большинство народов здесь либо не имели опыта собственной государственности, либо потеряли свою государственность несколько столетий назад. Поэтому «задача нацестроительства встает одновременно и параллельно с задачей государственного строительства, а в некотором отношении – и в качестве конкурирующего проекта»⁴¹. На наш взгляд, это относится и к государствам Южного Кавказа. Хотя Армения и Грузия и имели достаточно долгий опыт государственности, но проект создания национального государства им так и не удалось осуществить. В результате, они оказались в составе Российской империи, а затем СССР. После провозглашения независимости эти государства встали перед проблемой совмещения узких этнонациональных интересов и амбиций гражданско-государственного строительства. Что касается Азербайджана, то здесь на первый план выдвинулась проблема конструирования общенациональной гражданской идентичности в условиях этнической и конфессиональной разношертности.

На политику нацестроительства на постсоветском пространстве влияет также то, как народы воспринимают советский период своей истории. Во многих случаях работает феномен «постколониального синдрома». Советская эпоха представляется как период колонизации и, соответственно, политика идентичности строится на противопоставлении этому периоду. А так как зачастую СССР воспринимается как российский проект, то политика отмежевания от советского прошлого часто превращается в

⁴¹ Семененко И.С., Лапкин В.В, Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // «Полис», 2017, № 5. С. 56.

политику дистанцирования от России или даже – противопоставления ей. Наиболее ярким выражением подобной политики на Южном Кавказе является позиция Грузии. Позиция отмежевания от России у многих стран постсоветского пространства проявляется в усилении прозападной политики, что выражается в стремлении «вернуться в Европу». О своей «европейской идентичности» заявляют в Украине, Молдавии, а на Южном Кавказе – в Грузии. В Армении, где вплоть до последнего времени осознавалась важность стратегического партнерства с Россией, особенно в области безопасности, наоборот, большинство населения относится к советскому прошлому позитивным образом. Азербайджан же занимает более умеренную позицию, демонстративно декларируя свою позицию нейтралитета. Хотя, с другой стороны, это государство интенсивно сотрудничает с Турцией, подчеркивая свою тюркскую идентичность, а также всячески лоббирует свои интересы в организациях исламских государств, в то же время, позиционируя себя как абсолютно светское государство.

Своеобразным проявлением вышеуказанных позиций государств Южного Кавказа является степень их задействованности в интеграционных проектах, развертывающихся на постсоветском пространстве, основным инициатором которых является Россия: Грузия не участвует в них, Азербайджан входит в СНГ, Армения участвует в СНГ, ОДКБ и ЕАЭС.

Необходимо учесть также, что на процессы, протекающие в регионе, в том числе на процесс нациестроительства, оказывает влияние факт наличия здесь межнациональных конфликтов, непризнанных и полупризнанных государств. Исследование процесса нациестроительства в самих этих непризнанных государствах является отдельной задачей. Но интересно, что межнациональный конфликт также используется как инструмент политики нациестроительства, как мощное средство мобилизации общества. Так, например, важным инструментом политики идентичности Азербайджана является не столько конфликт с Арменией вокруг Нагорного Карабаха, сколько полная демонизация армян

как образа Другого, на противопоставлении которому пытаются консолидировать азербайджанское общество.

Таким образом, если в Грузии главной тенденцией процесса нациестроительства является отмежевание от советского прошлого и влияния России, а также интеграция с западным миром, то политика идентичности в Азербайджане, в основном, базируется на усилиях нивелировки религиозных и клановых различий на пути формирования общеазербайджанской идентичности.

Что касается Армении, то здесь практически не используется термин *политика нациестроительства*. Обосновывается данная позиция тем, что население Республики Армения моноэтнично. Но игнорирование политики нациестроительства, исходя из факта моноэтничности населения Республики Армения, означает, что нация понимается сугубо в этническом смысле. Между тем, развитие государственности, претензии на становление национального государства предполагают, в первую очередь, интенсивное развитие гражданско-государственного пласта национальной идентичности, что и должно быть особой составляющей политики нациестроительства.

Факторы политики нациестроительства в Азербайджане

В процессах нациестроительства на постсоветском пространстве есть и общие тенденции, но, в целом, разные государства выбирали разные стратегии и проводят разную политику формирования политической нации. В некоторых случаях работает «постколониальный синдром», и поэтому политика идентичности строится на отмежевании от советского прошлого, что, в свою очередь, часто превращается в политику дистанцирования от России или даже – противопоставления ей. На этом фоне широко используется так называемая стратегия «возвращения в Европу». Делаются попытки показать свою приверженность еще с древних времен европейским ценностям (свобода, равенство и др.) в таких постсоветских странах, где даже неуместно говорить о европейском прошлом. Примером этого может служить то, что в Казахстане или в

Киргизии иногда можно услышать о «степной» или «кочевой» демократии, а азербайджанцы же акцентируют, что Азербайджанская республика, провозглашенная в 1918г., была первой республикой в мусульманском мире.

Почти все постсоветские республики связывает определенный отрезок общего исторического прошлого. Однако разные государства трактуют это прошлое по-разному. Каждое государство на конкретном этапе своего развития трактует историю так, как ему выгодно: «Современное государство, в особенности национальное, придает огромное значение официальной версии истории и всеми силами пытается навязать ее своим гражданам»⁴². Следствием интерпретации исторических фактов в соответствии с современными собственными интересами и конструирования своей версии истории разными государствами становятся так называемые «войны памяти».

Уровень единого национального самосознания в Азербайджане на момент распада СССР был на довольно низком уровне. Этническая и конфессиональная разношерстность, с одной стороны, и отсутствие традиций собственной государственности, с другой, актуализировали политику национального и государственного строительства. Как пишет Г.М. Дерлугьян: «...проект азербайджанской нации не имел исторических прецедентов, национального эпоса сопротивления иноземцам, даже языка (слишком похожего на турецкий), религиозного сознания (слишком иранского шиитского ислама) и культурно-бытовой общности. Мусульмане Закавказья, в царские времена скопом называемые татарами, представляли собой тогда конгломерат племен и сельских общин тюркского, персидского, курдского и дагестанского происхождения»⁴³. Хотя необходимо признать,

⁴² Шницерльман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. ИКЦ «Академкнига». М.: 2003. С.14.

⁴³ Дерлугьян Г.М. Мировая война местного значения // Буря на Кавказе / Под ред. Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. С.18.

что годы советской власти уже способствовали заложению основ азербайджанской идентичности. М. Золян отмечает, что «в годы советской власти различные формы идентификации (религиозная, племенная, региональная), которые были основными для тюркоязычных мусульман в дореволюционный период, уступают свое место национальной идентификации как азербайджанцев»⁴⁴. Этому способствовала, во-первых, политика коренизации, укреплявшая в закавказских республиках позиции «титულных наций». Результатом этой политики стало то, что «все семьдесят лет советской власти в Закавказье шли обмен населением и укрепление национального облика республик»⁴⁵. Во-вторых, немаловажную роль сыграла политика атеизма, способствовавшая ослаблению религиозной идентичности населения. Но, в любом случае, по сравнению с двумя другими закавказскими странами национальная идентичность в Азербайджане была намного аморфнее к моменту приобретения независимости. Поэтому перед Азербайджаном встала задача осуществления двух проектов: проект формирования азербайджанской государственности и проект создания азербайджанской нации⁴⁶.

После обретения независимости внутривосточная обстановка в Азербайджане была крайне нестабильной. За год в стране сменились три президента, страна была на грани гражданской войны, а нефтяная сфера экономики требовала многомиллион-

⁴⁴ Золян М.С. Этнополитический конфликт и национальная идентичность: о некоторых аспектах Нагорно-Карабахского конфликта // «Вестник Российско-Армянского университета (серия: гуманитарные и общественные науки)», 2004, № 2. С. 32.

⁴⁵ Дерлугьян Г.М. Мировая война местного значения // Буря на Кавказе / Под ред. Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. С.19.

⁴⁶ Золян М.С. Этнополитический конфликт и национальная идентичность: о некоторых аспектах Нагорно-Карабахского конфликта // «Вестник Российско-Армянского университета, сер.: гуманитарные и общественные науки», 2004, № 2. С. 31.

ных инвестиций. После прихода к власти Гейдара Алиева ситуация начинает стабилизироваться, и постепенно разворачивается политика государственного и национального строительства. Как это ни парадоксально, но поражение в Первой Карабахской войне, на наш взгляд, имело ключевое значение для процесса национальной консолидации и мобилизации в Азербайджане.

Важное место в политике нациестроительства в Азербайджане занимают конструирование исторического прошлого и политика памяти. Как пишет В.А. Шнирельман, «едва возникнув, новое государство должно обращаться к истории, чтобы подкрепить глубокой древностью и непрерывностью исторической традиции свое право на существование. Так происходило во всем мире, не избежал этого и Азербайджан»⁴⁷. После разнообразных попыток найти исторические корни азербайджанского народа в историческом прошлом в Азербайджане, по существу, пришли к выводу, что необходимо связать генезис азербайджанской нации со всеми народами, которые проживали на территории современного Азербайджана с глубокой древности. Тем самым, формируется мифологема, что Азербайджан вобрал в себя культурно-цивилизационные достижения этих народов. Такой подход позволяет связать истоки азербайджанского народа с древними мидийцами (что, по мнению В.А. Шнирельмана «было санкционировано азербайджанскими властями»⁴⁸), претендовать частично на историческое наследие кавказских албанцев и Сефевидского Ирана, не забывая также о настоящих своих предках – тюркских кочевых племенах, появившихся в регионе в достаточно позднее время. Очевидно, что такая картина генезиса и развития азербайджанской нации чрезвычайно искусственна, но она достаточно «обаятельна» для внутреннего пользователя и, эффективно раскручиваясь, становится важным инструментом конструирования общеазербайджанской идентичности. Такой подход позволяет

⁴⁷ Шнирельман В.А. Указ. работа. С. 119.

⁴⁸ Там же. С. 134.

всех культурных деятелей, проживавших на данной территории, объявить «азербайджанцами». Явным примером является «приватизация» классика средневековой персидской поэзии Низами⁴⁹.

Если проводимую Азербайджаном политику памяти и истории можно с большой натяжкой назвать «конструированием», то в тех случаях, когда эта политика соприкасается с историей Армении и армянского народа, начинается явная фальсификация реального исторического процесса. При этом используется излюбленный инструмент антиармянской политики Азербайджана – технология «зеркального проецирования»: ассимиляцию тюркскими племенами автохтонных народов региона и приватизацию их исторического наследия пытаются проецировать на армян.

Поиски исторических истоков азербайджанской нации в определенной степени были связаны с стремлением азербайджанцев определиться со своей национальной идентичностью. Долгое время шли дебаты о том, что является исходным для самоидентификации азербайджанцев. Существует два основных дискурса вокруг данной проблемы: азербайджанство и тюркизм. В 1988 году, накануне распада Советского Союза, был создан НФА (Народный фронт Азербайджана). Правительство Народного фронта, пришедшее к власти в 1992 году, сформулировало националистический дискурс, основанный на идее тюркизма, и подчеркнуло турецкое происхождение азербайджанской нации, лежащее в основе досоветского этнического и культурного наследия. Подобный подход получил негативную оценку со стороны национальных меньшинств Азербайджана (тальши, лезгины и т.д.). После прихода к власти Гейдара Алиева в 1993 году акцент в построении нации сместился в сторону азербайджанства, идеологии, призванной ослабить межэтническую напряженность внутри страны, и интерпретации идентичности, уходящей

⁴⁹ *Летняков Д.Э.* Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // «Мир России», 2016, № 2. С. 152.

корнями в советский период, что способствовало ее интернализации. Период Ильхама Алиева отмечен укреплением идентичности азербайджанского гражданства. С 2003 года консолидированное понятие «азербайджанства» стало основой для гражданского понимания азербайджанства и инклюзивной гражданской идентичности. Тем не менее, осведомленность о турецких корнях также возросла по сравнению с ранними годами правления Алиева-старшего. Популярность турецкого происхождения никоим образом не ставит под сомнение азербайджанскую идентичность. Они, скорее, представляются мирно сосуществующими и взаимодополняющими. В период правления Г. Алиева азербайджанство воспринималось как проект объединения людей, учитывая, что люди, проживающие на территории Азербайджана, являются азербайджанцами. Представители правящей партии утверждали, что упор на тюркизм приведет к сепаратистским движениям, следовательно, национальной идеологией должно быть азербайджанство, поскольку турки, лезгины, талыши и русские являются азербайджанцами⁵⁰. Правящая элита подчеркивает, что подобная позиция основывается на мультикультурализме и терпимости и способствует интернационализации положительного имиджа страны. Оппозиция же продолжает упор делать на тюркизме. Она не возражает против использования понятий «азербайджанский турецкий» и «азербайджанские турки».

В.Э. Шнирельман пишет, что если «у армян в силу их непростой истории и наличия крупной диаспоры чувство общности связано, прежде всего, с понимаемой в этническом смысле нацией», то «у азербайджанцев – с государством», которое сплачивает «азербайджанцев в единую нацию»⁵¹. Таким образом, в

⁵⁰ *Ergun A. Citizenship, National Identity, and Nation-Building in Azerbaijan: Between the Legacy of the Past and the Spirit of Independence // "Cambridge University Press", 2021.*

⁵¹ *Шнирельман В.А. Указ. Работа. С. 37.*

Азербайджане конструируется не сугубо этническая, а гражданско-государственная идентичность.

Определенное влияние на трансформацию идентичности и на процесс нациестроительства в Азербайджане оказывают и основные принципы внешнеполитической доктрины. Политическая элита государства согласна с тем, что в современных условиях многополярного мира невозможно проведение в жизнь политической стратегии, основанной на односторонности внешней политики. Считается, что современная внешняя политика, желающая быть адекватной и реалистичной, должна быть целостной системой, в совокупности охватывающей всю сложность международных отношений⁵². Большое значение для определения приоритетов внешней политики имеет членство Азербайджана в целом ряде авторитетных международных организаций, среди которых ООН, ОБСЕ, Совет Европы, Исламская Организация Сотрудничества, СНГ⁵³.

В контексте внешней политики Азербайджана на политику нациестроительства в той или иной степени оказывают влияние отношения с Турцией и Ираном. Турция пользуется особым авторитетом в стране из-за своего культурного, этнического и языкового сходства. Как правительство, так и оппозиция считают страну лучшим союзником и главным другом Азербайджана. Тот факт, что Турция была первой страной, признавшей независимость Азербайджана, а также ее безоговорочная поддержка Азербайджана по Карабахской проблеме и отказ от построения дипломатических отношений с Арменией создали очень тесные узы дружбы и стратегического партнерства. Девиз «одна нация – два

⁵² *Махмудов Я.М., Шукюров К.* Азербайджан: международные отношения и история дипломатии. Международные договоры и другие внешние политические акты: в 4-х т., т. 1. Баку: Изд-во «Институт истории им. А.А. Бакиханова», 2009. СС. 15–16.

⁵³ *Гусейнова Н.* Принципы и приоритеты внешнеполитической деятельности Азербайджанской Республики // 30-летие конфликта в Нагорном Карабахе (сборник научных статей). М.: РУДН, 2019. СС. 151–153.

государства», часто упоминаемый президентами и политиками обеих стран, вносит свой вклад в эти весьма своеобразные отношения, которые также имеют прочную основу в общественном мнении как Азербайджана, так и Турции. Этот стратегический союз еще более окреп после значительного содействия Турции Азербайджану во время 44-дневной войны 2020г., выражением чего стала, например, «Шушинская декларация».

Иран имеет некоторое историческое наследие в азербайджанской культуре. Население обеих стран в основном – мусульмане-шииты. Однако уже правительство Народного фронта заявило о своем желании оставаться светским демократическим государством. В то же время выдвигалась идея защиты культурных прав азербайджанцев в Иране. Однако правительство Гейдара Алиева, понимая, что такие идеи могут нанести ущерб азербайджано-иранским отношениям, заявило, что статус этнических азербайджанцев является внутренним делом Ирана.

В контексте рассматриваемой проблематики важным является позиционирование Азербайджана в регионе и мире как интенсивно развивающегося государства и открытого общества. Механизмы публичной дипломатии способствуют формирования определенного имиджа государства на международной арене. А проведение таких международных мероприятий, как «Евровидение», «Европейские игры», «Формула-1», «Исламские Олимпийские игры» и др. можно рассматривать как часть нового национального брендинга.

На трансформацию идентичности и политику нацестроительства на постсоветском пространстве, в целом, и на Южном Кавказе, в частности, оказывали и оказывают большое влияние разнообразные межэтнические конфликты. В случае Армении и Азербайджана речь, конечно же, идет о Карабахском конфликте: «Разворачиваясь в 1988–1994гг. параллельно с развалом Советского Союза, Карабахский конфликт формировал коллективное мировоззрение в двух новых нациях-государствах, заставляя их

постоянно отталкиваться друг от друга, подобно одинаковым полюсам двух магнитов»⁵⁴. Добавим, что и после 1994г. фактор Карабаха оставался одним из главных, а, может быть, основным, определявшим как внутреннюю, так и внешнюю политику обеих республик. Прав был М. Золян, когда отмечал, что «Карабах стал той сакральной территорией, тем символом, вокруг которого азербайджанская элита стремилась консолидировать нацию, а армяне стали тем “образом Другого” или “образом Врага”, по отношению к которому консолидируется нация»⁵⁵. Демонизация армян, действительно, превратилась в один из основных инструментов нациестроительства в Азербайджане. Т. де Ваал отмечает, что «азербайджанское руководство двадцать лет демонстрирует нездоровую одержимость Арменией, изображая свою страну как “анти-Армению”, а “азербайджанский президент” любит подкреплять рассуждения о сегодняшнем дне историческими доводами (весьма сомнительными), пытаясь отказать Армении как в будущем, так и в прошлом»⁵⁶.

Разрабатываются и системно внедряются в массовое сознание мифологемы об «армянской агрессии», «армянском заговоре», «армянах-пришельцах», «геноциде азербайджанцев»⁵⁷. В Армении убеждены, что все эти мифологемы основаны на зеркальном проецировании на Армению собственных злодеяний по отношению к армянам. Апогеем антиармянской позиции можно считать героизацию в Азербайджане Рамиля Сафарова, зарубившего спящего армянского офицера во время курсов НАТО «Партнерство во имя мира» в Будапеште. Армянофобия находит свое

⁵⁴ Ваал де Т. Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. М.: «Политическая энциклопедия», 2014. С. 356.

⁵⁵ Золян М.С. Указ. работа. С. 32.

⁵⁶ Ваал де Т. Указ. работа. С. 356.

⁵⁷ Золян М.С. Указ. работа. С.34.

выражение даже в школьных учебниках и внедряется в сознание подрастающего поколения со школьной скамьи⁵⁸.

Таким образом, политика нациестроительства в современном Азербайджане направлена на конструирование общеазербайджанской государственной идентичности и базируется на усилиях нивелировки религиозных и этно-племенных различий, с одной стороны, и противопоставлении армянскому началу, с другой. Необходимо признать, что конструирование на противопоставлении в краткосрочной перспективе дает серьезный эффект, но не может быть фактором долгосрочной стратегии нациестроительства. Возможное налаживание армяно-азербайджанских отношений может лишить азербайджанские власти важного ресурса национальной мобилизации. Победит ли новый конструктивный проект нациестроительства в Азербайджане или базисным останется антиармянский фактор, покажет будущее.

Основные факторы и направления нациестроительства в Грузии

Как и в некоторых других государствах постсоветского пространства, в Грузии причудливым образом сочетаются элементы этнонационализма и гражданского (государственного) национализма. После обретения независимости современной Грузией первый президент З. Гамсахурдия, по существу, осуществлял политику этнонационализма, основанную на националистической идеологии, истоки которой уходят в конец XIX – начало XXвв., когда грузинский писатель и публицист И. Чавчавадзе декларировал три столпа грузинской идентичности (родина, язык, рели-

⁵⁸ *Элибегова А.Г., Вардазарян С.С.* Армянофобия в азербайджанских учебниках и ее влияние на безопасность Армянского государства // «Вестник Российско-Армянского университета, сер.: гуманитарные и общественные науки», 2021, № 1.

гия), а националистическая организация «Сакартвело» выдвинула лозунг «Грузия для грузин»⁵⁹. Иногда эту установку называют грузинским «национальным проектом», который реализовывался Первой грузинской республикой в 1918–1920-х гг., а в латентной форме – и сегодня.

Для классического грузинского национализма важнейшим составляющим был лингвистический национализм. Для западноевропейских лингвистических национализмов поворотным моментом, как правило, стал перевод Библии на национальный язык. Грузия XIX века была как впереди, так и позади в этом отношении: Библия уже давно была переведена на грузинский язык, но в Российской империи Грузинская Православная церковь была лишена своего автокефального статуса, и грузинский язык больше не использовался в церковных службах. К тому же, наличие множества диалектов в разговорном грузинском в XIX веке никак не могло способствовать консолидации грузинской нации. Поэтому вставала задача языковой консолидации вокруг нормативного литературного языка. План действий состоял в том, чтобы развивать грузинский язык как язык светской литературы, обучать грузин этому нормативному языку, сделать его доминирующим языком. Эту задачу начали решать И. Чавчавадзе и его соратники.

Но, как это ни парадоксально, но самые важные шаги в этом направлении были предприняты в Советской Грузии: были созданы нормативная грамматика и словари, а грузинский язык стал языком всеобщего массового образования. Эта задача была успешно завершена в независимой постсоветской Грузии, когда грузинский язык окончательно стал языком документооборота. Все это сыграло немаловажную роль для укрепления грузинской идентичности.

⁵⁹ См.: *Вардамян Т.* Грузия: идентичность в политических программах и действиях // «21-й век», № 3 (15), 2010. СС. 53–54.

Важнейшим духовным феноменом грузинской самоидентификации является православная вера, а Грузинская Православная церковь (ГПЦ) – один из основных акторов формирования, развития и сохранения грузинской идентичности. Грузинская Православная церковь является одним из самых авторитетных институтов и в современной Грузии, а ее лидер, патриарх Илия II, является самым уважаемым человеком в стране.

Положительная репутация национальной церкви в Грузии обусловлена, прежде всего, исключительной исторической ролью, которую она сыграла в становлении грузинской государственности и сохранении грузинской культурной и духовной самобытности. Создание собственного грузинского алфавита в V веке, в результате чего церковная литургия стала проводиться именно на грузинском, способствовало осознанию собственной самобытности.

Религия также играет важную роль для определения территории грузинского народа. Слово «Сакартвело» появилось в X веке. Под словом «Сакартвело» понимали все те территории, где церковные церемонии проводились на грузинском языке⁶⁰.

Еще одним важным событием в истории грузинской церкви является раскол между грузинской и армянской церквями в VII веке. В результате этого раскола произошла дифференциация коллективной идентичности региона.

Грузинская церковь в течение столетий выполняла объединяющую функцию для нескольких раздробленных грузинских царств. А когда и вовсе отсутствовали независимые грузинские государственные образования, то тогда церковь выполняла и некоторые функции государства, становившись, по сути, единственным объединяющим институтом для грузинского народа.

После вхождения Грузии в состав Российской империи была ликвидирована автокефалия Грузинской церкви (1811 г.). Грузинская церковь превратилась в экзархат под подчинением синода, и

⁶⁰ См.: *Серрано С.* Воплощение национального единства или оппозиционная сила // Журнал “Pro et Contra”, сентябрь-октябрь 2013. С. 67.

только первый экзарх был грузином – Варлаам Эристави. Почти все остальные экзархи были русского происхождения. В 1917 году еще до провозглашения Грузией независимости, Грузинская церковь объявила о восстановлении автокефалии. Однако через несколько лет, уже во времена СССР, как и религиозные институты других советских государств, попала под репрессии советской власти.

После развала СССР политические лидеры Грузии начали опираться на церковь, так как она, несмотря на все преследования, оставалась самым авторитетным институтом в стране. Начиная с Звиада Гамсахурдии, все политические лидеры Грузии почти всегда появлялись на разных официальных церемониях в сопровождении церковных лидеров.

Роль церкви и православия в независимой Грузии можно понять просто, взглянув на флаг или герб страны. На флаге изображены пять крестов, а на гербе изображен Святой Георгий, считающийся покровителем Грузии.

Говоря о сегодняшней роли Грузинской церкви, надо упомянуть, что с XIX века началась политика создания культа вокруг религии. Разные авторы пытались убедить людей, что православие равно славному прошлому. Есть мнение, что современный грузинский национализм основывается именно на этих идеях XIX века. Современная религиозно-национальная идеология грузин основывается на мистифицированной идее богоизбранности грузинского народа. Довольно ярким примером подобного дискурса являются слова католикоса-патриарха Ильи II во время пасхальной ночи в 1989 году. Илья II сравнил Иисуса Христа и Грузию. В частности, он заявил: «Христос воскрес, Грузия Воскресла»⁶¹.

Судить о соотношении национальной и конфессиональной идентичности мы можем по росту числа православных граждан

⁶¹ *Andronikashvili Z., Maisuradze G. Secularization and its Vicissitudes in Georgia // "Identity Studies", 2010, vol. 2.*

Грузии. Сегодня в Грузии православными считают себя примерно 84% населения, что для такой многонациональной страны как Грузия, довольно высокое число.

Если сравнить влияние церкви в Грузии и в других постсоветских странах, то можем сделать вывод, что в других постсоветских странах церковь не имеет такого сильного влияния, как в Грузии. Не случайно, например, что в первые годы правления Шеварнадзе именно Грузинская церковь сыграла ключевую роль в объединении грузинского народа. Государство же, в свою очередь, и по Конституции, и по другим законам дает церкви особые привилегии. Грузинская церковь с каждым годом получает все большее и большее финансирование от государства. Кроме защиты и финансирования со стороны государства, в Грузии существуют и ряд неправительственных и некоммерческих организаций, целью которых является защита православия.

Таким образом, Грузинская Православная церковь была и остается одним из важнейших институтов конструирования национальной идентичности. В Грузии граница между политикой и религией настолько размыта, что очень часто во время политических акций можем встретить религиозные обряды, например, молитву. Хотя необходимо отметить, что церковь со своими консервативными ценностями и ее понимание грузинской идентичности зачастую вступают в противоречие с ценностями другого современного вектора конструирования грузинской идентичности – западной интеграции, стремлением позиционировать себя как европейскую страну с либерально-демократическими ценностями.

Несмотря на то, что население Грузии всегда было полиэтничным, в период Первой республики и в годы советской власти, как и сегодня, проводится политика огрузинивания национальных меньшинств с целью моноэтнизации населения. Сами меньшинства можно разделить на две категории: представители других наций (армяне, азербайджанцы и др.) и самобытные субэтносы грузинского этноса (мегрелы, сваны и др.). Для моноэтнизации используются два механизма: постепенная эмиграция и

медленная ассимиляция меньшинств⁶². На наш взгляд, если по отношению к субэтносам больше используется механизм их окончательной ассимиляции в единый грузинский этнос, то по отношению к представителям иных наций – оба механизма с преобладанием стимулирования их эмиграции из Грузии.

Принята точка зрения, что политика этнического национализма З. Гамсахурдия сменилась на государственный национализм при правлении М. Саакашвили в контексте декларируемых им демократических и либеральных ценностей⁶³. На самом деле, это не совсем так, свидетельством чего является, например, что и в эти годы продолжалась интенсивная эмиграция армянского населения из Грузии. Другим свидетельством является чрезмерно этнонационалистическая модель истории, официально поддерживаемая на государственном уровне и представленная в школьных учебниках, где роль национальных меньшинств в становлении и развитии Грузии сведена к минимуму, а все спорные вопросы интерпретируются с позиции узкого грузинского национализма. Факт, что для многих представителей национальных меньшинств грузинское гражданство и грузинская государственность являются особыми ценностями, с одной стороны, свидетельствует об определенных успехах в области нациестроительства, с другой, является показателем их ускоряющейся ассимиляции. Парадоксально, но конструируя гражданскую нацию, в Грузии реализуются цели этнонационального проекта.

В определенной степени именно агрессивный этнонационализм первых лет грузинской независимости спровоцировал конфликты в Абхазии и Южной Осетии. Очевидно, что этнонациональные конфликты в Южном Кавказе особо влияли и влияют как на внешнюю, так и на внутреннюю политику государств региона,

⁶² *Варданян Т.* Грузия: идентичность в политических программах и действиях // «21-й век», № 3 (15), 2010. С. 50.

⁶³ См.: Там же. С. 57.

в том числе, на политику нациестроительства. Конфликты в Абхазии и, особенно в Южной Осетии, тесно связаны и с антироссийскими настроениями в Грузии. Явная поддержка России сначала осетинам, а затем и абхазам уже в 1990-е гг. стала причиной антироссийских настроений в Грузии, а уже во время правления Саакашвили и, особенно, после Грузино-российской войны 2008 года Россия и россияне стали уже восприниматься в качестве «граждан враждебного государства» или как «другие».

SWOT-анализ политики нациестроительства в государствах Южного Кавказа

Грузия

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> • древняя история; • богатая культура; • авторитетная древняя церковь; • целенаправленная политика конструирования гражданско-государственной идентичности; • декларация демократических ценностей. 	<ul style="list-style-type: none"> • этническая разношерстность: наличие национальных меньшинств и субэтносов; • долгое отсутствие собственной государственности; • несоответствие реального уровня развития гражданского общества и публичных институтов, декларируемых демократическим ценностям; • слабая система обеспечения собственной безопасности; • латентный конфликт между этно- и гражданским национализмом.
Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> • синтез традиции и гражданских ценностей; • модернизация общества; • евроинтеграция; • узловое геополитическое расположение, дающее возможность балансирования; 	<ul style="list-style-type: none"> • разгорание межэтнических и межконфессиональных конфликтов в условиях усиливающегося этнонационализма; • столкновение традиционных и декларируемых либерально-демократических ценностей;

<ul style="list-style-type: none"> • вхождение в НАТО – как гарантия безопасности. 	<ul style="list-style-type: none"> • усиление турецко-азербайджанского влияния; • противостояние с Россией; • неразрешенные конфликты в Абхазии и Южной Осетии; • возможное столкновение интересов государства и церкви.
---	--

Армения

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> • древняя история; • древняя и богатая культура; • древняя и авторитетная церковь, сыгравшая исключительную роль в истории Армении; • синтетичный характер культуры и цивилизации; • моноэтнический состав населения; • наличие обширной диаспоры; • включенность в интеграционные объединения. 	<ul style="list-style-type: none"> • отсутствие стратегических проектов развития; • отсутствие системной политики нациестроительства и ее компонентов: политика идентичности, политика памяти, символическая политика; • поражение во Второй Карабахской войне и кризис идентичности; • демифологизация национального сознания; • долгие века отсутствия государственности; • атомизация общества; • невысокий уровень развития политической, гражданской и государственной культуры; • неразвитость культурной и публичной дипломатии; • аморфность диаспоры; • отсутствие единой системы связи между общинами диаспоры, между диаспорой и Арменией;

	<ul style="list-style-type: none"> • травмы национального сознания (Геноцид и др.).
Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> • развитие гражданского общества и демократических институтов; • более эффективное использование ресурсов диаспоральной сети; • роль геополитического и цивилизационного моста; • участие в интеграционных проектах и сбалансированная внешняя политика; • более эффективное использование ресурсов культурной и публичной дипломатии. 	<ul style="list-style-type: none"> • деградация общин диаспоры (исчезновение традиционно сильных общин); • усиление ассимиляционных процессов в общинах диаспоры; • чрезмерный этнонационализм, который может привести к замыканию в себе; • перманентные протесты в внутривнутриполитической жизни, мешающие консолидации и мобилизации ресурсов; • нестабильная система национальной безопасности, опасность новой войны; • регионализация.

Азербайджан

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> • целенаправленная политика нацестроительства; • победа во Второй Карабахской войне; • продвижение идеологии «азербайджанства» и ценности азербайджанской государственности; • позиция формального нейтралитета; • позиционирование идеалам светского государства; • мощный лоббинг своих интересов, осуществляемый как на государственном 	<ul style="list-style-type: none"> • отсутствие серьезной традиции истории собственной государственности и национального развития, оригинальной культуры; • полиэтничный состав населения (этническая аморфность); • конфессиональная разношерстность; • авторитарно-клановые механизмы властвования в условиях неразвитости демократических институтов;

<p>уровне, так и на уровне негосударственных акторов;</p> <ul style="list-style-type: none"> • система публичной дипломатии и национального брендинга, направленного на создание позитивного образа Азербайджана. 	<ul style="list-style-type: none"> • неразвитость гражданского общества; • искусственное конструирование истории, переходящее в ее фальсификацию; • чрезмерная зависимость политики нациестроительства от фактора демонизированного армянства.
Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> • использование фактора победы во Второй Карабахской войне в мобилизации населения вокруг идеи азербайджанской государственности; • использование доходов с продажи энергоресурсов для модернизации азербайджанского государства и общества; • использование узлового геополитического расположения; • использование ресурсов Турции; • использование ресурсов Израиля. 	<ul style="list-style-type: none"> • возможность межэтнических конфликтов; • возможность межконфессиональных конфликтов; • чрезмерное увеличение влияния Турции и идей пантюркизма – тюркизация; • увеличение влияния идей радикального ислама – исламизация; • исходящие от Ирана: шиитский фактор, фактор Южного Азербайджана, фактор союзничества с Израилем; • возможность санкций из-за усиления авторитарных форм властвования и антиармянского фашизма.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ТРАНСФОРМАЦИЯ АРМЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: МЕЖДУ НАЦИЕЙ И ГОСУДАРСТВОМ

Глава IV. Армянская идентичность: проблема синтеза моделей «культурно-исторической» и «государственной» нации

О.Л. Саркисян

Для понимания идентичности современного армянства ключевое значение имеет осмысление исторической специфики формирования и развития армянской нации. В отличие от большинства западных наций, где основным актором конструирования национальной идентичности являлось государство (назовем их «государственными нациями»), в случае армянства исключительную роль в развитии нации играли культурный и конфессиональный факторы (назовем это «культурно-конфессиональным проектом нации»). С одной стороны, это было обусловлено отсутствием на протяжении столетий собственной государственности, с другой, такая модель позволяла развиваться армянской нации и в условиях включенности в разные имперско-государственные образования.

Об армянской идентичности писали и пишут многие. Но чтобы ответить на вызовы современности, необходимо понять особенности и тенденции развития данной идентичности на современном этапе. Примечательно то, что в армянской научной литературе практически не фигурировал термин «политика идентичности», что имеет свое объяснение. Во-первых, отсутствие общенационального стратегического проекта развития делает практически невозможным осмысленную долгосрочную политику идентичности. Во-вторых, этническая идентичность, по существу, отождествляется с национальной идентичностью, и, исходя из факта моноэтничности населения Республики Армения (более

97% населения составляют армяне), делается вывод о бессмысленности вышеназванной политики. В-третьих, абсолютизируется наличная культурно-конфессиональная модель армянской идентичности как нечто неизменное, данное априори вне времени и пространства (подобный антиисторизм в лучшем случае сводит политику идентичности к усилиям сохранить наличную идентичность).

Но игнорировать значение политики идентичности для Республики Армения по меньшей мере наивно, особенно учитывая, что современная армянская государственность еще находится на стадии становления, сталкиваясь с множеством вызовов, среди которых особое место занимают необходимость развития гражданско-государственного сознания, в частности, и политико-правовой культуры в целом. Другим фактором, актуализирующим необходимость политики идентичности в Армении, является существование громадной армянской диаспоры, этническое самосознание которой, будучи фактором стратегического значения, не может быть безразличным для Республики Армения.

Научное изучение армянской идентичности предполагает четкое выделение некоторых исследовательских принципов.

Во-первых, необходимо четко осмыслить, что национальная идентичность не есть нечто застывшее, а находится в постоянном развитии. Следовательно, абсолютное сохранение наличной национальной идентичности не может быть самоцелью. Развитие идентичности происходит либо спонтанно, либо носит программно-стратегический характер, что является результатом вышеназванной политики идентичности.

Во-вторых, исследование исторического развития идентичности также не является самоцелью. Оно есть средство для ответа на современные вызовы, ибо может позволить выявить ту модель развития, которая может быть применима и сегодня.

В-третьих, критическое осмысление собственной наличной идентичности является основой дальнейшего эффективного раз-

вития нации. *От осмысления собственной идентичности зависит понимание своего места в мире, масштабы собственных амбиций – от локальных до глобальных.*

В-четвертых, необходимо ясно осознать, что национальная идентичность есть явление многослойное и многоаспектное, сущность которого определяется не одним-двумя, а множеством факторов (цивилизационный, культурный, исторический, религиозно-конфессиональный, государственно-политический, гражданский и т.д.). Другое дело, что в различные эпохи исторического развития определяющим может стать тот или иной фактор⁶⁴.

Руководствуясь данными принципами, мы отчетливо видим, что идентичность армянской нации не есть данное априори неизменное, а прошедшее долгий и своеобразный путь исторического развития явление. Мы видим в этом развитии как этапы революционной трансформации, так и периоды изоляции и застоя.

По нашему мнению, основы современной армянской идентичности были сформированы в IV–VI вв. в результате реализации особой политики идентичности: принятие христианства в качестве государственной религии, процесс суверенизации-национализации Армянской церкви, изобретение национальных письмен, создание собственной письменной культуры и национальной системы образования и т.д. Эта модель армянской идентичности, будучи национальной по своей сути, одновременно имела открытый и синтетичный характер, что позволяло впитывать наиболее прогрессивные инновации мировой цивилизации, тем самым, обогащаться, не переставая быть национальной⁶⁵.

⁶⁴ См.: *Саркисян О.Л.* Некоторые постулаты исследования национальной идентичности в контексте современных социально-политических и культурно-цивилизационных трансформаций // «Вестник Российско-Армянского университета, сер.: гуманитарные и общественные науки», № 23, № 2, 2016.

⁶⁵ См.: *Саркисян О.Л.* Роль культурного фактора в процессе сохранения идентичности армянской нации // Материалы международной научной

Эта синтетическая модель, где нация формируется и развивается даже в условиях отсутствия собственной государственности, где основным ресурсом конструирования идентичности является цивилизационно-культурный ресурс, можно условно назвать *«культурно-исторической моделью национальной идентичности»*. Думается, данная модель и сегодня является стержневой для идентичности армянской нации.

Идентичность современных западных наций, по всей видимости, конструировалась иначе. Очевидно, что ведущую роль в унификации идентичности здесь играло и играет государство. Профессор В.А. Ачкасов раздел своей книги, где он обращается к вопросу о формировании западноевропейских наций, так и озаглавил: «Западная Европа: не нация создает государство, а государство нацию»⁶⁶. Отметим, что данный механизм, на наш взгляд, относится не только к западноевропейским нациям, но и ко многим другим. Разнообразные племена и народности, объединяясь в составе формирующихся национальных государств, подвергались своеобразной политической *тотализации*⁶⁷, где определяющее значение имели политико-гражданские, а не духовно-культурные ценности. Только затем, сформировавшись как гражданские нации, эти народы, как следствие, начнут творить свою оригинальную национальную духовную культуру. Эту модель конструирования национальной идентичности можно назвать *моделью государственно-национальной идентичности*.

Культурная синтетическая модель армянской идентичности достаточно эффективно функционировала почти тысячелетие – V–XV вв. Ее столпами были, с одной стороны, духовная культура,

конференции «Армения в диалоге цивилизаций», Нижний Новгород, ННГУ, 28 апреля 2011 г. Нижний Новгород: «Деком», 2011.

⁶⁶ Ачкасов В.А. Этнополитология. М., 2014. С. 102.

⁶⁷ Это термин, который использует Х. Ортега-и-Гассет для выражения своего понимания, каким образом государство сплавливает в нацию разные народы. См.: Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания. М., 2003. С.13.

развиваемая на армянском языке и материализующаяся через армянскую письменность, а с другой, христианская вера и армянская церковь, спланивающие армян всего мира. Таким образом, главными идентификационными факторами армянства были культурный и конфессиональный. Данная модель легитимизировалась особенно тем обстоятельством, что периоды восстановления армянской государственности сменялись долгими веками отсутствия собственного государства. В этом случае армянский народ, будучи достаточно единым в культурно-конфессиональном плане, включался в разные державно-имперские образования, где были свои модели политической идентичности, что, так или иначе, накладывало свой отпечаток на идентичность армян. Учитывая тот факт, что армянство, как правило, было одновременно включено в разные государственные образования, возникла опасность отчуждения разных частей армянства друг от друга. Это стало еще более актуальным с рассеиванием армянства по миру и образованием крупных общин в совершенно разных по культуре, религии, политическому строю, менталитету странах.

Вышеназванная модель армянской идентичности, по нашему мнению, будет достаточно эффективно функционировать до XV века, а после этого давала сбои. На то были причины объективные, во-первых, походы и завоевания кочевых тюркских племен. Но, с другой стороны, необходимы были новые элиты, которые бы предложили новый проект синтеза и трансформации. Почему армянская церковь не могла продолжать оставаться единым и универсальным центром, который реализовал бы новый проект синтеза? По всей видимости, по той причине, что новые ценности, которые стали претендовать на статус глобальных и которые станут основой нового витка развития, обеспечив на столетия доминирующую роль западного мира, были по своей сути секулярными. Либо армянская церковь сама должна была трансформироваться, как это произошло с протестантскими направлениями в Европе, чтобы стать проводником этих ценностей в армянскую

идентичность, либо должны были сформироваться новые светские общенациональные элиты, чему препятствовало отсутствие собственного государства и единого политического пространства, куда было бы включено хотя бы большинство армянства. Так или иначе, армянству в целом не удалось впитать новые, по своей сути гражданские, западные ценности, наложить их на свою идентичность.

Армянство с этого периода становится достаточно разным. В западноевропейских общинах, а также иногда в тех восточных общинах, где армянские элиты были в тесных контактах с европейскими колонизаторами (например, в Индии), армянство постепенно приобщается к новым гражданским ценностям. Произошел разрыв как между общинами армян в разных странах, так и между общинами и армянством, которое продолжало жить на исторической Родине. Армянская церковь по инерции пыталась выполнить свою унифицирующую роль, но в условиях интенсивно модернизирующегося (в том числе идейно) мира без собственной модернизации она уже в принципе не могла выполнить эту функцию.

Армяне в развитых странах постепенно стали себя больше отождествлять с местным обществом, чем с армянством, что, в конце концов, завершилось их ассимиляцией. Что касается армян в восточных странах, они-то и выбрали «политику гетто», чтобы сохранить свою идентичность. Иногда это связывают с противодействием чуждой исламской среде. И именно опыт этих общин зачастую приводят как пример настоящего духовного патриотизма. В то же время, подобная политика означала сознательную культурную автаркию и стагнацию.

Призыв к модернизации некоторые пытаются представить в черно-белом свете: полный отказ от своих традиций, перенятие чужого опыта, и особенно его крайних проявлений. Опыт показывает, что древние народы и цивилизации настолько мудры, что впитывают то, что делает их сильнее, не лишаясь самобытности.

Кстати, речь идет и о политических ценностях. В этом плане примечателен опыт Китая или Японии. Изучение этого опыта не является целью данного исследования. Однако необходимо констатировать очень важный факт: в обеих странах трансформация является результатом реализации стратегического плана, составляющим которого является и политика идентичности.

В армянской действительности сегодня также идут поиски пути дальнейшего идентификационного развития. Если проанализировать спектр современных точек зрения о сущности армянской идентичности и тенденциях ее развития, то, в целом, можно выделить два подхода, один из которых условно можно назвать «традиционалистским», другой – «реформаторским».

Сторонники первого подхода, на наш взгляд, не учитывают те изменения, которые произошли за последние 100 лет, как в мировом масштабе, так и в развитии армянства, в частности. Основой их представлений об армянской нации является идеализированная модель изначально данной армянской идентичности, по существу, вне времени и пространства. Эта модель, которая восходит своими корнями к образу армянской нации, сконструированному в «Истории Армении» патриархом армянской историографии Мовсесом Хоренаци (конец V в.), сыграла фундаментальную роль в тысячелетнем развитии армянской нации. Но абсолютизировать этот образ сегодня – это, по меньшей мере, анахронизм. Подобный антиисторизм и априоризм не позволительны в век глобальных трансформаций и мировой интеграции. Коренные исторические трансформации требуют новых моделей, которые сыграют такую же стратегическую роль, как модель Хоренаци.

Закостенелое понимание армянской идентичности с необходимостью приводит к *тактике выживания и «гетто»* с элементами вульгарного национализма. Сторонники данного подхода, как правило, гиперкритично и нигилистично воспринимают период развития Армении в составе СССР. На наш взгляд, это в

корне неверная позиция, так как именно этот период развития части армянства имеет исключительное значение для формирования элементов собственной политико-государственной идентичности.

Данная позиция в более мягком варианте выражается в концепции *армянского мира как особой цивилизации*. Не отрицая то, что Армения действительно имеет особую специфику собственного цивилизационного развития, в то же время, считаем, что подобная точка зрения более или менее корректна при осмыслении истории армянского народа (хотя и в данном аспекте ее нельзя абсолютизировать), а при построении стратегии дальнейшего развития Армении и армянства она, на наш взгляд, бесперспективна. Будущее армянской нации необходимо связывать не с уникальностью армянской цивилизации, а с усилением армянской государственности и трансформацией армянства в государственную нацию. Более того, историческая цивилизационная специфика, которую мы выразили через понятие синтетичной армянской идентичности, должна служить вышеназванным целям. То есть, подчеркивание цивилизационной уникальности армянства не может быть самоцелью. Ее осмысление – инструмент развития нации и армянского государства.

В последние годы намечается тенденция отказа еще от одной модели армянской идентичности – *«нации-жертвы»*. Согласно данной модели, армянский народ в течение исторического развития почти всегда был объектом агрессии внешних сил, его история – это история мучений, апогеем чего стал Геноцид в Османской империи. Исходя из синтетичной сути армянской идентичности, необходимо сместить акцент исторических исследований – показать весомую роль армянского фактора в глобальных культурных, цивилизационных, политических проектах (ахеменидский, эллинистический, византийский, советский и т.д.), тем самым, отказаться от ущербного видения истории армянского народа как постоянного выживания, акцентируя аспект цивили-

зационного созидания. Необходимо отказаться также от психологии «дряхлости»: народ с древней культурной идентичностью не обязательно должен быть анахронизмом, он должен быть готовым к прогрессу. Что же касается осмысления Геноцида в контексте национального самосознания, то необходимо признать, что этот фактор продолжает оставаться одним из основных в процессе общеармянской самоидентификации.

Из моделей, которые направлены на поиск путей трансформации армянской идентичности, и которые мы условно назвали реформаторскими, можно выделить, например, *модель армянства как глобальной нации*. Этот концепт, по существу, претендует на своеобразный синтез космополитизма и этнической идентичности армянства. Это – идеализированная, т.е. не реальная модель. Дело в том, что на определенном этапе с необходимостью возникает противоречие между национальной культурно-цивилизационной идентичностью и гражданско-государственной идентичностью тех державных образований, в которые включены армяне. Первым следствием этого становится отчуждение от собственной сущности (и государственности, если она налична), а конечным результатом – ассимиляция. История армянства последних трех веков не раз это доказывала.

Возникает вопрос: почему армянский фактор конструктивен для многих политических и цивилизационных проектов, куда был вовлечен армянский народ, а собственный политический проект не может эффективно реализовать? Ответ очевиден: низкий уровень развития политической культуры не позволяет создать собственный «обаятельный» политический проект, который сначала должен быть легитимизирован на уровне общественного сознания, потом – реализован в действительности. Практически отсутствует пласт государственной идентичности армянства, чтобы армянин отождествлял бы себя не только с ментальными и материальными символами, с землей, с историей, а, в первую очередь, с государством.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что армянство на протяжении веков стремилось быть именно «глобальной» нацией. Это позволяло вписываться в масштабные проекты политического и цивилизованного характера в качестве конструктивного фактора, но не способствовало (а может быть и мешало) созданию и реализации собственного проекта. Будущее армянского народа предполагает *переход от модели глобальной нации к модели государственной нации*.

Наличный в Армении латентный кризис идентичности, проявившийся в противопоставлении парадигмы армянства как культурно-конфессионального целого парадигме «государственной нации», стал явным после поражения во Второй Карабахской войне (осень 2020г.) и углубился массовым исходом армянского населения из Карабаха (конец сентября 2023г.). Армянский народ в очередной раз оказался на распутье исторического развития, когда нужно было сделать выбор. Всесторонний анализ наличной реальности приводит к выводу, что необходимы определенные трансформации армянской идентичности, суть которых должна состоять в переходе от модели «культурного выживания» к модели «государственного процветания», что, в свою очередь, предполагает преодоление своеобразного конфликта между практически догматизированной моделью культурно-конфессиональной идентичности и предлагаемой моделью государственной идентичности.

Культурно-исторический пласт армянской идентичности громаден. Но при определенных обстоятельствах чрезмерное заикливание на нем может даже мешать формированию гражданской и политической идентичности. Армянин, говоря «Армения», понимает историческую Армению, которая как общеперсидское государство существовало 1500 лет назад. Такое видение как бы принижает роль и значимость современной Республики Армения, которая включает маленькую часть исторических армянских земель. Необходимо исходить не из идеологемы Великой Армении, тем самым как бы недооценивать маленькую, но реальную

Республику Армения, а наоборот, принять за исходный пункт дальнейшего развития эмпирически данный факт – наличную армянскую государственность.

Динамизм современных социально-политических изменений актуализирует проблему поиска оптимальных форм развития политической идентичности. Многовековой опыт разработки эффективных путей сохранения армянской самобытности (стратегия и политика идентичности) сталкивается на современном этапе с новыми вызовами, которые требуют новой трансформации: не спонтанных изменений по схеме стимул-реакция, а программного развития на основе глубокого осмысления собственной сущности, стратегических целей, изменяющегося внешнего контекста и т.д. Такая трансформация возможна при наличии соответствующей элиты со стратегической культурой соответствующего уровня. Нужно учесть также, что государственность ставит новые критерии и формы развития не только политической, но и культурной идентичности армянства, так как приобщение к новым социальным и политическим институтам, а также включение граждан в процесс демократического управления, является залогом развития армянской государственности и гражданской идентичности как основы сохранения многовековой культуры.

Глава V. Трансформация гражданской идентичности в годы независимости: основные тенденции и факторы

О.Л. Саркисян,
Н.А. Дунамалян⁶⁸

Протестные движения, которые развернулись в апреле-мае 2018г. в Республике Армения и завершились «бархатной революцией», находятся в центре внимания общественности и научного сообщества как в Армении, так и за ее пределами. Публичная реакция была достаточно быстрой и эмоционально окрашенной, а оценки – категоричными и зависели от личного отношения к событиям. Научное сообщество также оперативно отреагировало на процессы, протекающие в Армении. Исследователи подводили протестные движения под определенные теоретические схемы⁶⁹, а американский журнал «Демократизация» посвятил «бархатной революции» специальный номер⁷⁰, где авторы, скорее, описывали процессы, а не объясняли их. Такой характер исследований был естественным на тот момент, так как для адекватного осмысления социально-политических процессов необходимо было время. Анализ протестной активности в Армении в мае-апреле 2018г. был проведен А.В. Атанесяном⁷¹. Очевидно,

⁶⁸ На основе статьи Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты // «Полис. Политические исследования», 2020, № 2. СС. 53–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05>.

⁶⁹ Silaev N., Fomin I. My Step Aside from Sasna Tsrer: The Dynamics of Protest Coalitions in Armenia, 2016 and 2018. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 26. No. 4. PP. 483–508.

⁷⁰ *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2018. Vol. 26. No. 4.

⁷¹ Атанесян А.В. «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политико-протестной активности // «Полис. Политические исследования», № 6. СС. 80–98: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06>.

что протестные движения в Армении нуждаются в дальнейшем изучении. Будет плодотворным рассмотреть протестные движения сквозь призму трансформации гражданской идентичности в армянском обществе, что позволит осмыслить общий социально-политический контекст этих процессов.

Целесообразно рассмотреть протестные движения последних лет в контексте научного дискурса исследования разных аспектов идентичности. Мы руководствовались общими теоретико-методологическими установками и принципами изучения феномена идентичности, разработанными коллективом российских ученых под руководством профессора И.С. Семененко⁷². В частности, понятие «политика идентичности» рассматривается нами в контексте отношений государства и общества, где государство выступает ключевым актором политики идентичности, используя институты социализации и инструменты публичной политики с целью легитимации властных институтов и вовлечения граждан во взаимодействие с политическими институтами⁷³. С этой точки зрения, политика идентичности является важнейшей составляющей процесса «нациостроительства». В армянской научной литературе в этом смысле термин «политика идентичности» практически не используется⁷⁴.

Для выявления связи между политическими процессами и протестными движениями, а также анализа их последствий, были использованы теории, объясняющие мотивацию коллективного

⁷² См.: Семененко И.С. Гражданская идентичность. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Под ред. И.С. Семененко. М.: Изд-во «Весь мир». 2017. СС. 654–658.

⁷³ Там же. С. 648.

⁷⁴ Например, в работе [Ter-Matevosyan 2017] автор использует термин «политика идентичности», имея в виду политику не государства, а армянской общины, направленную на сохранение национально-культурной идентичности.

поведения на тот или иной момент развития армянского общества⁷⁵ с привлечением широкого круга эмпирических наблюдений и статистических данных.

От советского к постсоветскому

Основы современной армянской идентичности, как было отмечено выше, были сформированы в IV–VI вв. в результате реализации *особой политики нациостроительства*: принятие христианства в качестве государственной религии, процесс суверенизации-национализации Армянской церкви, изобретение национальных письмен, создание собственной письменной культуры и национальной системы образования. Эту модель, где нация формируется и развивается даже в условиях отсутствия собственной государственности, где базовым ресурсом конструирования идентичности выступает цивилизационно-культурный ресурс, можно условно назвать моделью «культурной нации»⁷⁶. Долгие века отсутствия армянской государственности, что означало включение армянства как на исторической родине, так и в разных общинах диаспоры, в разные государственные образования, препятствовали формированию модели «гражданской нации». Отсюда истоки своеобразного конфликта между этничностью и

⁷⁵ Gurr T. *Why Men Rebel*. Princeton: Princeton University Press, 1970; Медушевский А.Н. Популизм на Западе и в России: сходства и различия в сравнительной перспективе. Популизм как общий вызов / Отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: «Политическая энциклопедия», 2018. СС. 47–57. Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Фонд Экономической Инициативы. 1995.

⁷⁶ Саркисян О.Л. Армянская идентичность: проблема синтеза моделей «культурно-исторической» и «государственной» нации // Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации. Материалы международной научной конференции 3–4 ноября 2017г. Ер.: Изд-во РАУ. 2017.

гражданственностью, который в определенной степени сохраняется и сегодня.

Армянская государственность была восстановлена только в 1918г., но первая армянская республика просуществовала всего два с половиной года. Затем Армения была включена в состав СССР, получив в дальнейшем статус союзной республики.

Изучение трансформации армянской идентичности в советский период является темой отдельного исследования. Это, безусловно, интересная тема, но необходимо учесть, что речь должна идти только о той части армянства, которая проживала в СССР. Отдельными вопросами подобного исследования могут быть: проблема соотношения наднациональной тотальной идеологии и этнонациональной идентичности, осмысление размежевания идентичностей «советского армянства» и армянской диаспоры, рассмотрение Армянской ССР как фактора формирования гражданско-государственного сознания веками лишенного государственности армянства, осмысление феномена этнического патриотизма и «мягкого» армянского национализма в позднесоветский период и др.

Советская модернизация Армении – в том числе с точки зрения развития гражданских ценностей – проводилась в рамках осуществления концепции, которую Дж. Скотт в дальнейшем назвал «высоким модернизмом»⁷⁷. Суть данной концепции состояла в том, что модернизация навязывалась сильным государством слабому гражданскому обществу в рамках определенной схемы развития, формируя ряд внутрисоциальных разрывов, которые проявились позже. Но, несмотря на это, она имела и положительные последствия. Советский период в истории армянского народа значим в нескольких аспектах.

⁷⁷ Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: «Университетская книга», 2005. СС. 151–177.

Во-первых, модернизация, развернувшаяся в СССР, затронула различные сферы жизни армянского общества. При всех негативных эффектах «советизации» Армении важной особенностью модернизации было частичное сохранение преемственности культурной модели развития⁷⁸. В 1920–1930-е гг. этому способствовала политика «коренизации». Годы же «хрущевской оттепели» характеризуются возрождением национально-культурного самосознания, выразившегося в росте исследований в области национальной истории и культуры, развитии армянской национальной литературы, разных сфер искусства, восстановлении некоторых связей с диаспорой.

Одним из результатов данных процессов стали массовые демонстрации 24 апреля 1965г., посвященные 50-летней годовщине Геноцида армян в Османской империи, где выдвигалось требование официально признать и осудить геноцид. Подобные выступления были большой редкостью для Советского Союза, и данное событие продемонстрировало повышение уровня коллективного самосознания в рамках необходимости сохранения исторической памяти и культурного единства всего армянства, а также было созвучно дискурсу сохранения исторической памяти в Советском Союзе тех лет⁷⁹.

Во-вторых, известно, что армянская культура в XVIII–XIXвв. в основном развивалась вне Армении – в армянских общинах различных стран. Там же формировалась и армянская буржуазия. Армяне играли заметную роль в госаппарате и армии различных государств. Советская модернизация в определенной степени способствовала формированию армянской интеллигенции в ши-

⁷⁸ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. С. 28.

⁷⁹ *Марутян А.Т.* Памятник жертвам геноцида в контексте ритуалов армянского народа. М.: «Этнографическое обозрение», № 3, 2008. С. 120.

роком смысле (деятели искусства, науки и образования, управленцы-технократы, партийно-государственные служащие) в самой Армении.

В-третьих, важную роль, на наш взгляд, в трансформации армянства, пережившего геноцид, сыграла Великая Отечественная война. Сотни тысяч армян участвовали в борьбе против фашизма. Победа в войне способствовала переходу от психологии «нации-жертвы» к психологии «нации-созидателя» и «победителя».

В-четвертых, активная политика модернизации, с одной стороны, и интенсивное нациостроительство на уровне союзной республики в рамках советского проекта, с другой, плодотворно повлияли на демографическую картину: население Армянской ССР резко увеличилось как за счет внутреннего прироста, так и вследствие организованной репатриации из общин армянской диаспоры.

Что касается развития гражданской идентичности армянства в рамках СССР, заметим, что армянская культурная идентичность в контексте советской национальной политики развивалась относительно линейно, вступая в «реакцию» с некоторыми политическими элементами признания геноцида или Карабахской проблемы, но не отступая от модели культурного самосознания. Государственность воспринималась не как цель, а как инструмент обеспечения национально-культурного единства. Отсутствие собственного опыта государственного строительства придавало государству, как символу, чужеродные смыслы или связывало его с советским опытом. Вместе с тем, соотношенность гражданина с государством формировала как лояльные (легитимирующие), так и критические, либо протестные формы гражданской идентичности, направленные на совершенствование или перестройку политических институтов⁸⁰.

⁸⁰ Семененко И.С. Гражданская идентичность. Идентичность: Личность, общество, политика. «Энциклопедическое издание» / Под ред. И.С. Семененко. М.: Изд-во «Весь мир», 2017. С. 355.

Ключевое значение для дальнейшего развития Армении имело начавшееся в 1988г. Карабахское движение. Движение, которое сначала выступало с конкретным требованием – воссоединение Карабаха с Арменией – постепенно расширило свои цели: демократизация, развитие институтов гражданского общества и т.д. В начале Карабахского движения отсутствовал общественный запрос на немедленное начало процесса независимости от СССР, а методы протеста соответствовали демократическим⁸¹. Основным адресатом претензий был Баку, а власть Советского Союза воспринималась как арбитр.

Дилемма национального и демократического

Демократический путь передачи НКАО Армянской ССР рассматривался как единственно верный, а политические процессы внутри республики подчинялись логике политического консенсуса. Так, демократическим путем были проведены выборы в Верховный совет АССР в 1990г., а потом и президентские – в 1991г. Демократия мыслилась как метод осуществления политического курса, а целью оставалось освобождение Карабаха. Такая же логика присутствовала и в экономических реформах первых правительств Республики Армения.

Но начавшийся процесс демократизации общественной жизни и трансформации гражданского сознания через пару лет после обретения независимости был, по существу, свернут. Можно выделить несколько причин этого. Во-первых, состояние войны с Азербайджаном и блокада со стороны Турции и Азербайджана, что требовало концентрации власти в одном месте и создавало почву для формирования авторитарных форм властвования. В подобных условиях необходимость «гражданского просвещения» ушла на второй план. Во-вторых, тяжелая социально-экономическая ситуация в стране, которая, с одной стороны,

⁸¹ *Искандарян А.М.* Армения между автократией и полиархией // “Pro et Contra”, 2011, № 3–4. С. 21.

была следствием войны и блокады, а с другой – ошибок руководства страны. В-третьих, распад СССР способствовал расцвету *этнонационализма*, который, в отличие от некоторых других постсоветских республик, в Армении не проявился в агрессивной форме. Но в условиях даже «мягкого» армянского национализма развитие гражданского сознания не было перспективным. В-четвертых, армянство, по существу, продолжало рассматриваться, скорее, как культурно-конфессиональное образование, что выражалось в скрытом конфликте между традиционными культурно-цивилизационными и гражданскими ценностями. Осмелимся утверждать, что и сегодня существует «конфликт» между понятиями «армянин» и «гражданин Республики Армения».

Победа в Карабахской войне воспринималась в контексте борьбы армянского народа за существование и, будучи «мотором» формирования независимой республики, стала частью армянской «политической» идентичности. Добавим, что к власти в Республике пришел своеобразный тандем либеральной интеллигенции, представителей советской номенклатуры и «ветеранов» Карабахской войны, система управления которых основывалась прежде всего на принципах неформального взаимодействия (преференции на ведение бизнеса, договоренности о разделе сфер влияния и т.д.). Фактор Карабаха, как и проблема признания геноцида, обеспечивал консолидацию армянской нации, так как сложная система формальных отношений внутри армянского общества на тот момент еще не сформировалась.

В социально-экономической сфере с обретением независимости наблюдался процесс разрушения старых форм самоидентификации граждан. Быстрые экономические реформы и радикальные темпы приватизации «выбили» многих из социальной структуры, маргинализовав значительную часть старой интеллигенции и среднего класса. Именно поэтому становление независимой республики воспринималось как «уход» государства из ряда сфер социальной жизни, что привело к концентрации вни-

мания граждан на личных интересах, сузив понимание общественного интереса до семейного и углубив социальную атомизацию⁸².

В сознании гражданина Армении сформировалось двойное восприятие государства как, с одной стороны, отчужденного института управления, а с другой – как «символа» возрождения нации. В первом случае, доминируют такие характеристики, как коррупция, произвол властей, монополизация политической и экономической власти; во втором – победа в Карабахской войне, повышение престижа армянской армии как главного государственного института, факт обретения государственности.

Было очевидно отсутствие государственной стратегии политической и гражданской социализации. В процессе развития армянского государства понятия «национальный» и «демократический» по ряду причин сформировали оппозицию друг другу, но и стали «жертвами» внутривнутриполитических конфликтов. Так, «национальная» составляющая была дискредитирована в начале 1990-х гг. в процессе борьбы президента Л. Тер-Петросяна с АРФ «Дашнакцутюн» и последующего запрета деятельности последней, что резко ухудшило отношения между властями Армении и диаспорой, большое влияние на которую оказывала запрещенная партия. Необходимо отметить, что сам Л. Тер-Петросян, который объявил, что «национальная идеология – ложная категория», пытался представить данный процесс как попытку переформулировать «этнонациональный» общественный дискурс на «государствоцентричный». Демократия же «пострадала» уже после президентских выборов 1996г., когда глава оппозиции В. Манукян не признал результаты и призвал сторонников к уличным демонстрациям, а власть жестко пресекла это выступление. Данные

⁸² *Погосян Г.А.* Современное армянское общество: особенности трансформации. М.: “Academia”, 2005. СС. 247–248.

процессы показали динамику смены элит и исчерпанность политического капитала⁸³. При этом политическая система пыталась менять некоторые свои элементы, не ломая работающие институциональные механизмы (см. Табл.).

Таблица 1. Динамика парламентских и президентских выборов в Армении (1990–2021гг.): количественный и качественный аспекты⁸⁴.

Парламентские выборы ⁸⁵		Годы	Президентские выборы		Коалиция групп, формирующих политический класс ⁸⁶
Победившая сила	Партия или блок, занявший второе место		Победивший кандидат	Кандидат, занявший второе место	
Армянское общенациональное движение	Коммунистическая партия Армении – 25 мест	1990 ⁸⁷	1991	Левон Тер-Петросян (АОД) – 83%	«Революционеры», советская номенклатура, либеральная

⁸³ See at: *Iskandaryan A., Mikaelian H., Minasyan S.* War, Business and Politics: Informal Networks and Formal Institutions in Armenia. Yerevan: Caucasus Institute. 2016. <https://doi.org/10.15804/athena.2018.57.12>.

⁸⁴ Таблица составлена на основе данных сайтов НС и ЦИК РА. URL: <http://www.parliament.am/deputies.php?sel=factions&lang=rus>, <https://www.elections.am> (проверено 14.07.2019).

⁸⁵ В таблице представлены результаты выборов по национальному участку (пропорциональная система). В действительности до 2017г. (хотя «скрытая мажоритарная система» после проведения конституционных реформ в Армении сохранилась в качестве территориальных рейтинговых списков) смешанная избирательная система позволяла добирать недостающее количество мест в парламенте благодаря одномандатным округам.

⁸⁶ Данный раздел таблицы составлен на основе коллективного труда: *Iskandaryan A., Mikaelian H., Minasyan S.* War, business and politics: Informal Networks and Formal Institutions in Armenia. Yer.: “Caucasus Institute”, 2016. 144р.

⁸⁷ В результате выборов в Верховный Совет Армении ни АОД, ни Компартия Армении не получила большинства голосов в парламенте, но дальнейшие процессы показали завершение периода доминирования

(АОД) – 56 мест					ное самоопределение) – 7,2%	интеллигенция, комбатанты
Республиканский блок (АОД, Республиканская Партия Армении (РПА), Христианско-демократический союз Армении, Социал-демократическая Партия Гнчакян) – 42,66 %	Партия «Ша-мирам» – 16,88%	1995	1996	Левон Тер-Петросян (АОД) – 51,3%	Вазген Манукян (Национально-Демократический Союз) – 41%	Либеральная интеллигенция, ветераны карабахской войны, формирующаяся прослойка олигархов
Блок Единство (Народная партия Армении, РПА) – 41,69%	Коммунистическая партия Армении – 12,09%	1999	1998	Роберт Кочарян (независимый) – 58,9 %	Карен Демирчян (Народная партия Армении) – 40,1%	Узкий круг приближенных выходцев из Нагорного Карабаха, ветераны Карабахской войны, «комсомольская» номенклатура, технократы, олигархи
РПА – 23,66%	Блок «Справедливость» (Народная партия Армении, «Республика» и др.) – 13,71%	2003		Роберт Кочарян (независимый) – 67,45%	Степан Демирчян (Народная партия Армении) ⁸⁸ – 32,55%	

Компартии и формирования партийной системы независимой армянской республики.

⁸⁸ Президентские выборы 2003г., как и выборы 1998г., прошли в два тура. В таблице зафиксированы результаты второго тура.

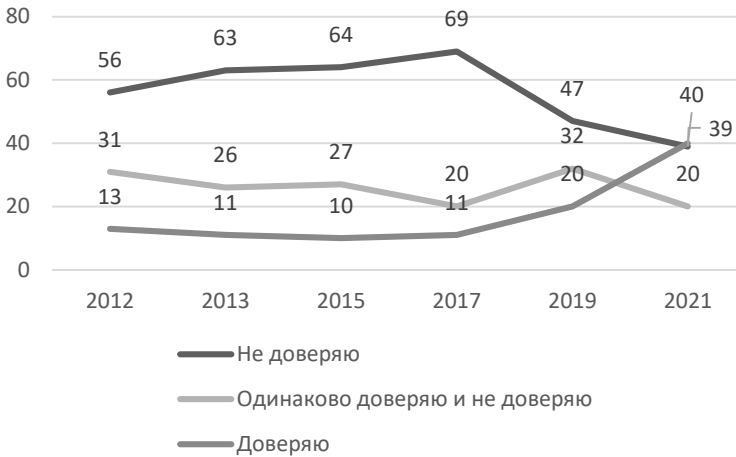
РПА – 32,8%	Партия «Прогрессивная Армения» – 14,7%	2 0 0 0 7	2 0 0 0 8	Серж Саргсян (РПА) – 52,82%	Левон Тер-Петросян (Армянский Национальный Конгресс) – 21,5%	Профессиональные бюрократы, партийные функционеры, технократы, крупный бизнес, силовики
РПА 44,02%	Партия «Прогрессивная Армения» – 30,12%	2 1 2	2 0 1 3	Серж Саргсян (РПА) – 58,64%	Раффи Ованнисян (партия «Наследие») – 36,75%	
РПА 49,17%	Блок «Царукян» – 27,35%	2 0 1 7				
Альянс «Мой шаг» (Партия «Гражданский договор», партия «Миссия») 70,43%	Партия «Прогрессивная Армения» – 8,27%		2 0 1 8			Новое поколение политических деятелей, представители гражданского общества либеральная интеллигенция, технократы
Партия «Гражданский договор» 53,9%	Блок «Армения» – 21,04%	2 0 2 1				

Проблема доверия политическим институтам

Государство окончательно «ушло» из социальной сферы, и люди стали мыслить свое существование вне политики. Участие в митинговой деятельности было отчаянным шагом для решения личных «насуточных» проблем. Вместе с тем, партийная система развивалась в русле классического клиентелизма, когда сообщества политических деятелей пытались добиться допуска к поли-

тическим и экономическим благам. Борьба партий персонализировалась, и, как следствие, сохранялся крайне низкий уровень доверия общества политическим партиям и общественным институтам (см. Рис. 1, Рис. 3).

Рисунок 1. Уровень доверия политическим партиям, %⁸⁹.

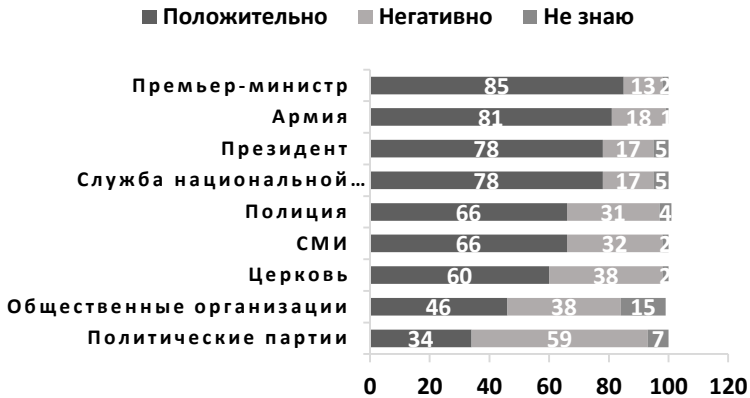

Даже после «бархатной революции» общественное мнение не отличалось оптимизмом в отношении роли политических партий. В рамках исследования, проведенного Армянской социологической ассоциацией, только 34% респондентов назвали деятельность политических партий позитивной, в то время как 59% отрицательно отзывались о работе этих институтов. Так сложилось в армянской политической действительности, что институты «действия» всегда имели большее доверие населения, чем «инертные» политические или общественные институты. Исклю-

⁸⁹ Ответ на вопрос: «Насколько Вы доверяете или не доверяете армянским политическим партиям?». Источник: данные Кавказского исследовательского ресурсного центра (Caucasus Research Resource Center – CRRC). URL: <https://www.caucasusbarometer.org/en/> (accessed 20.01.2020).

чением была церковь – традиционный институт сохранения армянской культурной идентичности, но в последние годы ее престиж резко снизился. «Отсутствие» института церкви в социально-политической жизни, в конце концов, привело к падению доверия к ней даже по сравнению со СМИ и полицией (см. Рис. 2).

Рисунок 2. Оценка работы институтов, %⁹⁰.

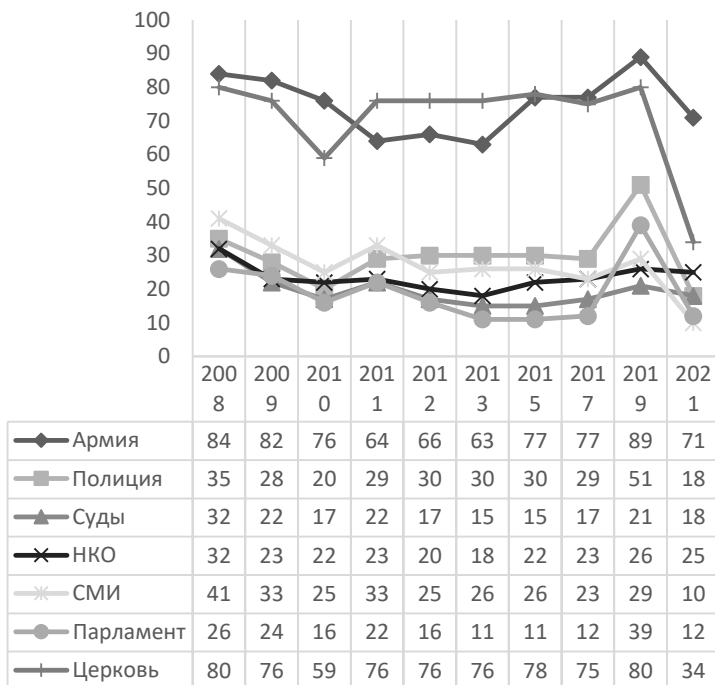

С другой стороны, по данным *Caucasus Barometer*, после 2008г. рейтинг доверия полиции не поднимался выше отметки в 35%, что было связано с трагическими событиями разгона массовой демонстрации 1 марта 2008г. и последующей динамикой нараставшего социального протеста в республике (см. Рис. 3). Как и в случае с другими институтами, происходит их «персонификация» – недоверие к личностям руководителей плавно перерастает в недоверие к самому институту. Рост доверия к полити-

⁹⁰ Ответ на вопрос: «Скажите Ваше мнение о работе каждого из данных институтов». Источник: данные социологического опроса, проведенного Армянской социологической ассоциацией в октябре 2018г. URL: https://www.iri.org/sites/default/files/2018.11.23_armenia_poll.pdf (accessed 20.01.2020).

ческим институтам после 2018г. объясняется «постреволюционной» эйфорией, которая спала уже через два года по причине поражения во Второй Карабахской войне и общественной фрустрации.

Рисунок 3. Уровень доверия политическим и общественным институтам, %⁹¹.

Можно сделать вывод, что социальные и политические институты сильно зависят от политической конъюнктуры на тот или иной момент, которая, в свою очередь, тесно связана со сменой поколений в политической элите страны. Особенным институтом, «внешним» для армянской политической жизни, остается

⁹¹ Источник: данные Кавказского исследовательского ресурсного центра (Caucasus Research Resource Center – CRRC). URL: <https://www.caucasusbarometer.org/en/> (accessed 20.01.2020).

армия. Прогресс внутри армии очевиден для общества и подкрепляется угрозой военного нападения со стороны соседних государств, поэтому данный институт вне зависимости от политических процессов в гражданском сознании армян занимает, как ни парадоксально, особое «аполитичное» место. В этом случае нет противоречия между «аполитичностью» армии и долгом участия во власти «ветеранов» войны. Наличие внешней угрозы в условиях отсутствия окончательного формата урегулирования Карабахского конфликта усиливает роль армии как постепенно развивающегося института, действующего под четким гражданским контролем. Армия воспринимается как институт, обеспечивающий существование армянской государственности.

Осознание данного факта лежало в основе предложенного предыдущим руководством республики проекта «нация-армия», сущность которого выражалась в формуле: «Нация-армия – намного шире, чем национальная армия, так как национальная армия служит нации, а нация-армия есть сама нация»⁹². Армия должна стать не грузом для государства, а мотором, локомотивом развития индивида как гражданина, общества и государства. Именно из армии должны идти стимулы прогрессивного развития всего общества и государства. Таким образом, армия рассматривается как основной актор политики идентичности (нациестроительства). Хотя нынешнее руководство не использует термин «нация-армия», но, по существу, именно блоки этого проекта реализуются в процессе армиестроительства Республики Армения.

Говоря о смене власти в 2018г., нельзя не обратиться к проблеме кризиса власти, возникшего после начала президентства С. Саргсяна. Если до 2008г. в обществе существовало определенное

⁹² См., например, выступление министра обороны РА Вигена Саркисяна (на арм. яз.) на сайте Министерства обороны Республики Армения от 29 октября 2016г.: <http://www.mil.am/hy/news/4466> (accessed 20.01.2020).

доверие власти, то после начался постепенный спад, связанный с множеством факторов внутренней и внешней политики (см. Рис. 4).

Трансформация протеста: от политических проблем к социальным и обратно

Нельзя сказать, что ненасильственный протест является новинкой для армянского общества. Демонстрации 1965г. или Карабахское движение имели сугубо мирный характер, ориентируясь на реализацию конституционных прав граждан⁹³. Пример Карабахского движения показателен, так как граждане на митингах в Ереване и Степанакерте требовали реализации норм, заложенных в Конституции СССР, в то время как в действительности (даже в условиях перестройки) доминирующим оставалось наличие определенных формальных принципов, не имеющих возможности фактического применения. Армения была единственной республикой бывшего СССР, которая реализовала свое право на сецессию (статья 72 Конституции СССР 1977г.)⁹⁴ на основе правовых норм Союза⁹⁵. Таким образом, использование правовых методов реализации политических и гражданских целей стало частью армянской политической культуры, что можно объяснить также отсутствием иных ресурсов давления на политическое руководство.

⁹³ Золян М.С. «Бархатная революция» в Армении: достижения и неудачи // Южный Кавказ – 20 лет независимости. М.: Фонд Фридриха Эберта, 2011. СС. 45–65.

⁹⁴ Конституция СССР 1977г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/const1977.htm#iii> (accessed 20.01.2020).

⁹⁵ Маркедонов С.М. Самоопределение по ленинским принципам // Агентство политических новостей. 21.09.2006. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=10413> (accessed 20.01.2020).

Рисунок 4. Направление внутренней политики Армении, %⁹⁶.

Первые двадцать лет независимости были ознаменованы как ростом митинговой активности, так и снижением социально-экономического уровня отдельных групп населения. В этих условиях трудно было находить консенсус для решения различных политических задач. Проблемы, вызвавшие консолидацию населения, ассоциировались, прежде всего, с историко-культурной идентичностью армянского народа. Впрочем, многие популярные в 1990-е гг. и позже политические мифы сформировались в советский период. Даже взгляд на историю армянской нации по сравнению с советским периодом лишился идеологического пафоса, иллюстрирующего многовековое национально-освободительное движение армян. В социальной, политической, идеологической и др. сферах вакуум расширился, но низкий уровень политической культуры не способствовал формированию новых политических движений или идеологических направлений.

⁹⁶ Ответ на вопрос: «Существуют разные мнения относительно направления развития внутренней политики Армении. С чем из следующего Вы бы лично согласились?». Источник: данные Кавказского исследовательского ресурсного центра (Caucasus Research Resource Center – CRRC). URL: <https://www.caucasusbarometer.org/en/> (accessed 20.01.2020).

Как следствие, политический процесс (а вместе с ним и основа развития гражданского сознания) строился на нескольких главных принципах: 1) политика формировалась исходя из консенсуса между различными группами, 2) внутривластная борьба рассматривалась в обществе как противостояние двух личностей или групп, 3) оппозиция не была способна сформулировать отличный от властного политический и общественный дискурс, 4) армянское общество не рассматривало политику как сферу «экзистенциального вызова».

Трагические события 1 марта 2008г. стали чертой, разделившей развитие армянской государственности на «до» и «после». Отметим, что традиционное восприятие отношений между властью и обществом пошатнулось вследствие гибели десяти человек, которая была представлена оппозицией и СМИ как убийство граждан «режимом»⁹⁷. Кроме того, возник диссонанс политической «целесообразности» с национальным менталитетом. «Дело 1 марта» в этом контексте показательно с точки зрения влияния на общественное сознание и формирования нового дискурса гражданского протеста, дистанцирующегося от политики как таковой. В результате, после 2008г. начался этап противопоставления гражданского движения политическому процессу, что было связано как с разочарованием граждан в политических лидерах и партиях, так и с трансформацией общественного сознания.

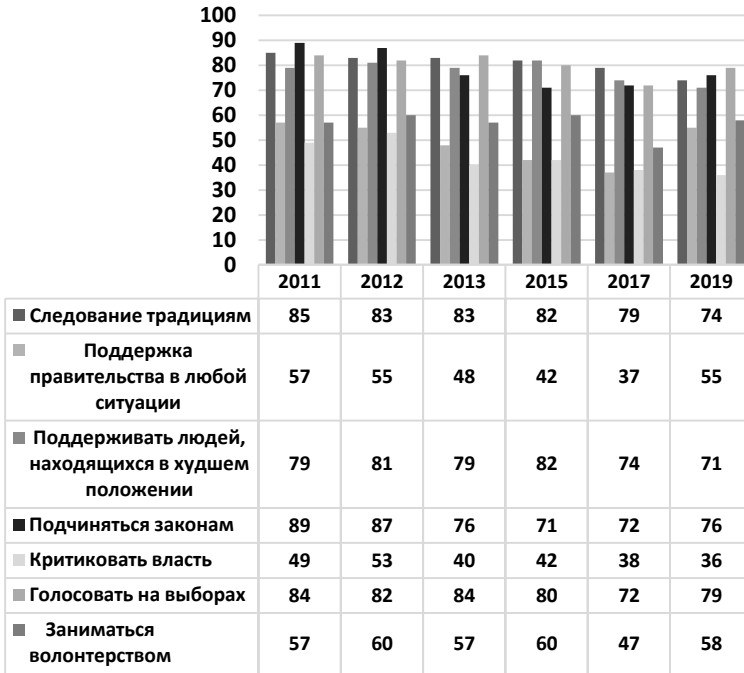
Несмотря на это, общество по-прежнему выбирало пути пассивного политического участия, совмещая инерционное развитие и низкий уровень доверия институтам. Такое же состояние общества описывается в концепции М. Олсона, когда люди могут избежать участия в коллективных действиях, но все-таки надеются

⁹⁷ Золян С.Т. Армения в 2008г.: феодальная демократия или демократический феодализм // Кавказ-2008. Ежегодник Института Кавказа. Ер.: Институт Кавказа, 2010. СС. 24–42.

на успех массовых движений⁹⁸. Так, в Армении гражданственность ассоциируется главным образом с институтами коллективного действия, но индивидуальное политическое поведение остается на низком уровне (см. Рис. 5). Бедность ощутимой части населения также способствовала формированию целой страты социальных «безбилетников», стремящихся «проехать» за счет чужих коллективных действий. Можно сказать, что успех «бархатной революции» был связан с подобной «логикой коллективного действия» в условиях крайне низкой легитимности власти.

Период правления президента С. Саргсяна был ознаменован рядом внешнеполитических проблем и ростом внутривнутриполитической напряженности. При этом во внутренней политике сформировалось два противопоставляемых друг другу дискурса: монополизации политического поля страны и развития гражданской протестной культуры. Политический процесс принес разочарование большей части населения, и многие социально-экономические процессы приобретали политический окрас, хотя гражданские активисты всячески дистанцировались от политических процессов. Примечательно, что в течение акций протеста в 2012–2016 гг. акцент ставился на теме социальной несправедливости, но движения политического дискурса «влево» так и не произошло. Этому было много причин, укажем на основные: короткий период протестных акций, отсутствие системности борьбы, маргинализация значительной части общества, низкая политическая культура, манипуляция общественным мнением и отсутствие опоры в политическом поле. Кроме того, протестные акции выполняли функцию рекрутирования «новых» лиц, которые потом стали частью политической элиты.

⁹⁸ *Олсон М.* Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. 165с.

Рисунок 5. Признаки «хорошего» гражданина, %⁹⁹.

Несмотря на некоторый рост гражданской активности, дискурс развития армянского общества оставался прежним, но переменные на политическом поле страны стремительно менялись. А.В. Атанесян отмечает, что общественное мнение о социальных проблемах также не трансформировалось, как и отношение к государству как к «опекуну». Среди главных проблем армянского общества назывались безработица, бедность, низкий уровень со-

⁹⁹ Ответ на вопрос: «Какой признак наиболее присущ ‘хорошему’ гражданину?». Источник: данные Кавказского исследовательского ресурсного центра (Caucasus Research Resource Center – CRRC). URL: <https://www.caucasusbarometer.org/en/> (accessed 20.01.2020).

гласия, коррупция и другие проблемы. Нерешенные территориальные споры занимали лишь шестую строчку в ряде проблем, стоявших перед Арменией в 2017г.¹⁰⁰ Политические процессы после Второй Карабахской войны 2020 г. показали, что фактор «социального неравенства» отодвинул на второй план проблему территориальной целостности Армении и «потерю» Арцаха.

Социальные ожидания общества оставались неизменными, но способы решения проблемы сталкивались с провалами во внутренней и внешней политике, что сильно снизило рейтинг исполнительной власти и повысило желание граждан перейти к более решительным действиям. Вместе с тем, политические процессы после 2015г. привели к ряду институциональных изменений, не ограничившихся политической сферой. Здесь можно выделить три основных сюжета:

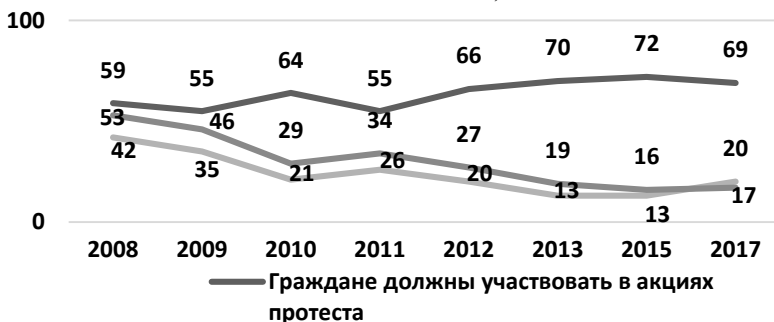
- 1) Апрельская приграничная война 2016г.;
- 2) Захват полка полицейской службы вооруженной группой «Сасна Црер» в июле 2016г.;
- 3) Процессы, сопутствующие переходу Армении от смешанной к парламентской республике.

После этих событий зафиксирован надлом как в протестных настроениях граждан, так и в отношении к власти, так как смена правительства в сентябре 2017г. некоторым образом дала надежду на выход из кризиса (см. Рис. 6). Можно отметить, что выступление группы «Сасна Црер» и широкая поддержка этой акции со стороны некоторых граждан символически стали «зеркалом 1 марта», т.е. в народном сознании было реализовано право на неповиновение власти. Но гибель двух сотрудников полиции, в свою очередь, была отражена в общественном сознании как однозначно негативный поступок. В общественной и полити-

¹⁰⁰ *Атанесян А.В.* «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политико-протестной активности // «Полис. Политические исследования», 2018, № 6. СС. 87–89.

ческой жизни республики завершился десятилетний драматический период противостояния между «властью» и «улицей», и армянское общество нуждалось в более «креативных» действиях против власти и изменении формата гражданской борьбы.

Рисунок 6. Уровень одобрения участия в акциях протеста и доверия исполнительной власти, %¹⁰¹.

Тем временем гражданское движение постепенно заполняло вакуум в политическом пространстве, что стало заметно до парламентских выборов 2017г., когда будущий глава «революционного» движения Н. Пашинян заявил о создании новой «институциональной оппозиции» в Армении, которая перешла от тактики уличной борьбы к внутрипарламентскому противостоянию с партией власти¹⁰². Логика социальных и политических процессов сводилась к формированию альянса между гражданскими движениями и политическими силами, поскольку разочарование в обществе углублялось и касалось как сомнительных тактических

¹⁰¹ Ответы на вопрос: «Одобряете ли Вы участие населения в акциях протеста? Насколько Вы доверяете институтам исполнительной власти?». Источник: данные Кавказского исследовательского ресурсного центра (Caucasus Research Resource Center – CRRC). URL: <https://www.caucasusbarometer.org/en/> (accessed 20.01.2020).

¹⁰² См., например: Никол Пашинян: «Мы не вели граждан к поражению» // Аравот – Новости Армении. 19.05.2016. URL: <https://www.aravotru.am/2016/04/19/207241/> (accessed 20.01.2020).

побед в рамках социальных протестов, так и дискредитации политической оппозиции. Этим объясняется и механизм подготовки протестов в марте 2018г., когда протест против нового срока С. Саргсяна в качестве премьер-министра формировался вокруг двух гражданских инициатив: «Мой шаг» – акции партии «Гражданский договор» во главе с Н. Пашиняном, «Отвергни Сержа» – акции протестов, организованной одноименной инициативной группой из гражданских активистов.

«Бархатная революция» в Армении: новые форматы протеста и властные стратегии

Первая инициатива была организована сторонниками партии «Гражданский договор», однако она представляла собой именно гражданский протест, направленный на мобилизацию населения с целью проведения мирных протестных акций в виде митинговой активности и посещения крупных городов Армении по маршруту Гюмри-Ереван. Отметим также, что другие партии, входившие в оппозиционный парламентский блок «Елк» («Выход»), не поддержали данную акцию, а гражданские активисты постепенно влились в общий поток движения. Примечательно, что организаторы протестов изначально разработали подробный план действий в условиях различных сценариев, о чем уже 2 апреля 2018г. сообщил один из организаторов Т. Авинян¹⁰³. Интересно, что Н. Пашинян осознанно избрал путь давления на парламент страны извне, понимая отсутствие реальных рычагов влияния в контексте так называемой «институциональной» борьбы, сторонниками которой были иные оппозиционные силы.

Говоря об организованности и дисциплинированности протестного движения, нельзя не заметить отпечатка практики соци-

¹⁰³ Тигран Авинян: «Будут не ежедневные сидячие демонстрации, а ежедневные митинги. Член ГД» // “1in.am.”, 02.04.2018. URL: <https://www.1in.am/2327607.html> (accessed 20.01.2020) (на арм.).

альных протестов, нацеленных на решение определенных проблем и быстрого затухания движения после разрешения конфликта или разгона демонстрации. Выдвигая цель недопущения третьего срока С. Саргсяна в качестве премьер-министра РА, протестующие и сам Н. Пашинян слабо представляли свои дальнейшие шаги в случае победы движения. Свидетельством этому стало формирование новой повестки уже в дни активных протестов и после отставки премьер-министра С. Саргсяна. Все пункты Н. Пашиняна (избрание новым премьер-министром «кандидата от народа», формирование нового правительства и проведение внеочередных выборов)¹⁰⁴ были реализованы в дальнейшем, но логика гражданского протеста осталась, так как стратегия будущих действий новой политической элиты не была сформулирована.

«Революция» 2018г. привела к смене структуры власти и развитию гражданского сознания в обществе, но действия новой власти по-прежнему подчиняются старой логике, направленной на точечное решение различных проблем. Важно понимать, что резкая смена поколений в политической элите (средний возраст депутатов парламента – 35 лет) привела к тому, что новое поколение, включенное до этого в различные гражданские инициативы, вынуждено набирать опыт путем проб и ошибок, меняя как свою аудиторию, так и методы работы. К тому же, опыт деятельности в рамках общественных организаций и решения конкретных проблем способен как помогать в государственной деятельности, так и привести к снижению уровня плюрализма внутри гражданского общества¹⁰⁵. Стоит отметить, что в процессе революции серьезно изменилась структура власти, но не структура

¹⁰⁴ Никол Пашинян: представитель РПА не может быть кандидатом в премьер-министры Армении // Аравот – Новости Армении. 24.04.2018.
URL: <https://www.aravot.ru.am/2018/04/24/271333/> (accessed 20.01.2020).

¹⁰⁵ *Laverty N.* The Problem of Lasting Change: Civil Society and the Colored Revolutions in Georgia and Ukraine // *Demokratizatsiya: The Journal of*

общества. Здесь происходит кризисный переход, связанный с отсутствием ясной перспективы дальнейшего развития, поскольку гражданское общество – постоянный антагонист прошлой власти, обеспечивший успешную ее смену, – не смогло определить для себя новый формат отношений с государством. Те представители гражданского общества, которые стали частью правительства, Национального собрания или новых партий, также не предложили внятной повестки отношений между государством и гражданским обществом.

Объяснить такое положение дел возможно естественным процессом ослабления гражданского общества после революционных событий¹⁰⁶ или постепенным «захватом» гражданского общества государством (или наоборот)¹⁰⁷. После смены власти в 2018г. многие гражданские активисты, сделавшие себе имя во время различных социальных и политических протестов 2012–2017гг., перекочевали в правительство или создали новые политические партии. Гражданское общество значительно обеднело, так как в Армении многие явления привязаны к личностям, а не к институтам или идеологии. Наиболее схожий пример Грузии показывает, что переход некоторых гражданских активистов на государствен-

Post-Soviet Democratization. 2008.Vol. 16. No. 2. PP. 143–161: [https://doi.org/10.3200/demo.16.2.143–162](https://doi.org/10.3200/demo.16.2.143-162).

¹⁰⁶ *Broers L.* After the ‘Revolution’: Civil Society and the Challenges of Consolidating Democracy in Georgia // Central Asian Survey. 2005. Vol. 24. No. 3. PP. 333–350: <https://doi.org/10.1080/02634930500310444>; *Muskhelishvili M., Jorjoliani. G.* Georgia’s Ongoing Struggle for a Better Future Continued: Democracy Promotion Through Civil Society Development // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2009. Vol. 16. No. 4. PP. 682–708: <https://doi.org/10.1080/13510340-903083000>.

¹⁰⁷ *Ishkanian A.* After the Velvet Revolution: Shifting Space for Civil Society in Armenia // From Shrinking Space to Post-Revolutionary Space: Reimagining the Role and Relations of Civil Society in Armenia. Analytical report. 2018. PP. 70–78: <https://doi.org/10.4324/9780203929223>.

ную службу после «революции роз» привел к росту напряженности с бывшими общественными структурами, поскольку новоиспеченные чиновники придавали большее значение «институциональным целям»¹⁰⁸. Для Армении в сфере развития гражданского сознания присутствует ряд рисков, которые зависят от шагов новой власти, так как действия гражданского общества во многом будут реактивными. «Бархатная революция» привела к власти «условных либералов», но это не означает, что внутривнутриполитическая ситуация пойдет по пути идеологической борьбы, так как доминирует этнонациональная идентичность.

Формирование и развитие гражданской идентичности связаны с адекватностью оценок политической ситуации как внутри, так и вне Армении. В «постреволюционный» период возникает опасность использования популизма в качестве системы социально-психологических установок, предполагающих особый тип реакции общества и элиты на быстрые и раздражающие социальные изменения¹⁰⁹. Такая ситуация может сложиться в результате эффекта «относительного лишения», ведущего к углублению социальных кризисов¹¹⁰.

Логика формирования политического мифа вокруг «ненасильственной революции» стала благодатной почвой для популистского образа мышления политической элиты и, как следствие, болезненного кризиса по причине неспособности претворить в жизнь некоторые утопические проекты, а также столкновения нового мифа с политической реальностью. Иными словами, укоренение «слабой демократии» ввело армянское общество в заколдованный популистский круг, формирующийся как

¹⁰⁸ *Grodsky B.* Co-optation or Empowerment? The Fate of Pro-Democracy NGOs after the Rose Revolution // *Europe-Asia Studies*. 2012. No. 64 (9): <https://doi.org/10.1080/09668136.2012.718419>. P. 1702.

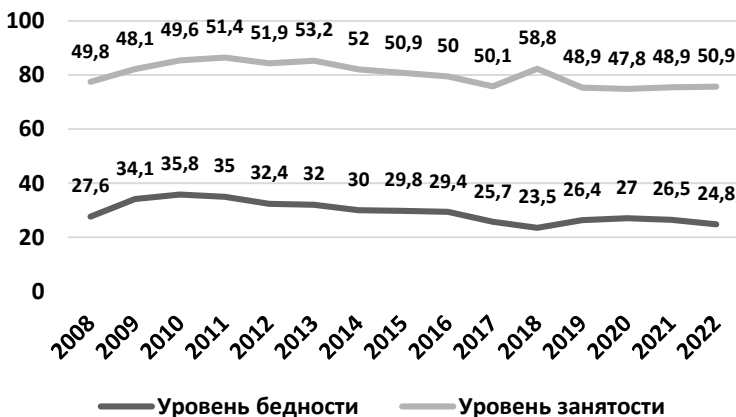
¹⁰⁹ *Медушевский А.Н.* Популизм на Западе и в России: сходства и различия в сравнительной перспективе // *Популизм как общий вызов*. М.: Политическая энциклопедия. 2018. СС. 47–48.

¹¹⁰ *Gurr T.* *Why Men Rebel*. Princeton: Princeton University Press, 1970.

со стороны политической элиты и контрэлиты, так и поредевшего после «бархатной революции» гражданского общества. Неэффективная политика нового правительства привела к снижению доверия институтам, продолжив старую тенденцию эрозии институциональной основы политики, что спровоцировало новую протестную волну. Смена власти в Армении в 2018г. дала толчок развитию гражданского сознания в республике, но процесс нуждался в дальнейшей поддержке и фиксации конкретных направлений во внутренней и внешней политике, что не было сделано.

Однако некомпетентность новой власти в дальнейшем была уравновешена ростом экономических показателей. Поскольку протесты 2008–2018гг. были вызваны именно проблемами социальной несправедливости, экономический рост в 2022г., а также стабилизация уровня бедности и занятости населения (см. Рис. 7) способствовали сохранению устойчивых позиций армянских властей даже на фоне поражения в войне.

Рисунок 7. Уровень бедности и занятости в республике, %¹¹¹.

¹¹¹ График составлен на основе данных Статистического комитета Республики Армения. URL: <http://armstatbank.am/pxweb/hy/ArmStatBank> (accessed 20.01.2020).

Стоит учитывать, что доля теневой экономики и неолиберальные реформы значительно скорректировали картину. Вместе с тем, социальная поляризация может усилиться в контексте радикальных экономических перемен, связанных с реализацией нового пакета налоговых и экономических реформ. Неподготовленность населения к эффекту неолиберальных реформ в виде роста рыночной конкуренции и снижения уровня общественной солидарности может привести к некоторым рискам в будущем¹¹². Как результат, государство будет продолжать «убывать» из сферы социального обеспечения, что в условиях низкого уровня гражданского сознания навряд ли можно будет оценить положительно.

В заключение необходимо отметить, что долгие века отсутствия государственности и включенности в государственные образования с низким уровнем общественного развития не могли не отразиться на развитии гражданской идентичности населения Армении. В результате, стала преобладать культурно-конфессиональная модель нации. Советский период в некотором смысле способствовал развитию гражданско-государственной культуры армянского народа. Движение за независимость ознаменовалось резким всплеском демократических изменений общественной жизни, но начавшийся процесс по определенным причинам был приостановлен. Недоверие к властным элитам и высокий уровень бедности постепенно способствовали росту недоверия самому институту государства, а в дальнейшем – и другим политическим институтам. Общество стало самоорганизовываться «снизу», что выразилось в разных протестных акциях. Гражданские движения сформировали новую «гражданскую элиту».

В результате смены властных элит после «бархатной революции» гражданские активисты «ушли» во власть, что значительно

¹¹² Stark Ch. The Neoliberal Ideology, its Contradictions, the Consequences and Challenges for Social Work // Ljetopis socijalnog rada. 2018. Vol. 25. No. 1: <https://doi.org/10.3935/ljsr.v25i1.196>. PP. 50–51.

обеднило гражданское общество. Одновременно с этим, политические институты не оправились от эффекта революционных преобразований, поэтому для новой политической элиты важно не избегать проблем, стоящих перед армянским обществом, и перейти к разработке четкой стратегии развития государства и общества. С точки зрения развития гражданского сознания, важен содержательный диалог власти и общества по острым проблемам: проведение социологических опросов с четко поставленными аналитическими задачами и усовершенствование институциональной и нормативной базы для осуществления дальнейших демократических реформ. Новая «революционная» элита имеет претензию на формирование определенного типа гражданской идентичности на основе мифологизации «революции», избегания неформальных сторон политического и общественного взаимодействия, а также проведения неолиберальных экономических реформ, укрепляющих позиции института государства в качестве арбитра общественных отношений, но не «опекуна». Исходя из этого, неприятие обществом такой логики развития и конфликт между этнокультурным и гражданским типами идентичности может привести к новому витку социальных разногласий.

Глава VI. Фактор диаспоры в контексте модели общеармянской идентичности

О.Л. Саркисян
Н.А. Дунамалян¹¹³

В современном мире, когда государства продолжают оставаться основными акторами международных отношений, несмотря на рост международной неопределенности и интенсивные изменения в социально-политической жизни обществ, в широком понимании актуализируются страноведческие исследования. С этой позиции особо важным становится изучение трансформирующихся идентичностей под влиянием внутренних и внешних факторов. Арменоведческие исследования имеют уже достаточно долгую историю, но они носят фрагментарный характер, будучи направленными на изучение отдельных феноменов армянской истории и культуры (язык, литература, искусство, церковь и религия и т.д.). Комплексные же исследования, особенно с освещением и социально-политических процессов, по существу, отсутствуют. Сказанное относится и к исследованию феномена армянской диаспоры. Между тем, комплексные и системные исследования диаспоры в арменоведческих изысканиях имеют особое значение, так как, по самым скромным подсчетам, две трети этнических армян проживает вне границ современной Республики Армения.

Армянской диаспоре посвящено большое количество исследовательских материалов, раскрывающих ту или иную сторону развития армянской диаспоры на современном этапе. В данной

¹¹³ На основе: *Саркисян О., Дунамалян Н.* Фактор диаспоры в контексте модели общеармянской идентичности: между нацией и государством // «Мировая экономика и международные отношения», 2023, т. 67, № 4, СС. 92–108: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-92-108> EDN: QQUKAY

статье будет проанализирован определенный сегмент эмпирических данных, который отчасти может показать тенденции развития армянских общин в различных уголках нашей планеты. Основным эмпирическим материалом для данной статьи послужило большое социологическое исследование, проведенное в общинах армянской диаспоры в Египте (Каир), Франции (Марсель), США (Пасадена и Бостон), Канаде (Монреаль), Аргентине, Ливане и Румынии, Армянским институтом в Лондоне при поддержке Фонда «Галуст Гюльбенкян» в 2018–2019 гг.¹¹⁴ Нельзя сказать, что социологические опросы в этих общинах могут дать полную картину об армянской диаспоре в целом, но все же необходимо признать, что данный проект, нацеленный на продолжение опросов и в других армянских общинах в разных странах мира, – это первая попытка серьезного социологического исследования армянской диаспоры. Кроме того, при подготовке статьи были проанализированы результаты глубинного интервью, проведенного в рамках исследовательского проекта «Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве: тенденции, вызовы, риски (на примере России и Армении)»¹¹⁵, а также богатый материал о положении армянской диаспоры в различных странах мира на армянском, английском и русском языках.

Анализ эмпирической базы является необходимым условием для иллюстрации текущего состояния различных армянских общин, поскольку проведенные на данный момент научные исследо-

¹¹⁴ Armenian Diaspora Opinion Hratch Tchilingirian. Armenian Institute London Armenian Diaspora Survey (ed.). Pilot Project 2018. 152p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5cfe61b36077c90001c40a1c/1560175078643/ADS_2018_Report_06062019.pdf (accessed 25.09.2022).

¹¹⁵ Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А., Карамян И.А., Оганесян Т.А. Гражданская идентичность в Армении (обзор глубинного экспертного интервью) // «Вестник Российско-Армянского университета, сер.: гуманитарные и общественные науки», 2021, № 2 (38). СС. 7–18.

вания так и не привели к формированию целостного представления об армянской диаспоре. Этот аспект связан с переплетением политических, культурных, конфессиональных, лингвистических и иных особенностей отдельных групп населения в различных странах, идентифицирующих себя как армяне. В данной работе мы попытаемся лишь поставить ряд вопросов, которые требуют ответа в современных условиях сохранения и трансформации армянской идентичности, выявив некоторые особенности сложного феномена армянской диаспоры и потенциала укрепления ее связи с армянским государством.

В данном исследовании предлагается обратить внимание на сохранение и развитие армянской идентичности как главного остова армянских общин по всему миру, позволяющего применить ряд социальных практик внутри общины, и не входить в конфликт с государством проживания. В этом контексте важно понять, как строится армянская община за рубежом, то есть узнать, каким образом наслаиваются политическая, культурная или конфессиональная идентичности, сохраняя некую основу в виде этноконфессионального единства. Но даже в этом случае многие сообщества армян будут выпадать из общей картины: различные армянские общины могут разделять общую культурную идентичность, но политически они будут проповедовать совсем противоположные идеологические установки. Анализ различных пластов армянской идентичности в этом плане воспринимается как более перспективный с точки зрения исследования различных групп армянской диаспоры.

Армянская диаспора как объект исследования

Многочисленные работы по вопросам исследования армянской диаспоры освещают лишь отдельные аспекты развития армянских общин в том или ином государстве, в то время, как комплексный взгляд на проблему все еще невозможен из-за отсутствия необходимого массива количественных и качественных данных о различных очагах существования армян в мире. В этом

контексте присутствует также мифологизация единства армянской диаспоры и продвижения единой повестки дня различными политическими, интеллектуальными или культурными кругами внутри армянских общин¹¹⁶. С такими сложностями и разночтениями сталкиваются все исследователи армянской диаспоры, но вопрос «наслаивающейся» идентичности остается одним из важнейших с точки зрения маркирования тех или иных групп, которые ассоциируют себя с армянским этносом.

«Армянская диаспора» – во многом «виртуальное» понятие, так как подразумеваемое единое сообщество не встречается в качестве структурированного реального примера. До сих пор есть некоторые проблемы с определением этапов развития армянских общин, их статуса и внутренних механизмов развития. К примеру, известный армянский этнограф Л. Абрамян пришел к выводу, что армянское обозначение диаспоры «*Спюрк*» (рассеивание) может быть применено только к общинам, возникшим по причине Геноцида армян в Османской империи, а более ранние армянские сообщества могли бы называться «*гахтавайр*» (очаг или место переселения)¹¹⁷. С другой стороны, кажется проблемным причисление армянской диаспоры к типу «*диаспор катаклизма*» (*accidental diasporas*)¹¹⁸, или «*диаспор-жертв*» (*victim diasporas*)¹¹⁹, так как

¹¹⁶ *Tölölyan K.* The contemporary discourse of diaspora studies // *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*, 2007, vol. 27, iss. 3. PP. 647–655. Available at: <https://muse.jhu.edu/pub/4/article/224587/pdf>

¹¹⁷ *Абрамян Л.* Армения и диаспора: расхождение и встреча // «21-й век», 2005. № 2. СС. 137–155.

¹¹⁸ *Brubaker R.* Accidental Diasporas and External “Homelands” in Central and Eastern Europe: Past and Present // *IHS Political Science Series 71*. October 2000. 30p. Available at: https://aei.pitt.edu/32402/1/1208853-582_pw_71.pdf.

¹¹⁹ *Cohen R.* *Global Diasporas: An Introduction* (2nd ed.) // New York, Routledge. 2008. 240p. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780203928943>.

неоднородность армянской диаспоры касается как различных причин возникновения современных общин, так и отличия в самоидентификации армян диаспоры. К тому же, подобная классификация перемещает акцент на поиск идентичности армян диаспоры, не пытаясь вычлнить этот аспект из контекста общеармянской идентичности (к примеру, психология «нации-жертвы» присуща всем представителям армянства). Еще более усложняет анализ проблемы возникновение новых сообществ после распада СССР, сменяя акцент с сохранения мирового армянства к интеграции его определенных кругов в старые общины. Так, канадский историк Р. Паносян выделяет «внешнюю» и «внутреннюю» (общины, проживающие в союзных республиках) армянскую диаспору, акцентируя ценностные различия армян, проходивших через этап модернизации в разных регионах мира¹²⁰.

Между тем, очевидно, что армянская диаспора, в целом, и конкретные общины в частности, динамично трансформируются: ближневосточные общины, по существу, находятся на грани исчезновения, что обусловлено социально-политическими процессами, начавшимися еще в 50–60-х годах XXв. и активизировавшимися после «Арабской весны», выражаясь резким оттоком армянского населения из Египта, Ирака, Сирии и Ливана; новые поколения «внешних» общин, возникших еще после Геноцида, глубоко интегрированы в общества западных стран, самоидентифицируя себя с этими обществами, сохраняя лишь некоторые элементы принадлежности к армянскому этносу на уровне исторической памяти; во «внутренних» постсоветских общинах темпы ассимиляции также высоки, что обусловлено отсутствием состоявшихся диаспоральных структур; наконец, унификации диаспоры не произошло по причине по-

¹²⁰ *Panosian R.* The Armenians: Conflicting Identities and the Politics of Division. In book: Nations Abroad. Diaspora Politics and International Relations // In The Former Soviet Union. King Ch., ed. Routledge. 1998. 24p. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780429498732>.

стоянных волн миграций (особенно после приобретения независимости Армении), что усилило гетерогенность диаспоральных общин, приведя к формированию феномена «диаспор в диаспоре». Необходимо учесть также, что в последние десятилетия трансформация армянской диаспоры более интенсифицируется в результате целенаправленной политики нациестроительства государств, где проживают армянские общины.

С другой стороны, эмпирический материал, описывающий современное состояние армянских общин, скуден и формируется на основе фрагментарных данных. Все те же официальные цифры не всегда соответствуют наличному количеству тех или иных общин. Во многих случаях присутствует несколько цифр, основанных на противоречивых или устаревших источниках. Как пример, количество армян в Болгарии варьируется от 10, согласно официальным данным¹²¹, до 35 тысяч, по армянским источникам¹²². Для оценки количества армян в Иране до сих пор используется актуальная для 1980-х гг. цифра в 200 тысяч человек, хотя после исламской революции армянская община пережила, как минимум, три волны эмиграции¹²³. В количественной оценке армянских общин России также имеются расхождения, колеблющиеся от 1.2 до 2.5 миллионов¹²⁴.

Отсутствие точных данных приводит к половинчатости применения различных методов исследования диаспоры. Несмотря

¹²¹ Население на 01.03.2001 по регионам и этническим группам. (на болг.) Available at: <https://www.nsi.bg/Census/Ethnos.htm>

¹²² Մալխոսյան Մ. Պատմաժողովրդագրական ուսումնասիրություններ // «Գիտական հոդվածների ժողովածու», գիրք 1, Եր., ԵՊՀ հրատ., 2015. էջ. 161:

¹²³ Там же. СС. 159–170; *Iskandaryan G.* The Armenian community in Iran: Issues and emigration // “Global Campus Human Rights Journal”. 2019, vol. 3, no 1. PP. 127–140. Available at: <https://doi.org/20.500.11825/991>

¹²⁴ *Арутюнян Ю.В.* Об этносоциологических исследованиях армян России // «Историко-филологический журнал», 2010. № 1. СС. 129–136.

на то, что размытость понятия «диаспора» как «культурно-отличительной общности» или «стиля жизненного поведения», не зависящего от демографических реалий, может препятствовать определению четкого объекта исследования¹²⁵; наиболее эффективным путем исследования армянской диаспоры остается содержательный анализ, который, используя методы глубинного опроса и иные полевые исследования, сможет описать и объяснить ряд внутриобщинных связей с выходом на комплексное осмысление отношений с Республикой Армения.

Институты армянской диаспоры

Армянская апостольская церковь (ААЦ) во главе с «Католикосом всех армян» в условиях отсутствия государственности стала главным политическим институтом для всего армянского народа, сохраняющим культурное и политическое единство нации (стоит отметить, что ее официальное название – Апостольская церковь Армении (*Hayastaneants Araḡelakan Ekekhetsi*)). Кроме того, армянская церковь является тем институтом, трансформация которого почти полностью совпала с историческим развитием армянства, в том числе и в его кризисные периоды. В XIX в. кризис Армянской апостольской церкви (ААЦ) стал более осязаемым, хотя уже несколько столетий церковь постепенно лишалась своего бывшего статуса. Постоянные войны на территории Армении способствовали тому, что самые важные научно-образовательные и просветительские центры армянства в XVII–XVIII вв. переместились за пределы исторической Армении: в Европу (католическая конгрегация мхитаристов), Индию (мадрасская группа) и в др. регионы. Уже в XIX в. у ААЦ появились новые религиозные и политические конкуренты в лице Армянской евангелистской церкви и армянских партий. Изначально существовал лишь латентный конфликт в оценках и подходах в деле сохранения армянской идентичности,

¹²⁵ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: «Наука», 2003. С. 444.

но в будущем эти организации приобрели довольно высокий статус внутри армянских общин.

Возникшие в конце XIX – начале XXвв. армянские традиционные партии смогли создать конкуренцию ААЦ, которая уже несколько столетий пребывала в кризисе и не могла адекватно реагировать на вызовы современности. Партии пытались сформулировать новую повестку для армянства, а после Геноцида 1915г. и советизации Армении взяли на себя роль организации армянских общин в диаспоре. На тот момент уже присутствовали разломы внутри армянских общин, если не говорить между общинами. В ряде случаев внутрдиаспоральная миграция (переезд ближневосточных армян в США и европейские страны) способствовала укреплению позиций партии Армянский революционный союз «Дашнакцутюн» на Западе и ослаблению других партий, так как данная партия изначально имела исключительный авторитет именно в общинах Ближнего Востока¹²⁶. Партия «Дашнакцутюн» стремилась создать масштабную сеть своих представительств во всей диаспоре, чему способствовало и американское покровительство в рамках «антисоветской» повестки в диаспоре. Крайней точкой противостояния «советскому» влиянию был спровоцированный партией «Дашнакцутюн» отход административно независимого Киликийского католикосата¹²⁷ от Святого Эчмиадзина, центра ААЦ, в 1956г. фактически возникли две церковные организации, номинально и догматически представляющие одну церковь, но административно и политически разделенные.

¹²⁶ *Takooshian H.* Armenian Immigration to the United States from the Middle East // “Journal of Armenian Studies”, 1986–1987, vol. III, no 1–2: Identity and Assimilation: The Armenian Experience in America. PP. 133–155. Available at: <https://naasr.org/pages/journal-of-armenian-studies>.

¹²⁷ После падения Киликийского армянского царства в 1375г. с целью консолидации армянства на территории исторической родины было принято решение вернуть католикосат в Эчмиадзин (1441г.), что и было сделано, однако Киликийский католикосат сохранился.

Бурные политические процессы в диаспоре, по сути, демонстрировали трансформацию партий в организации иного рода, представляющие собой сплав корпоративных сообществ и групп интересов. Несмотря на желание «Дашнакцутюн» стать главной партией диаспоры, реальное положение дел показывало скорее углубление раскола политических, общинных и церковных организаций, а не установление единства. Традиционные армянские партии «Дашнакцутюн», «Гнчак» или «Рамкавар» выполняли, скорее, посредническую функцию между общинными и государственными институтами, защищая, прежде всего, интересы определенных корпоративных сообществ армянской диаспоры. Эти организации пытались адаптироваться к местным политическим условиям, создавая лоббистские структуры (Армянская ассамблея Америки, Армянский национальный комитет Америки), благотворительные фонды («Армянский всеобщий благотворительный союз» (*Armenian Global Benevolent Union*)), школы и образовательные центры. На уровне самоорганизации армянским сообществам было присуще формировать землячества или конфессиональные общины в зависимости от места пребывания. Таким образом, в различных регионах мира в армянских общинах была возможна одновременная конкуренция между системой землячеств, конфессиональных общин, партийных сообществ и кланов. Устойчивость национальной идентичности в этих условиях сохранялась благодаря этнокультурным признакам.

В пилотном проекте 2018г. исследования армянских общин в Пасадене, Бостоне, Марселе и Каире большая часть респондентов причислила себя к ААЦ (71%), на втором месте находилась Армянская евангелистская церковь (12%), а на третьем – Армянская католическая церковь (5%). То же соотношение было обнаружено и в исследовании 2019г. в Монреале, Ливане, Румынии и Аргентине. Однако следует обратить внимание на некоторый разброс данных по регионам, так как в Пасадене было отмечено самое большое количество приверженцев Армянской евангелистской церкви (28%), а в ближневосточных общинах (Египет и Ливан) –

католической (19%)¹²⁸. Несмотря на то, что число последователей ААЦ является абсолютным большинством во всех четырех армянских общинах, существует тенденция возрастания роли иных армянских церквей¹²⁹ и местных конфессий (в Румынии 29% респондентов причислили себя к Православной церкви). Примечательно, что в вопросе приверженности к отдельным церквям нельзя однозначно отделить прихожан ААЦ от Киликийского католикосата.

Высокий уровень доверия к ААЦ в Армении и диаспоре объясняется, прежде всего, тем, что в рамках культурной модели армянской идентичности армянская церковь выступала в качестве не сугубо религиозного института, а основного фактора конструирования и сохранения армянской идентичности и, по существу, приверженность к ней отчасти и определяла национальную идентичность¹³⁰. Не зря евангелистская или католическая церкви не

¹²⁸ Armenian Diaspora Survey (ed.). Pilot Project 2018. 152p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5cfе61b36077c90001c40a1c/1560175078643/ADS_2018_Report_06062-019.pdf; Armenian Diaspora Public Opinion (1). Armenian Diaspora Survey 2019. 176p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5f5382df75dd3715b1125b37/15993085879-11/Armenian_Diaspora_Survey_2019_results_+book_05092020v2.pdf.

¹²⁹ Примечательно, что в Османской империи последователи армянских протестантской и католической конфессий причислялись к отдельным миллетам, то есть османское руководство пыталось вбить клин в армянские общины империи, но в то же время европейские великие державы также использовали религиозный фактор для давления на турецкие власти. Понятие «миллет» в Новое время стал соответствовать понятию «нация».

¹³⁰ Саркисян О.Л. Культурный ресурс политики идентичности (на примере Армении) // «Вестник Российско-Армянского университета, сер.: гуманитарные и общественные науки», 2018, № 2 (29), СС. 28–33.

отказались от статуса «национальных»¹³¹. Кроме того, политические организации диаспоры также всегда использовали религиозный фактор в обеспечении своей поддержки. Однако в отдельных общинах существует различное мнение о спорных для консервативного взгляда церкви вопросах (аборты, смешанные браки, повышение статуса женщин в церкви), поэтому в западных армянских общинах возможен уход паствы от ААЦ к более либеральным национальным конфессиям¹³². Еще одним интересным свидетельством «ритуального» поведения членов армянских общин¹³³ является то обстоятельство, что большинство респондентов (49%) своим моральным и духовным ориентиром назвали свою семью, а не церковь¹³⁴.

Что касается доверия армянским политическим организациям в диаспоре, то среди опрошенных только 17% поддерживают партию «Дашнакцутюн», 3% – «Рамкавар» 2% – «Гнчакян»¹³⁵. 73% вообще не отнесли себя к какой-либо партии. Данные показатели демонстрируют несколько тенденций, связанных

¹³¹ *Միմալորյան Ա., Հովյան Վ.* Հայ կաթողիկե և ավետարանական համայնքները Թուրքիայում. Ժամանակակից միտումներ. Եր.: «Նորավանք» ԳԿՀ, 2012. 160 էջ.

¹³² *Tölölyan K.* The Role of the Armenian Apostolic Church in the Diaspora // “The Armenian review”, 1988, Vol. 41, no 1–2. PP. 55–68. Available at: <https://www.armenianreview.org/>.

¹³³ *Merton R.* Social Structure and Anomie // *American Sociological Review.* 1938. no 3, vol. 5. PP. 672–682. Available at: <https://doi.org/10.2307-/2084686>.

¹³⁴ *Armenian Diaspora Survey 2019.* 176p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5f5382df75dd37-15b1125b37/1599308587911/Armenian_Diaspora_Survey_2019_results_+book_05092020v2.pdf.

¹³⁵ *Armenian Diaspora Survey (ed.). Pilot Project 2018.* 152p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5cfe61b36077c90001c40a1c/1560175078643/ADS_2018_Report_06062-019.pdf; *Armenian Diaspora Public Opinion (1).* *Armenian Diaspora Sur-*

с ролью армянских партий в диаспоре. Политические организации, а в частности, «Дашнакцутюн», всегда позиционировали себя как кадровые партии, претендующие на определение основных направлений развития армянских общин. С обретением независимости Армении диаспоральные партии также включились в борьбу за власть на своей родине. Показательно, что степень влияния этих партий в Армении точно соответствовало положению дел в диаспоре, но стратегии деятельности в диаспоре уже нуждались в переосмыслении в условиях становления армянской государственности¹³⁶.

Социально-политический портрет армянских общин

Распад СССР стал важным событием не только для армян, проживающих в Армении и Нагорном Карабахе (Арцахе), но и для мирового армянства в целом. Социально-политические практики в армянских общинах нуждались в пересмотре, а становление армянской государственности позволяло диаспоре более активно включиться в этот процесс. Впоследствии возник ряд проблем, связанных с отсутствием какого-либо осознания связи между государством и диаспорой. Вместе с тем, эмиграция из Армении и стран постсоветского пространства способствовала формированию так называемой «новой диаспоры», часто формирующейся на основе принципа землячества. Кроме того, было непонятно, насколько корректно считать диаспорой армянские общины, проживающие в постсоветских республиках (юг России, Крым, Самцхе-Джавахети в Грузии). Все эти вопросы имели не только научный характер, но и конкретное значение для формулировки основных подходов политики сохранения армянской

vey 2019. 176p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc8-8a4c809d8e7540bce82/t/5f5382df75dd3715b1125b37/159930858-7911/Armenian_Diaspora_Survey_2019_results_+book_05092020v2.pdf.

¹³⁶ Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии // Ред. А. Искандарян; Caucasus Institute, Ер., 2009. С. 101.

идентичности. При этом логика развития различных групп «старой» и «новой» диаспоры отличается, так как перед старыми общинами стоит задача сохранения своего единства, а перед новыми – проблема адаптации к изменившимся социальным и политическим условиям в стране проживания¹³⁷. Кроме того, армянская диаспора проходит через новую волну преобразований и изменений, когда старый модус существования общин не отвечает реальным потребностям ее членов, а новые институциональные формы ее существования пока не возникли¹³⁸.

Тактика развития армянских общин в одном и том же государстве проживания может быть показана на данных опросов в Бостоне и Пасадене: в Бостоне ряд вопросов рассматривается с более либеральных позиций, в то время как респонденты в Пасадене находятся под влиянием пересмотра некоторых основ развития армянской общины (отношение к политике, связь с церковными организациями, сохранение идентичности). Общая ситуация показывает довольно предсказуемую картину, акцентирующую приоритет развития общины на основе сохранения культурно-конфессиональных элементов армянской идентичности. Но при очевидной значимости культурного фактора для всех, расстановка приоритетов в каждой общине отличается. К примеру, в Марселе, где присутствует значительное количество новоприбывших членов общины из Армении (после распада СССР), предпочтение отдается функционированию армянских школ (обучение армянскому языку), а в Каире, где сохраняется влияние современных партий, большое внимание уделяется политическому и религиозному воспитанию (Табл. 1).

¹³⁷ Геворкян А.В. Развитие и многообразие: «старая» и «новая» армянские диаспоры на современном этапе // Рабочие доклады. Институт Кавказа, Ер., май 2017. 19с.

¹³⁸ Акопян А.А. Проблема создания концепции взаимодействия Республики Армения и диаспоры в контексте становления стратегической культуры Армении // «Вестник Российско-Армянского университета, сер.: гуманитарные и общественные науки», 2018, № 3 (30). С. 123.

Таблица 1. Какие мероприятия необходимы в вашей местной армянской общине.

Вопрос: Какие мероприятия необходимы в вашей местной армянской общине?	Всего	Общины			
		Пасадена	Бостон	Марсель	Каир
Количество опрошенных	1926	375	524	701	326
Лекции и мероприятия, посвященные армянской истории, языку, искусству, кухне и т.д.	45	39	43	45	54
Армянские школы	38	33	35	48	26
Культурные мероприятия для детей, летние лагеря, скауты	37	33	27	39	55
Профессиональные сети	28	23	33	28	24
Библиотеки, музеи, светские учреждения	25	27	17		29
Политическая активность (лоббирование признания Геноцида или поддержка Армении)	25	21	19	31	26
Церковь и религиозные мероприятия	20	25	20	14	28
Социальные услуги	20	17	21	26	8
Сервисы знакомств или возможности встретиться с другими людьми	17	19	27	10	10
Музыка, хоры	14	12	15	13	14
Группы для танцев	14	13	16	11	15
Спорт	14	14	10	17	12
Другое	9	8	13	9	2

Источник: *Armenian Diaspora Survey (ed.). Pilot Project 2018. P. 70. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce8-2/t/5cfe61b36077c90001c40a1c/1560175078643/ADS_2018_Report_060-62019.pdf*

Такая же специфика наблюдается и в отношении к вызовам, угрожающим прочности армянской общины. Все проблемы имеют актуальное звучание в конкретных условиях, присущих той или иной стране или региону в целом. Угроза ассимиляции не становится основной проблемой, демонстрируя стремление

каждой общины сохранить устойчивые социокультурные отношения. Вместе с тем, снова демонстрируется разница приоритетов отдельных общин: если для бостонских армян приоритет состоит в том, чтобы сделать карьеру, которая является необходимостью, для прочности общины, то для армянских общин Ливана и Египта важной проблемой остаются смешанные браки (Табл. 2).

Таблица 2. Что является главным вызовом прочности армянской общины? (%)

Вопрос: Что является главным вызовом прочности армянской общины?	Всего	Общины							
		Пасадена	Бостон	Марсель	Каир	Аргентина	Монреаль	Ливан	Румыния
Количество опрошенных	4516	386	500	627	306	885	1022	546	244
Дефицит мероприятий для молодежи	37	35	35	45	48	29	39	36	30
Отсутствие сильного, дальновидного руководства в армянской общине	37	36	33	36	52	29	39	48	19
Смешанные браки	30	11	22	31	55	11	35	48	23
Угроза ассимиляции	26	28	29	34	25	21	26	27	21
Отсутствие интересных, значительных мероприятий внутри армянской общины	28	31	29	33	27	28	29	24	26
Нацеленность на построение карьеры	24	23	39	20	18	24	19	33	17

Вопрос: Что является главным вызовом прочности армянской общины?	Всего	Общины							
		Пасадена	Бостон	Марсель	Каир	Аргентина	Монреаль	Ливан	Румыния
Отсутствие возможности учиться/говорить на армянском языке	20	24	19	26	21	19	12	14	28
Отдаленность от друзей	14	17	22	15	13	12	11	9	15
Такой проблемы нет	12	13	19	12	7	17	9	4	13
Недостаток пространств армянской общины	10	14	8	13	5	12	7	9	8

Источник: *Armenian Diaspora Survey (ed.). Pilot Project 2018. 152p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5cfe61b36077c90001c40a1c/1560175078643/ADS_2018_Report_06062019.pdf; Armenian Diaspora Public Opinion (1). Armenian Diaspora Survey 2019. 176p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5f5382df75dd3715b1125b37/1599308587911/Armenian_Diaspora_Survey_2019_results_book_05092020v2.pdf*

Социальные и политические реалии страны проживания армянских общин вносят свои коррективы в ценностные установки диаспоры, определяя, таким образом, инструментарий и приоритеты сохранения армянской идентичности. Вместе с тем, жизнедеятельность армянских общин включает несколько аспектов, способствующих наслоению политической, культурной, этноконфессиональной, и даже профессиональной, идентичностей. Почти все армянские общины (кроме отдельных специфических

групп криптоармян) включены в процесс сложного «многополярного взаимодействия»¹³⁹, конструирующего отношения диаспоры и государства. Единственной *стержневой структурой*, объединяющей все армянские общины (свидетельством чему является вышеупомянутый опрос и многочисленные исследования), остается *армянская культура*. Культурный фактор является наиболее значимым для сплочения армянских общин и политически нейтральным элементом становления «диаспоральной» идентичности. Но в то же время надо понимать, что этнокультурные ценности трактуются по-разному в зависимости от конкретной армянской общины. Несмотря на это, следует также отметить роль культурного *мифа*, вокруг которого продолжает конструироваться национально-культурное самосознание, и *языка*, позволяющего минимизировать ущерб секулярных тенденций современности¹⁴⁰. Исходя из этого, возникает вопрос: какое содержание вкладывается в политическую составляющую армянской идентичности и какое место занимает Республика Армения в диапазоне «историческая родина» – современная территория армянского государства?

Данные исследования “*Armenian diaspora survey*” показывают, что определение своей национальной идентичности проводится, прежде всего, через маркеры «семья» и «армянский язык» (Табл. 3), хотя показатели по восьми регионам значительно различаются, четко выделяя «старые» и «новые» группы диаспоры. Современная армянская государственность связывается с национальной идентичностью только 13% респондентов, в то время, как культурные аспекты идентичности однозначно лидируют. Примечательно, что

¹³⁹ *Brinkerhoff J.* Diaspora policy in weakly governed arenas and the benefits of multipolar engagement: lessons from the Coptic Orthodox Church in Egypt // “*Journal of Ethnic and Migration Studies*”, 2019, vol. 45, Issue 4. PP. 561–576. Available at: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1409168>.

¹⁴⁰ *Armstrong J.* Mobilized and Proletarian Diasporas // *The American Political Science Review*, 1976, 70 (2). PP. 395–396. Available at: <https://doi.org/10.2307/1959646>.

именно марсельская группа опрошенных, в числе которых доминируют говорящие на восточноармянском языке¹⁴¹, то есть представители «новой» диаспоры, формирует свою общность, в том числе и на ассоциациях с Республикой Армения (25%). Каирская община, в свою очередь, придает большее значение фактору Геноцида (48%), пребывая в довольно специфических условиях и находясь на грани исчезновения в связи с эмиграцией из Египта¹⁴².

В этом контексте элементы конфигурации армянской идентичности выстраиваются в соответствии с внутренними и внешними особенностями армянских общин, сохраняя значительный перекос в сторону этнокультурных аспектов. **Такая тенденция присуща почти всем армянским общинам и является естественной, так как в условиях проживания в другом государстве приходится выбирать наиболее компромиссную модель политического поведения.**

Таблица 3. Каким образом вы определяете свою армянскую идентичность? (%).

Вопрос: Каким образом вы определяете свою армянскую идентичность?	Всего	Общины							
		Паса-	Бостон	Марсель	Каир	Арген-	Монре-	Ливан	Румы-
Количество опрошенных	5678	616	891	1058	416	885	1022	546	244

¹⁴¹ Armenian Diaspora Survey (ed.). Pilot Project 2018. P. 70. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5cfe61b36077c90001c40a1c/1560175078643/ADS_2018_Report_06062019.pdf

¹⁴² Rafik F. How the Armenian Community Made Egypt a Home. Egyptian streets, 08.06.2022. Available at: <https://egyptianstreets.com/2022/06/08/how-the-armenian-community-made-egypt-a-home/> (accessed 25.09.2022).

Семейная история/прошлое, семья	66	62	76	51	48	73	63	77	74
Армянский язык	50	68	38	62	73	33	80	21	26
Христианское наследие и вера	30	38	38	39	35	14	26	15	33
Признание Геноцида	29	30	26	42	48	32	24	22	10
Уровень активности в армянской общине	32	31	45	27	33	27	26	24	42
Армянская кухня, танцы, музыка	38%	35%	42%	28%	24%	51%	47%	44%	35%
Гордость за армянскую историю	26	26	30	37	28	23	26	20	19
Тесные семейные связи	15	22	26	20	15	11	13	6	6
Республика Армения – тесные отношения со страной и людьми	13	15	14	25	17	7	11	8	7
Связь с исторической Арменией	11	12	14	18	18	7	8	6	2
ДНК/кровь/генетическая связь	17	18	18	16	4	36	18	0	29

Источник: *Armenian Diaspora Survey (ed.). Pilot Project 2018. 152 p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5cfe61b36077c90001c40a1c/1560175078643/ADS_2018_Report_-06062019.pdf; Armenian Diaspora Public Opinion (1). Armenian Diaspora Survey 2019. 176p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5f5382df75dd3715b1125b37/1599308587911-/Armenian_Diaspora_Survey_2019_results_+book_05092020v2.pdf*

Результаты экспертного опроса¹⁴³ показывают, что специалисты и практики также затрудняются определить унифицирующий элемент *общеармянской идентичности*, объединяющий армян Армении и Диаспоры. Наравне с общепризнанными маркерами идентичности в виде общих языка, религии и культуры, отмечаются серьезные различия между армянскими общинами мира. С одной стороны, подходы некоторых экспертов можно назвать «деонтологическими», направленными, скорее, на будущее взаимодействие «Армения-Диаспора», где человек, идентифицирующий себя как армянин, должен «быть полезным армянству» или его деятельность должна способствовать развитию армянского государства. Другие эксперты настроены более пессимистично, признавая единственным элементом, связывающим армянство, факт «постгеноцидного отчаяния вымирающей нации и горделивого осознания: мы выжившие, и нас не так просто уничтожить». Или, вообще отрицая общность армян Диаспоры и Армении в вопросе возможности выработки общих интересов, из-за чего между Диаспорой и армянским государством возникает ситуация постоянного недопонимания. Во всяком случае, для многих экспертов общеармянская идентичность остается «потенциально актуализируемой сущностью», несводимой к одному или нескольким объединяющим элементам.

Армянская государственность как элемент национальной идентичности

Понятие «государство» в контексте выстраивания идентичности армянских диаспоральных общин никогда не представляло

¹⁴³ Опрос проведен в июне – августе 2021г. среди 12 экспертов из Республики Армении. Эксперты отбирались по принципу наибольшей авторитетности, компетентности и вовлеченности в академическую и управленческую деятельность, связанную с тематикой исследования. В пул экспертов вошли представители трех категорий: академические ученые, специалисты-практики государственной службы, представители гражданского общества.

собой целостного понимания какого-либо территориально-политического образования. Первая Армянская республика (1918–1920гг.), которую некоторые ее диаспоральные лидеры называли «Арагатской республикой», сформировавшаяся на небольшой территории в северо-восточной части исторической Армении, не была воспринята как общеармянское государство. Советская Армения была чуждой для отдельных общин диаспоры, а независимая республика не смогла выработать эффективного механизма связи с диаспорой. В психологии армянских общин оставались воспоминания о стране, об «Эргире» («*Էրգիր*»), из которой предки представителей армянской диаспоры были изгнаны. Здесь нет понятия «государство», но есть понятие «страна», территория, обладающая признаками исконного местожительства армянского этноса, и территория, где был произведен геноцид и откуда произошел исход. Именно поэтому «Западная Армения» и «Восточная Армения» в маркировке армянской идентичности имеют различную эмоциональную нагрузку, несмотря на бедствия в начале XXв. в обеих частях исторической Армении. Таким образом, нужно понимать, что диаспора, сформировавшаяся после Геноцида 1915г., не сохранила памяти о государственности, а политическая идентичность Советской Армении конструировалась совсем по-иному.

Такое «раздвоение» национальной идентичности происходит также от восприятия определенной территории как родины (*homeland*). В этом контексте полицентричность диаспоральной (и, в целом, армянской) идентичности проявляется наиболее выпукло, так как представления о родине нельзя сводить только к **памяти о месте исхода**. Такое допущение может быть связано, прежде всего, с поэтапным развитием армянской диаспоры, обозначенного двумя основными понятиями (в терминологии известного американского исследователя армянской диаспоры Х. Тойлойляна – изгнаннический национализм (*exilic nationalism*) и

диаспоральный транснационализм (*diasporal transnationalism*)¹⁴⁴. Изгнаннический национализм может рассматриваться в контексте формирования первых попыток осознания диаспоры в качестве единого национального (а не только этноконфессионального) сообщества, которое сохранило память об исторической Армении. В этом случае осознание представителями диаспоры принадлежности к армянской нации основывалось на реальной памяти о доме (исторической родине). Но параллельно росту армянских общин за рубежом возрастала физическая и ценностная дистанция от исторической Армении, а потом и армянского государства.

Диаспоральный транснационализм более ярко продемонстрировал закрепление основных элементов самосознания армянских общин. Это не означает, что национальное самосознание стало однородным во всей диаспоре, но этнокультурная идентичность на уровне отдельных общин оказалась более устойчивой. Вместе с тем, данный тезис подтверждает некорректность использования понятия «глобальная нация», так как единообразия армянской национальной идентичности не существует, а «армянский транснационализм» формируется на основе ценностей Республики Армения, Республики Арцах (Нагорно-Карабахская Республика) и различных общин диаспоры, которые отличаются с точки зрения территориального расположения, статуса, мобильности и других факторов¹⁴⁵.

Выделение этих двух этапов развития армянской диаспоры показывает некоторую тенденцию, которая способствовала постепенному размыванию понятия «родина» (*homeland*), так как многие представители диаспоры стали идентифицировать себя

¹⁴⁴ Tölölyan K. Beyond the homeland: From exilic nationalism to diasporic transnationalism. In: The Call of the Homeland. 2010. PP. 27–45. Available at: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004182103.i-402.16>.

¹⁴⁵ Tölölyan K. Beyond the homeland: From exilic nationalism to diasporic transnationalism. In: The Call of the Homeland. 2010. PP. 33–37. Available at: <https://doi.org/10.1163/ej.9789004182103.i-402.16>.

как с реальным местом рождения или проживания, так и с «виртуальным» образом исторической родины, которая в перспективе стала ассоциироваться с Республикой Армения, хотя и с некоторыми оговорками (Табл. 4). В исследовании 2019г. на вопрос о связи географического места и идентичности только 12% упомянуло Республику Армения, в то время как 30% респондентов назвали топонимы Западной Армении (ныне: Восточная Турция)¹⁴⁶.

Таблица 4. Что из названного вы считаете своей родиной? (%)

Вопрос: Что из названного вы считаете своей родиной?	Всего	Общины			
		Пасадена	Бостон	Марсель	Каир
Количество опрошенных	1088	261	420	194	213
Место рождения	62	46	69	69	65
Республика Армения	44	43	38	66	41
Место проживания	38	38	43	28	36
Место рождения предков	28	24	34	27	24
Место рождения родителей	15	14	14	21	12
Идея родины не важна	4	5	5	3	3
Другое место	4	5	4	2	3

Источник: *Armenian Diaspora Survey (ed.). Pilot Project 2018. 152p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce8-2/t/5cfe61b36077c90001c40a1c/1560175078643/ADS_2018_Report_0606-2019.pdf (accessed 25.09.2022).*

Еще одним важным индикатором в оценке уровня социально-политического сознания армянских общин диаспоры является желание вернуться на «историческую родину». Ответ и на этот вопрос зависит от ряда факторов, определяющихся частотой контактов с Республикой Армения, наличием определенного знания о социально-политическом положении страны, связями с местной армянской общиной, верой в «миф о первоначальной роди-

¹⁴⁶ Armenian Diaspora Public Opinion (1). Armenian Diaspora Survey 2019. 176 p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5f5382df75dd3715b1125b37/1599308587911/Armenian_Diaspora_Survey_2019_results_+book_05092020v2.pdf (accessed 25.09.2022).

не». В опросе армянских общин Пасадены, Бостона, Каира, Марселя, Монреалья, Ливана, Аргентины и Румынии **47%** от общего числа респондентов не выразили желания жить в Армении, в то же время лишь **5%** опрошенных заявили о скорых планах переехать в Армению, а остальные связали свой ответ с улучшением условий в республике¹⁴⁷.

Здесь нет каких-либо противоречий, так как Республика Армения для диаспоры является, прежде всего, символом, физически существующим воспоминанием о «первоначальной родине». Фактор наличия собственной государственности выполняет скорее функцию «эмоциональной поддержки», определяющей принадлежность к единой нации, но не способствующей однозначному возвращению на родину. Данное обстоятельство фактически придает населению Республики Армения статус очередной общины в глобальной «транснации». Исходя из этого, углубление связей между армянской государственностью и диаспорой непосредственно связано с расстановкой ролей и функций государственных и диаспоральных акторов. После обретения Республикой Армения независимости данный вопрос все еще нуждается в значительной корректировке.

Республика Армения в восприятии диаспоры

Американский исследователь Д. Фитанте, опираясь на интервью с армянскими репатриантами из Северной Америки, выделяет категории «строителей» и «брендеров» (*branders*), избирающих для себя особую модель «миссионерского» поведения с целью преобразования армянского общества и государства. При

¹⁴⁷ Armenian Diaspora Survey (ed.). Pilot Project 2018. 152p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5cf61b36077c90001c40a1c/1560175078643/ADS_2018_Report_06062-019.pdf; Armenian Diaspora Public Opinion (1). Armenian Diaspora Survey 2019. 176p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5f5382df75dd3715b1125b37/1599308587911/Armenian_Diaspora_Survey_2019_results_book_05092020v2.pdf

этом логика действий репатриантов исходит из двух общих предпосылок: 1) Республика Армения воспринимается как развивающееся государство, нуждающееся в освобождении от «ценностей тоталитарного прошлого», чему могут помочь прогрессивные взгляды представителей диаспоры (миссия «строителей»); 2) Образ Армении в диаспоре изначально негативный по ряду причин, поэтому необходимо создать позитивный имидж армянского государства, лишенный негативных коннотаций (миссия «брендеров»). Одновременно с этим, исследователь наблюдает отказ от выстраивания устойчивых отношений с местными армянами, ценностная база которых кардинально отличается от взглядов представителей диаспоры. Подобная ситуация описывается как парадокс «связи без вовлечения» (*Connection without Engagement*)¹⁴⁸, поскольку репатрианты, проживая в Армении, часто формируют свой круг общения из таких же выходцев из диаспоры. Исходя из этого, возникает проблема интеграции репатриантов в армянское общество, а, вместе с тем, идеальный образ армянского государства в диаспоре сталкивается с политической реальностью, углубляя эффект несоответствия социально-политических ожиданий и действительности.

Другой важной проблемой является амбивалентность диаспоральной идентичности, одновременно включающей различные уровни принадлежности. Как результат, многие репатрианты, проживающие долгое время в Армении, могут совмещать «армянскую» и «диаспоральную» идентичности, воспринимая в качестве родины территорию Республики Армении и прошлое место проживания. Примечательно, что такое наложение идентичностей может способствовать как углублению отчужденности

¹⁴⁸ Fittante D. Connection without Engagement: The Paradoxes of North American Armenian Return Migration. *Diaspora // A Journal of Transnational Studies*. 2017, vol. 19, issue 2–3. PP. 155–163. Available at: <https://doi.org/10.3138/diaspora.19.2–3.147>.

новоприбывших представителей диаспоры, так и формированию космополитичной идентичности¹⁴⁹.

Фактор родины в символическом портрете армянской идентичности важен не только с точки зрения сохранения связи «Армения-Диаспора», но и в вопросе формирования особой политической идентичности, выстроенной вокруг армянской государственности. Представленные выше примеры показывали, прежде всего, ситуацию диаспорального самосознания вне постсоветского пространства, но большая часть армянства также проживает в бывших союзных республиках СССР, где менталитет и политические традиции не очень отличаются от социально-политических практик в Армении. Следует оговориться, что сохранение армянской национальной идентичности на постсоветском пространстве в общих чертах соответствует общедиаспоральным тенденциям, но армянские общины в постсоветских республиках развиваются на стыке трех сегментов: общин, существующих несколько сотен лет (юг России, регион Самцхе-Джавахети в Грузии); сообществ, сформированных в советское время; новых групп, эмигрировавших из Армении в постсоветский период.

Очевидно, что идентичность постсоветских армянских общин также амбивалентна, хотя пребывание в едином государстве до недавнего времени способствовало сохранению общей ценностной базы, но и в этом случае ценностное дистанцирование неизбежно, поскольку происходит смена поколений диаспоры, и механизмы сохранения национальной идентичности меняются. Вместе с тем, наблюдаются новые тенденции в развитии постсоветских стран, нацеленных на формирование общей гражданской

¹⁴⁹ Karageozian N. Dreaming of the Mountain, Longing for the Sea, Living with Floating Roots: Diasporic 'Return' Migration in Post-Soviet Armenia. In: *Diasporas Reimagined: Spaces, Practices and Belonging*. Sigona N., Gamlen A., Liberatore G., and Kringelbach H.N. (eds.). Oxford: Oxford Diasporas Programme. 2015. PP. 69–73. Available at: https://www.compas.ox.ac.uk/wp-content/uploads/Diasporas_reimagined_Spaces_practices_an.pdf

идентичности. В этом смысле создаются благоприятные условия для интеграции армян России в российское общество, а не обособления в отдельных группах. Исследования показывают, что 55% армян, родившихся в России, считают эту страну своей родиной, в то время, как более 47% новоприбывших армян считают таковой Армению. Примечательно, что 30% респондентов из каждой группы обозначают своей родиной Советский Союз¹⁵⁰. Близость культуры и общая история благоприятно влияет на интеграцию армян в российское общество, но, с другой стороны, просматривается общая тенденция ассимиляции новых поколений армян, не владеющих армянским языком и идентифицирующих себя с российским государством, хотя отдельным регионам (Москва, Ростов-на-Дону, Краснодар) присуща различная динамика.

Модели взаимодействия Армения-диаспора

Политический срез взаимодействия «Диаспора-Армения» всегда представлял из себя клубок противоречий, который включал конфликты на локальном (внутри общин) и глобальном (корректировка отношений с новосозданной республикой) уровнях. С первых лет независимости Третьей Армянской республики конфликт интересов диаспоры и армянской власти наметился на фоне больших политических амбиций партии «Дашнакцутюн» и руководства РА во главе с Левоном Тер-Петросяном. Проблема заключалась в том, что Л. Тер-Петросян считал, что с обретением независимости деятельность диаспоральных партий должна быть пересмотрена и единственным местом политической жизни

¹⁵⁰ Российские армяне. Этносоциологическое исследование. Ер.: Изд-во «Гитутюн», 2016, 216с.

должна стать Республика Армения¹⁵¹. К тому же, конфликт власти с партией «Дашнакцутюн» и ее дальнейший запрет в 1994г. привел к напряженности в отношениях с некоторыми общинами диаспоры, хотя партии «Рамкавар-Азатакан» или «Гнчакян» продемонстрировали более лояльный подход.

Говоря о периоде становления отношений между Республикой Армения и диаспорой стоит выделить несколько идеологических вопросов, которые были связаны с выработкой единой повестки и согласования политики. Если изначально Л. Тер-Петросян пытался использовать потенциал диаспоры во внутренней и внешней политике, формируя повестку на основе интересов Армении как независимого государства, то в дальнейшем пришлось учитывать идеологические предпочтения различных групп в диаспоре. Подобно «сообщающимся сосудам» повестка дня отношений «Армения-Диаспора» состояла из вопросов признания Геноцида, урегулирования Карабахского конфликта и восстановления армяно-турецких отношений. Иными словами, любая попытка улучшения отношений с Турцией воспринималась в диаспоре довольно болезненно (хотя истоки внешней политики независимой республики отчасти формировались на основе рекомендаций выходцев из диаспоры: к примеру, советник президента РА в 1991–1994гг. Ж. Липаритян), поскольку Геноцид армян в Османской империи был и остается одним из важнейших элементов идентичности армянской диаспоры.

Отдельно стоит отметить роль партии «Дашнакцутюн», которая стояла на максималистских позициях как в вопросе признания Геноцида армян – одной из центральных тем внешней политики Армении, – так и подходов к урегулированию Карабахского

¹⁵¹ Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии / Ред. А. Искандарян; Caucasus Institute, Ер., 2009. 207с.

конфликта¹⁵². Позиция первого президента Л. Тер-Петросяна заключалась в том, чтобы избежать идеологического влияния диаспоры на принятие политических решений, придерживаясь более прагматичной политики, поэтому вопрос признания геноцида виделся как прерогатива диаспоры. Кроме того, вокруг проблемы урегулирования Карабахского конфликта также не было консенсуса, поскольку Тер-Петросян был готов к решению конфликта на основе уступок, а партия «Дашнакцутюн», уже заняв бескомпромиссную позицию на политическом поле Армении и Арцаха, настаивала на сохранении статуса-кво. Отметим при этом, что подобная позиция была присуща не всей армянской диаспоре, но дальнейший дискурс привел к сближению смыслового содержания проблем признания геноцида и карабахского урегулирования, так как последствия уступчивости армянской стороны приравнивались к продолжению геноцида армянского населения в регионе.

Основная проблема таких отношений заключалась в выборе субъекта принятия решений: отдельные партии в диаспоре склонялись к пониманию необходимости серьезного влияния на территории Армении и Арцаха, а руководство РА пыталось централизовать усилия всего армянства вокруг актуальных интересов армянского государства. Эта тенденция проявлялась из-за отсутствия взаимопонимания относительно текущей ситуации в республике и необходимости построения горизонтального взаимодействия, что повлияло бы на формат отношений «Армения-Диаспора» при всех лидерах Армении. Показательно, что совет попечителей всearмянского фонда «Айастан», созданного в 1992г. для поддержки развития независимой республики, включал представителей РА, НКР, ААЦ, Киликийского католикосата,

¹⁵² *Tölölyan K.* The Armenian Diaspora and the Karabagh Conflict since 1988. *Diasporas in Conflict: Peace Makers or Peace Wreckers?* Hazel Smith and Paul Stares, eds. Tokyo, New York: United Nations University Press. 2007. PP. 106–128. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/601876>.

AGBU, партий «Гнчак», «Рамкавар», «Дашнакцутюн», Армянской Католической и Евангелистской церквей и других организаций диаспоры. Несмотря на борьбу между президентом Тер-Петросяном и «Дашнакцутюн», а также запрет этой политической силы в 1994г., попечители данной партии и ассоциированных с ней организаций сохранили свои места в фонде, хотя наименование «Дашнакцутюн» было убрано¹⁵³.

С другой стороны, примечательно стремление первого президента Армении преодолеть раскол Армянской церкви, предложив кандидатуру Киликийского католикоса Гарегина II (будущий Католикос всех армян Гарегина I) после смерти Католикоса Вазгена I, то есть была заметна попытка включить идею армянского государства и ее приоритетность в политическую жизнь диаспоры. Но дальнейшие события и отсутствие консенсуса по ряду вопросов внутри политической элиты Армении привели к поиску новых форматов отношений «Армения-Диаспора».

Промежуточный консенсус по ряду вопросов был найден при втором президенте РА – Роберте Кочаряне, когда максималистская позиция по Карабахскому вопросу стала приемлемой для армянского руководства, а снятие запрета деятельности «Дашнакцутюн» показало солидарность диаспоры и Республики Армения. Примирение символического образа диаспоры (признание Геноцида) и независимости республики (Карабахский конфликт), приход к единому пониманию борьбы за существование как на исторической родине, так и за ее пределами, способствовало сближению армянского государства и общин диаспоры с последующей возможностью использовать ресурсы армянских общин в становлении государственности.

Институционально отношения «Армения-Диаспора» начали оформляться с 1999г., когда был проведен первый форум «Арме-

¹⁵³ Հայրենիք-Միություն հարաբերությունները. 1918 թվականից մինչև մեր օրերը: Եր., ԵՊՀ հրատ., 2017, էջ 175:

ния-Диаспора», создана специальная правительственная комиссия по вопросам Диаспоры. Однако широкий круг обсуждаемых проблем и сложность согласования интересов Армении и отдельных армянских общин способствовали формализации всего процесса. В 2008г. было создано Министерство Диаспоры, которое координировало деятельность по связям с диаспорой. Фактически сформировались две модели взаимодействия «Армения-Диаспора»: «единое усилие» и «единая повестка» – то есть первая модель была направлена на достижение определенной цели, где главная роль принадлежала армянскому государству, вторая – созданию единых кратко- или среднесрочных задач, реализуемых на разных площадках, и вне зависимости друг от друга¹⁵⁴.

Логика вышеупомянутых обстоятельств исходила из большой разницы подходов политических элит Армении и армянских общин диаспоры, так как отсутствие общего видения развития армянской нации и неспособность сформулировать данную концепцию со стороны армянского руководства приводило к разрозненным действиям как в связях с диаспорой, так и внутри ее. Довольно убедительным показателем является объем помощи со стороны диаспоры через фонд «Айастан» (Рис. 1), где демонстрируется спад заинтересованности в поддержке Армении со стороны диаспоры. Данная тенденция была подтверждена в период Второй Арцахской войны, она показала довольно большую активность армян диаспоры в проведении различных акций протеста, но не послужила основой для систематизированной помощи со стороны армянских общин (Рис. 2).

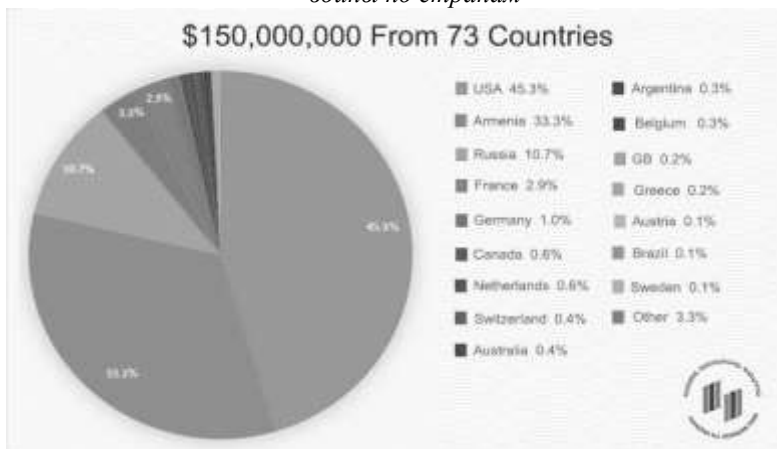
¹⁵⁴ Միմափորյան Ա., Հովյան Վ. Հայրենիք-սփյուռք համագործակցության մոդելները: Եր. «Նորավանք» ԳԿՀ, 2018. Էջ. 16–17:

Рисунок 1. Объемы собранных средств по итогам ежегодного телемарафона Всеармянского фонда «Армения», млн. долл.

Источник: <https://www.himnadram.org/en/events>

Рисунок 2. Объем собранных средств во время Второй Арцахской войны по странам

Источник:

<https://www.facebook.com/harshamyany/posts/10158274021034713>

В свою очередь, в инвестициях нуждается не только Республика Армения, но и армянские диаспоральные общины. По причине недостаточного финансирования и сокращения количества учеников закрываются школы в крупных армянских общинах

(школа «Овакимян-Манукян» в Бейруте и Сирии, средняя школа «Кентронакан» в Стамбуле). Необходимо создавать новые диаспоральные учреждения и связи не только на уровне «община-община», но также на уровне «Армения-община»¹⁵⁵. Вместе с тем, основной сферой поддержки со стороны Армении в армянских общинах представляется культура, включающая обеспечение информацией об Армении, поддержки образовательных программ и предоставления информации (Табл. 6).

Таблица 6. Какими способами Республика Армения могла бы поддержать вашу местную общину? (%)

Вопрос: Какими способами Республика Армения могла бы поддержать вашу местную общину?	Всего	Общины			
		Аргентина	Канада	Ливан	Румыния
Количество опрошенных	2697	885	1022	546	244
Обеспечение поддержкой и информацией людей, желающих посетить Армению. Поддержка туризма	47	49	45	40	62
Организация культурных программ в общине	42	45	37	44	46
Помощь в разработке программ подготовки учителей	34	49	31	23	21
Обеспечение поддержкой и информацией в сфере образования и программ досуга в Армении	32	35	32	30	23
Помощь школам учебниками армянского языка	26	28	29	21	21
Армения должна заботиться о себе	10	5	17	8	7

¹⁵⁵ Акопян А.А. Проблема создания концепции взаимодействия Республики Армения и диаспоры в контексте становления стратегической культуры Армении // «Вестник Российско-Армянского университета, сер.: гуманитарные и общественные науки», 2018, № 3 (30). СС. 121–131.

Источник: *Armenian Diaspora Survey 2019*. 176p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5f5382df75dd3715b1125b37/1599308587911/Armenian_Diaspora_Survey_2019_results_book_05092020v2.pdf

Большой массив данных о различных армянских общинах и будущем армянской диаспоры, в целом, заставляет искать новые пути координации и согласования интересов этих групп посредством армянского государства, которое могло бы сформулировать некоторую единую повестку и организовать более эффективное использование ресурсов. Однако фрагментарные мероприятия не приводят к реализации данной цели, так как отсутствует стратегия действий. Та же концепция сетевого взаимодействия с диаспорой и выходом на улучшение имиджа Армении за рубежом посредством институционализации культурной дипломатии остается утопическим проектом без серьезной поддержки государства¹⁵⁶. В свою очередь, правительство РА так и не смогло выработать действующую модель отношений с диаспорой, сосредоточившись на идеологическом консенсусе вокруг отдельных широких тем, но не вдаваясь в более детальный план развития всего армянства в будущем.

¹⁵⁶ Дунамалян Н.А. Институциональные основы культурной дипломатии Армении // «Вестник Российско-Армянского университета, сер.: гуманитарные и общественные науки», 2018, № 2 (29). СС. 34–37.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЭКСПЕРТНОГО ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ)

Глава VII. Восприятие гражданской идентичности в Армении экспертным сообществом (гайд и обзор ответов глубинного интервью)¹⁵⁷

Гайд глубинного интервью

Методологический блок

1. Сегодня мир становится все сложнее, усложняется общество, человек играет все больше социальных ролей и оказывается связан с большим количеством людей и сообществ. Какая, по вашему мнению, идентичность – осознание принадлежности к той или иной группе – становится самой сильной с точки зрения эмоциональной связи и возможностей мобилизации: социальная, культурная, политическая, этническая, религиозная или иная?

2. В современном обществе много споров о том, можно ли чувствовать себя гражданином, но при этом не поддерживать текущий политический режим, Конституцию, институты и нормы? Обязательно ли гражданственность связана с государственностью? Как, на ваш взгляд, соотносится гражданская идентичность и лояльность государству и политическим институтам?

3. Возможно ли, по вашему мнению, во избежание излишней сложности и терминологической путаницы отождествлять «государственную», «национальную» и «гражданскую» идентичности? Говорим ли мы в этом случае примерно об одном и том же, или это принципиально разные вещи?

¹⁵⁷ В организации и проведении опроса участвовали Н.А. Дунамалян, И.А. Карамян, Т.А. Оганесян, О.Л. Саркисян.

4. Возможно ли, по вашему мнению, «стихийное» становление гражданской идентичности на основе общей истории, исторической памяти, языка, культуры и ценностного единства общества без целенаправленной политики государства по ее формированию (символической политики)? Могут ли альтернативные политические субъекты формировать гражданскую идентичность?

Блок «Общие тенденции на постсоветском пространстве»

5. По вашему мнению, сегодня в постсоветских республиках мы наблюдаем однотипные постсоветские идентичности, имеющие в основе общий советский базис или они все совершенно особые, обусловленные своей предшествующей историей и культурой? Или же обращение к истории формируется как реакция на распад общей советской идентичности?

Блок «Операционализация»

6. Употребление терминов, исходно отражающих реалии западного общества, приводит к определенным искажениям в интерпретации. Насколько, по вашему мнению, применимы западные теории и концепты к исследованиям постсоветских реалий? Или нам следует искать иные категории, методы и подходы? Какие из концептов вам кажутся наиболее проблемными в этом отношении?

7. Какое из следующих понятий, по вашему мнению, наиболее близко к описанию понятия «гражданская идентичность» (оцените каждую строку от одного до пяти, где 5 – очень близко, 1 – совершенно не имеет отношения):

- Участие в выборах;
- Участие в протестных акциях;
- Поддержка текущего политического курса;
- Уровень доверия общественным и политическим институтам;
- Заинтересованность в политике на основании публикаций в соцсетях;

- Критика властей;
- Любовь к родине;
- Гражданство государства;
- Знание языка и культуры государства;
- Участие в работе муниципальной власти или органов местного самоуправления;
- Высшее образование;
- Высокий имущественный ценз;
- Уплата налогов;
- Другое _____.

8. Все больше заметно, как религиозные институты начинают осуществлять функции объединяющих институтов упрочения государства, и доминирует тренд на их становление как национальных (привязанных к конкретному государству). Каково, на ваш взгляд, влияние церкви или иной религиозной организации на становление гражданской идентичности в странах постсоветского пространства? Способствует или препятствует она развитию гражданской идентичности?

«Национальный» блок

9. Как бы вы описали символический портрет армянской идентичности? Назовите природные объекты, культурные артефакты, образы, исторические события, личности или праздники, которые, по вашему мнению, отражают этот образ лично для вас.

10. Что бы вы отнесли к понятию «гражданственности» в реалиях армянской национальной идентичности? Могли бы вы привести примеры?

11. Является ли трансформация традиционной (этнокультурной) модели армянской идентичности условием для развития гражданской идентичности (гражданской культуры).

12. Насколько фактор борьбы за Арцах (и победа в Первой Арцахской войне) воздействовали на трансформацию идентичности в годы независимости? Могут ли последствия Второй Арцахской войны стать одним из определяющих факторов развития гражданской идентичности?

13. Каково соотношение идентичности армянства в Республике Армения и в Диаспоре? Насколько едина (унифицирована) общеармянская идентичность? Каковы наиболее унифицированные факторы этой идентичности?

Вопрос 1. Сегодня мир становится все сложнее, усложняется общество, человек играет все больше социальных ролей и оказывается связан с большим количеством людей и сообществ. Какая, по вашему мнению, идентичность – осознание принадлежности к той или иной группе – становится самой сильной с точки зрения эмоциональной связи и возможностей мобилизации: социальная, культурная, политическая, этническая, религиозная или иная?

Эксперт 1. «Идентичность человека можно представить в качестве наслоений или «мрамора» с переплетенными элементами. Нам более близок социально-культурный слой идентичности (семья, ее среда, родственники), который влияет на политическую реальность. Будучи из марза (региона), я сам видел, как это работает: во время предвыборных кампаний в регионах политические лидеры пытаются найти глав семейств, чтобы те повлияли на остальных членов рода. Это не клановое взаимодействие, так как в этом случае было бы более активное участие его представителей в политике, хотя и бывает такое, когда представители одного и того же рода пытаются в различных общинах, поддерживая друг друга и используя родственные связи, овладеть властью.

Эта явление искажает саму суть демократии, поэтому во внутриармянских политических процессах большую роль играет именно эта социокультурная среда (родственность, семейные

связи, дружба). В каком-то смысле, здесь можно отметить и рабочую среду (угроза потери работы).

С другой стороны, гражданская идентичность менее развита, чем этнокультурная идентичность. У нас больше развита этническая самоидентификация, что само по себе не плохо, но, к сожалению, гражданское сознание несравнимо менее развито и слабо проявляется в публичной политике. Главным основанием для этого является отсутствие осознания наличия собственной государственности, так как гражданское сознание без идеи государства невозможно. Во внешних связях этническая идентичность также играет большую роль: учитывается фактор диаспоры, где люди, имеющие гражданство другой страны, лоббируют интересы Армении, исходя из этнической идентификации.

Проблема в том, что гражданское общество, как некоторое сообщество, не консолидировано, но даже при разговоре с молодым поколением есть большие проблемы с гражданской идентичностью. Да, как армяне, они осознают свою принадлежность, но, как граждане Республики Армения (как строится связь между государством и обществом, а также гражданственность), они не представляют. Наверное, им в реальной жизни принципы гражданственности не нужны».

Эксперт 2. «Я бы не стала проводить столь жесткую демаркацию: в реальной жизни происходит своеобразная диффузия типов идентичности, и, скажем, для армян этническая и религиозная идентичность подчас воспринимаются как взаимообуславливающие. Упрощение не всегда означает ясность. Для меня самые сильные эмоциональные связи и мобилизационный потенциал связаны с культурной и социальной идентичностью. Но разве они возможны вне этнического контекста?»

Эксперт 3. «Я не думаю, что мы можем взять и обобщить идентичность. Особенно, если мы берем конкретное государство, то в нем должен быть единый стержень, вокруг которого собирается или происходит консолидация идентичности. Если, например, мы говорим об Армении, об армянах, то это, конечно, некая

самобытная армянская культура, язык, религия. В значительной степени это, конечно, проблемы признания Геноцида, которые формируют нашу личность (не знаю, к счастью или сожалению), вопрос Арцаха, конечно, и история.

Давайте тогда определим, что мы имеем в виду, говоря “гражданская идентичность”, и что мы имеем в виду, говоря “культурная”. Если мы говорим о “национальной идентичности”, то национальная идентичность армян в Армении – это некий гибрид компонентов культурных и, скажем так, “некультурных”, то есть гражданских или государственных. Все это составляет общую идентичность. Мы не можем сказать, что только проблемы, связанные с социумом или с государством, являются определяющими. Нет. И религия, и государство взаимосвязаны.

Мы не можем сравнивать США и Армению, потому что США – мультинациональное государство, и поэтому конструкторы американской идентичности хорошо понимали, что нельзя взять лишь один этнический компонент за основу. В нашем случае, поскольку у нас моноэтническое общество, то есть был исторический длительный процесс формирования армянской нации и т.д., то, с этой точки зрения, у нас нет этой проблемы. И очень возможно даже, что у нас на государственном уровне не ставится проблема конструирования государственной нации, к сожалению».

Эксперт 4. «Если мы говорим о армянской действительности, то это – социокультурное. Когда люди говорят о том, что они армяне, то они имеют в виду не то, что они граждане того или другого государства, а не свою этническую принадлежность. Понимается она по-разному: то есть иногда это бывает форма примордиальной принадлежности по рождению, но, чаще всего, имеется в виду чисто этнокультурная принадлежность к нации (не в английском смысле этого слова, а в русском – культурной группы). Она наиболее способна к мобилизации в разных вариантах, т.е. у нее достаточно проработаны культурные формы мобилизации людей армянской этнической принадлежности.

Она транснациональна, работает в разных странах. Армяне привыкли считать «своими» людей, принадлежащих к этой культурной группе – вне зависимости от места проживания. Аргентинский армянин, который ни слова по-армянски не знает и в церкви появляется два раза в год, а политически ощущает себя армянином только 24 апреля, считается «своим». Просто не по признакам этнокультурной идентичности (их у него может не быть), а по признаку демонстрации этой принадлежности. И это – наиболее сильный способ самоидентификации».

Эксперт 5. «К сожалению, более первичной в Армении стала политическая идентичность, даже в отношениях межличностной принадлежности к той или иной политической группе, и самоидентификация с ней влияет и на восприятие действительности, и на некоторые социальные отношения.

Если говорить об армянской нации, в целом, то, наверное, принадлежность к Армянской апостольской церкви. Если мы рассматриваем не только армян Армении, но и вообще, мы себя идентифицируем через религию, язык, фактор Геноцида (у некоторых групп), то есть некое осознание совершенного в прошлом политического акта в отношении этого народа. К сожалению, в элементе идентичности армянства отсутствует элемент государственности. Мы причисляем себя к группе, стержнем которой является не армянское государство, а, скорее, некоторые эмоциональные элементы».

Эксперт 6. «У нас наиболее значимой является социальная идентичность. Хотя важно принимать во внимание условия, которые ведут к консолидации на основе социальной идентичности. Вторым слоем идентичности можно назвать “религиозный”, который служит не столько консолидирующей, сколько отделяющей принадлежностью, то есть разделения на “мы” и “они” (главным образом, имею в виду различие христиан от мусульман). Если даже брать различие между армянами-католиками и армянами-григорианцами, то различие в общественном сознании не

такое явное, кроме отношений людей с глубокой религиозностью, но восприятие мусульман в этом контексте более строгое (к примеру, в вопросе межрелигиозных браков).

Важной является также этническая идентичность, так как мы себя очень глубоко считаем армянами. У нас есть глубокое отличие от других этносов».

Эксперт 7. «В условиях глобализации, интеграционных процессов активизируется иммиграция, естественно. Особенно, исходя из социально-экономических условий, представители той или иной этнической группы даже из своего национального государства выезжают на заработки. Мы знаем, что этот процесс активно происходил на постсоветском пространстве сразу после распада Советского Союза, и армяне не составляют исключения, многочисленные потоки рабочих мигрантов из Армении направлялись, в первую очередь, на постсоветское пространство и, главным образом, в Россию. Естественно, приходя в новую общность, возникали проблемы интеграционного характера, появлялись ассимиляционные риски. Долгое время проживая на новой территории, они должны приобщаться к этому окружению, а это значит: свободное владение языком, как минимум, традиций, обычаев, и постепенно это укореняется. В этом отношении идентичность играет важную роль, отмеченные пласты идентичности, как правило, в чистом виде не встречаются. Это – синтез нескольких параметров, где можно выделить этно-религиозный. Как мы знаем, армяне – приверженцы Апостольской веры. Наша Апостольская церковь – одна из главных столпов нашей идентичности. Мы считаем нашу Церковь “национальной”. Мы не в чистом виде приняли христианство, подогнав под наши устои, сохранив некоторые языческие праздники. Говоря об идентичности армян России, здесь важную роль играют не только наши традиции, приверженные к нашим историческим корням, но и религия. Армянская семья также является одним из важнейших столпов нашей идентичности. Ребенок воспитывается в семье, где ему

прививаются важные атрибуты, элементы идентичности. Но Россия – интересная страна, которая со своей многоконфессиональностью и полиэтничностью стала домом для многих народов, которые живут по соседству. При наличии межэтнических конфликтов, в рамках определенных территорий постсоветского пространства, даже представители этих этносов могут абстрагироваться от этого конфликта, и между ними могут происходить процессы сосуществования. В этом и заключается особенность России. С одной стороны, создана возможность выражения этой идентичности, а, с другой стороны, существует некий единый пласт, который диктует всем свои правила игры на этой территории. Здесь гоняться за национализмом никому не разрешено, поэтому здесь (на территории РФ) существует взаимопонимание на этих условиях».

Эксперт 8. «Я думаю, что принадлежность к той или иной группе определяется культурной идентичностью. Потому что, если люди имеют одинаковые подходы к каким-то одинаковым фундаментальным вопросам, которые определяют общечеловеческую культуру, в этом случае они думают одинаково, похожи друг на друга; ни цвет кожи, ни религия, ни национальность не имеют в этом контексте значения. У меня был студент араб, который был, к тому же, и еще суннитом, но этот парень был абсолютно похож на меня, потому что у нас была некая общая идентичность с точки зрения человеческой морали, норм поведения».

Эксперт 9. «На мой взгляд, самой сильной с точки зрения эмоциональной связи и возможностей мобилизации является этническая и профессиональная идентичность».

Эксперт 10. «В Армении, кажется, превалирует этническая идентичность, тут есть такой интересный момент, что, когда мы анализируем даже диссидентские движения, мы замечаем, что даже эти диссидентские движения в Армении в основном были на национальной почве, они были ориентированы не столько на права человека, на демократию и все такое, хотя это нам и не так уж чуждо, а были больше ориентированы на независимое государство и т.д., то есть этот элемент идентичности больше всего

связан с национальной, культурной и этнической идентичностью, особенно с культурной. Поэтому интерес больше всего ориентирован на такие вещи, как на история, культура и этнос».

Эксперт 11. «Когда говорим в контексте 2020–2021гг., из-за пандемии произошла некоторая фрагментация общества, социума, и даже фрагментация стран, объединений, потому что прекратились потоки, поездки, встречи между людьми, прекратились даже конференции, которые ежегодно проводились (сейчас все проводится онлайн). То есть это – обратный процесс, как раз дезинтеграции, фрагментация. Но идентичность, она, конечно же, напрямую не зависит от каких-то там временных ситуаций, в том числе в связи с Коронавирусом, но, безусловно, то что количество ролей увеличилось, это да, и человек стал более динамичным, он участвует во многих группах: в одной он просто родитель, в другой – лектор института, или профессионал, в третьей он представляет свою национальность (армяне любят обычно это подчеркивать), в четвертой группе он опирается только на свою конфессиональную принадлежность, на то, что он приверженец Армянской Апостольской церкви. За 40 лет мои социологические исследования свидетельствуют о том, что, у армян складывается самоидентификация, в основном, на основе нескольких положений, так сказать “столпов самоидентификации”:

1) Это то, что мы армяне, и мы уникальны хотя бы потому, что Армения одна из единичных стран в мире, где 97% населения составляют этнические армяне. Это – гомогенная, этнически однородная страна.

2) По религиозному признаку, согласно всем моим опросам, 94–95% идентифицируют себя с Армянской Апостольской церковью. Это тоже большая редкость, потому что обычно бывает огромный разброс, кто-то – католик, кто-то – православный, кто-то – баптист, кто-то, вообще, мусульманин... В России так, а у нас – гомогенное общество. Хотя в реальности, когда углубля-

ешься, делаешь глубинное интервью, понимаешь, что к этой религии у него особенного отношения, конечно, нет, но он просто себя пречисляет, и все.

Ну вот эти идентификационные столпы армянства, которые в Армении проживают, потому что армяне – всемирная нация, у нас диаспора в три раза больше, чем сама Армения, в плане населения. Если бы мы изучали армян в Америке, то картина была бы совсем иная. «Армянское армянство», так скажем, основные столпы самоидентификации, это то, что мы – армяне, мы – христиане, что наш язык – уникальный, один из редких, единственный из индоевропейского семейства языков, и что наш алфавит – это основа нашей культуры. Вот это то, что формулирует самосознание армян, начиная с какого-то детского возраста, но потом идет уже развитие, изменения, и пр., и пр. Но, в отличие от других наций, мне кажется, так как здесь есть вот такие стержневые основополагающие столпы, то наша идентификация имеет одинаковые корни, но потом идет разветвление, скорее всего. Однако корни у нас очень крепкие, и они определенные».

Вопрос 2. В современном обществе идет много споров о том, можно ли чувствовать себя гражданином, но при этом не поддерживать текущий политический режим, Конституцию, институты и нормы? Обязательно ли гражданственность связана с государственностью? Как, на ваш взгляд, соотносится гражданская идентичность и лояльность государству и политическим институтам?

Эксперт 1. «Государство и гражданственность связаны и влияют друг на друга, но это совсем не означает, что гражданская идентичность соответствует лояльности режиму. Здесь мы говорим о лояльности государству, а не власти. Гражданственность в этом контексте – это правовое взаимодействие между органами государственного управления и гражданами, представленное правовым аспектом, а не политическим. Наоборот, гражданская идентичность

предполагает гражданскую требовательность, так как происхождение власти происходит от граждан, и требование к государственным органам исполнять свои полномочия должно являться основой для гражданской идентичности. Весь комплекс вопросов, связанных с пониманием того, что власть имущие такие же люди, как и остальные (отмечается вопрос “уважения”), приводит к проблеме развития гражданской идентичности. Это, в первую очередь, связано со школьным образованием. Конечно, семейное воспитание играет важную роль, но государственное, общественное воспитание так же важно, поскольку родителей в свое время так же воспитала «школа». Государство создает образовательные планы, имея перед собой цель воспитать гражданина. В этом вопросе Армения имеет большие проблемы. Быть гражданином не означает быть лояльным и иногда это – противопоставляемые понятия».

Эксперт 2. «Позволю себе согласиться с любимым Торо: “Я думаю, что мы, прежде всего, должны быть людьми, и только потом – подданными. Нежелательно воспитывать такое же уважение к закону, как к справедливости. Единственная обязанность, которую я могу принять на себя – это в любое время делать то, что я считаю справедливым”. Гражданственность – не в лояльности конкретному правительству, его институтам и нормам, а в требовании, чтобы они соответствовали требованиям справедливости и общественного блага. Правительство и государство должны служить обществу, а не наоборот».

Эксперт 3. «Да, я думаю, что мы все-таки должны диверсифицировать эти понятия: правительство, государство, страна. Если мы берем страну, то это – государство с точки зрения государственных институтов, а все государство обозначим как страну. Третье понятие – это правительство. Как вы отметили, и да, конечно, на самом деле, если мы говорим о демократическом обществе, то не должно быть лояльности, то есть не обязательно должна быть лояльность правительству, но предполагается лояльность государству, идее государственности.

Такое положение должно быть или к нему надо стремиться, по крайней мере. Очень много сегодня в мире примеров “фейл стейт”, и одной из причин этого является именно отсутствие лояльности к государственности. Под “лояльностью” можно понимать приоритетность государственных интересов над личными. Наверное, даже над общественными, потому что, если мы говорим о гражданском обществе, то все-таки цель гражданского общества служить неким связующим звеном между человеком и государством, человеком, обществом и государством. Здесь должен образовываться некий компромиссный консенсус. Я, конечно, не ставлю проблему того, нарушались ли права человека и т.д., но вопрос в том, что у общества должна доминировать идея гражданственности, идея конституционализма. То есть идея сильного, но ответственного государства. В противном случае мы будем идти к “фейл стейт”, что уже будет нарушать права всех этих людей. Невозможно в “фейл стейт” обеспечивать права человека и общества».

Эксперт 4. «Мы идентифицируем себя с государством, только эта идентичность менее сильная. Нельзя сказать, что граждане Республики Армения идентифицируют себя со страной просто потому, что у них армянский паспорт в кармане и потому что они здесь проживают, но и человек, который живет в другом месте и не обладает армянским паспортом, он тоже может идентифицировать себя с Арменией. Речь идет о членах диаспоры. Однако, на мой взгляд, эта идентичность не главная: она, во-первых, более молодая, хотя Армения в этнокультурном смысле – очень древняя нация с древней культурой. Армении в политическом смысле меньше 30-и лет, и эти механизмы, которые выработались в рамках этнокультурной идентичности, в политическом пространстве еще не сформировались. Идентичность есть, но она слабее этнокультурной.

Что касается “ассоциируется ли она с государством” – я бы не сказал. Не всегда гражданин Грузии, Франции, Америки, России может идентифицировать себя с Арменией, при том, что эти люди

и их предки, возможно, никогда не жили на той территории, которая сейчас является РА. Они могут быть потомками выходцев из Западной Армении или из Грузии. Имеется подвариант, потому что есть Нагорно-Карабахская республика, где идентичность тоже наслаивается одна на другую. Конечно, люди, которые там живут, ощущают себя карабахцами в этнокультурном смысле: то есть они видят отличия в диалектах, каких-то культурных особенностях национальной кухни и т.д., – но они – граждане другого государства, непризнанного, но другого. Но, в то же время, они ощущают себя и гражданами политического субъекта более широкого, нежели НКР. Армения для них не является чужим государством в том смысле, в котором является Украина или Польша, или Мексика. Они ощущают свою принадлежность к этому государству, поэтому это может быть плавуче несколько, но политическая идентичность формирует личность по политическому признаку: это видно по названию, и тут политический субъект важен.

Я знаю страны, в которых огромное количество населения не знают, в какой стране они живут, и у них идентичность племенная, религиозная, местная, локальная. В Африке, Индии люди могут не осознавать, в каком государстве они живут. Кроме того, есть люди, которые относятся к государствам, в которых они живут, достаточно враждебно. Такая идентичность может быть не про-, а анти- (пример уйгуров в Китае, курдов в Турции). Есть такой термин “государство намерения”, то есть люди считают себя членами какого-то государства, которого еще нет, но которое должно состояться.

А есть страны, в которых почти нет другой идентичности, кроме гражданской, и здесь живут очень разные группы, и объединяет их именно государство.

В Армении гражданственность связана с государственностью, но с тем государством, которое должно быть. Существует известный, довольно распространенный в Армении тост: “Выпьем за Армению, которая будет завтра”. Что это означает? Это – отрицание армянского государства, которое существует, то есть

это – представление о некотором идеале. Это – представление о несовершенстве своего государства, это все – следствие молодости политической культуры. И лояльность государству с лояльностью к этнокультурным ценностям могут сосуществовать. Это – довольно популярное явление. Я говорю о языке, о алфавите, о религии, о представителях армянской нации. Средний армянин скажет “наше”. О государстве он скажет “их”, поскольку этот тип политической культуры просто еще не сформировался, он слишком молод, поэтому можно быть лояльным этнокультурному обществу и не быть лояльным государству».

Эксперт 5. «Между гражданственностью и государственностью, на мой взгляд, нужно ставить знак равенства в идеальном мире, потому что гражданская позиция должна побуждать к тому, чтобы, отмечая какие-нибудь неточности тех или иных аспектов политической власти, переходить к определенным действиям».

Эксперт 6. «Государственность – это высшая ценность, гражданственность может принимать или не принимать те или иные положения, в конце концов, если мы пытаемся создать правовое государство, то “гражданственность” должна подчиняться правовым нормам этого государства. То есть моя поддержка власти/оппозиции, геополитические ориентации, симпатии и т.д. должны подчиняться государственным интересам. Иными словами, гражданская позиция не должна представляться за счет законности.

Другое дело, что гражданские движения могут лоббировать и способствовать законодательным изменениям, трансформации общественного восприятия (социальные протесты в Армении в 2010-х). Однако подчинение государственного (общего) интереса гражданскому (индивидуальному) недопустимо, тем более, в таких странах, где есть проблема безопасности».

Эксперт 7. «Здесь могут быть некоторые манипуляции по поводу власти и государственности. Я думаю, что, если гражданин лоялен государству, законопослушен, он должен выполнять все

требования закона, и у него могут быть политические разногласия с конкретной властью (правлящей в данный момент), однако это не дает права нарушать Конституцию, закон и т.д. Исходя из отмеченных законов, человек может выражать свое несогласие с осуществляемой политикой. Быть законопослушным гражданином означает быть в рамках закона, однако можно критиковать власть и выражать свое несогласие. С другой точки зрения, если человек, критикуя власть, считает, что он может нарушить, перейти эту грань, пойти на незаконные действия, здесь говорить о гражданской лояльности уже не приходится. Есть некая черта, которую переходить нельзя. Если вопрос заключается в смене власти, на то существуют законодательные процессы, как выборы, референдумы и т.д., все, что закреплено законодательством. Критика власти и несогласие с проводимой властью политикой также должна вкладываться в какие-то рамки общегражданской лояльности. И такие манипуляции, что власть плохая, не дает права предпринимать против государства какие-то действия, это неверно. Власть переменчива, государственность остается. Из-за плохой власти разрушить государственность никому не дано».

Эксперт 8. «Естественно, это так и есть, и это должно быть так. Человек может быть гражданином страны и выйти против того режима, который существует в стране. Не обязательно, чтобы политический режим соответствовал чаяниям всех жителей и граждан этого государства. Это, скорее всего, обуславливается тем, насколько этот режим является: 1) социально обеспечивающим безопасность государства и проживания; 2) развитие; 3) создает условия для того, чтобы были предоставлены важнейшие элементы развития общества: образование, здравоохранение, безопасность. И, самое главное, чтобы эта система была справедливой. Она может быть строгой, но справедливой. Если она превращается в карательный элемент, то граждане, естественно, выходят против этой политической системы».

Эксперт 9. «Необязательно. Ощущение принадлежности к тому или иному государству – это, чаще всего, не поддержка существующей власти. Это, в первую очередь, связь с государством на уровне менталитета, истории, культуры, образования. Быть гражданином – это чувствовать ответственность за страну, быть активным гражданином – это реализовывать свое чувство ответственности на разных уровнях и разных сферах деятельности во благо государства».

Эксперт 10. «Думаю этот вопрос достаточно непонятный... потому что совершенно понятно, что можно себя чувствовать гражданином, и, в то же время, не только не поддерживать существующий строй, гражданское устройство или власть, а даже активно противодействовать этим властям. Естественно, это и есть гражданская позиция. Поэтому эта слишком подчеркиваемая идея о том, что гражданин должен быть лоялен властям, слишком распространена на постсоветском пространстве, и кажется мне нереалистичной».

Когда мы говорим о гражданственности, конечно же, надо думать не только о государстве, но, прежде всего, о социуме, об обществе. Дело в том, что у нас принято говорить или о государстве, когда мы все оказываемся государственниками, или говорить о гражданском обществе в узком смысле этого слова, где гражданское общество воспринимается как совокупность каких-то там НКО. Но гражданское общество достаточно широкое понятие, у Гегеля есть очень важное определение гражданского общества, где говорится, что гражданское общество – это все пространство, которое находится ниже государства и выше семьи, и где человек осуществляет свой частный интерес, частный интерес объединяет группы, но на основе частного интереса. Так что, если ориентироваться не на общество, а на социум, то, конечно же, гражданственность, прежде всего, связана с этими гражданскими отношениями внутри определенного общества.

Мне кажется, если говорить о лояльности, то она в принципе должна бы быть ограничена тем принципом, который употребляют врачи, когда говорят «не навредить». То есть, когда вы хотите поменять то, что уже у вас есть, когда вы хотите изменить то, что вам кажется недостаточно прогрессивным, когда вам хочется улучшить общество, в котором вы живете, вы должны действовать таким образом, чтобы не разрушить, потому что разрушения всегда опасны. И постольку, поскольку вы не можете все разрушить, то вы должны иметь определенную долю лояльности, потому что эта часть лояльности, она достаточна».

Эксперт II. «Думаю, что необязательно, и я это говорю с сожалением, потому что последние и предпоследние выборы показали, что, 50% нашего населения вообще не участвуют в выборах, причем это электоральное население, то есть люди старше 18 лет. Во всех восьми выборах самое большое участие было в 2012 году, 62,3%, на остальных – 55–58%, самый низкий уровень явки избирателей – это 2018 год, с 48%, 2021 год – 49,4%. То есть 50% электората не участвуют не потому, что нет того, за которого хотели бы голосовать, а потому, что им, грубо говоря, безразлично: государство, парламент, будут избирать, не будут избирать, кого выберут, они себя не чувствуют вовлеченной частью этого государства. Мы же говорим о гражданском сознании, это быть гражданином хорошо или плохо, так вот они себя гражданином не чувствуют. Я говорю грубые вещи: они чувствуют себя населением, чувствуют себя людьми, которые живут в этой стране, но они же чувствуют себя так, что завтра могут уехать в Россию, во Францию, куда угодно, и чувствовать себя счастливо и хорошо. То есть, у них связь с нацией точно есть, и в Глендейле, и в Москве они не забудут, что они армяне, они обязательно там найдут армянскую церковь, детей постараются устроить в армянскую школу (при наличии таковой), потом сына постараются женить на армянке, но вот связи с государством у них слабые. Результаты выборов свидетельствуют об этом.

Это – амбивалентный вопрос, почему, потому что некоторая часть общества, именно та, которая чувствует себя гражданами, и бывает очень критично настроена, и она выходит на митинги, на демонстрации, именно эта часть проявляет активность, которая отрицательно настроена по отношению к действующим властям, она более подчеркнута. Но есть и граждане, которые ощущают себя приверженцами этому государству, независимо от власти, это причем черта, характерная для нашей диаспоры, потому что они говорят: при любой власти я – армянин, мы будем помогать Армении. Это – диаспорическое мышление: он здесь не живет, у него здесь дальняя родня и т.д., он там живет, он знает, что есть у него у подножия Арарата страна Армения, которая является его исторической родиной, и кто бы здесь не правил – это родина. А те, которые здесь живут, конечно же, политизированы, конечно, им не безразлично, кто управляет, и эта гражданственность либо позитивно выражается, либо весьма отрицательно. Это – амбивалентное отношение к государству».

Вопрос 3. Возможно ли, по вашему мнению, во избежание излишней сложности и терминологической путаницы отождествлять «государственную», «национальную» и «гражданскую» идентичности? Говорим ли мы в этом случае примерно об одном и том же, или это принципиально разные вещи?

Эксперт 1. «В западной литературе эти понятия могут отождествляться, там нет этнической составляющей, в отличие от гражданской. У армян, греков, отчасти евреев я замечал такие же проявления, как в Китае и Японии, когда разделяется национальное и гражданское. В случае народов, у которых есть большая диаспора, этническое, государственное и гражданское могут и должны отличаться. В нашем случае национальное, гражданское и государственное не могут равняться, что обусловлено фактором диаспоры. Армянская национальная идентичность включает,

частично, гражданскую идентичность армян Армении и сообществ, имеющих иную гражданскую идентичность, но принадлежащих к одному этносу. К примеру, армяне России (хотя здесь гражданская идентичность не так подчеркнута), армяне Ближнего Востока, американская диаспора, – они имеют двойственную идентичность (гражданская идентичность внутри страны, принявшей общину, и исторической родины). Я замечал у иранских армян двойственный патриотизм: в отношении Ирана и Армении (в частности, у взрослого поколения). Поэтому эти три понятия нельзя отождествлять, их можно включить в единую армянскую идентичность, но мы будем иметь различные проявления. Более того, гражданская идентичность в Армении должна включать и не титульные нации, поэтому гражданская идентичность должна распространяться на все народы, живущие в Армении.

У армян Армении гражданская и государственная идентичность должны развиваться созвучно, так как одно без другого не может. Армяне диаспоры воспринимают Армению как некий политический организм, который связывает их с Родиной. То есть “Родина” и “Республика Армения” не отождествляются, а речь идет о “мифологической родине” или исторической родине, которая по территории больше нынешней Армении. И даже в нашем сознании “Армения” – это что-то большее, чем территория современной РА. В то же время носители “исторической родины” еще существуют: это те же представители диаспоры, которая сформировалась в результате Геноцида армян и лишения Родины. Разделение понятий “государство” и “родина” существует материально, не только в учебниках, так как люди хранят память о месте жительства, домах, садах и т.д., которые остались на их исторической родине. Таким образом, нельзя сказать, что есть только современная территория Армении? И это родина для всех. На Западе же “государство” и “родина” уже идентичные понятия».

Эксперт 2. «Для меня это принципиально разные вещи, хотя в моноэтничном государстве это не всегда очевидно».

Эксперт 3. «Думаю, они тесно переплетаются. Вопрос заключается в том, как национальная и государственная идентичность сочетаются. Если мы говорим о нациях-государствах, то национальная и государственная идентичность совпадают. В нашем случае ситуация немного другая – у нас есть большая диаспора – поэтому национальная идентичность рассматривается шире. Если же мы говорим о нации-государстве “Армения”, то тут мы можем ставить знак равенства».

Эксперт 4. «В модернистской парадигме или парадигме Геллнера национализм – это приверженность к “nation” (государственности). Твое культурное или этническое наследие – это твое частное дело, и никакого отношения это к гражданской идентичности не имеет. Если ты обретаешь армянское гражданство, то ты обретаешь его как этнический армянин, и ты плюс к своей идентичности добавляешь еще и лояльность к государству, или не добавляешь. Гражданская идентичность там, где есть политическая. Когда ты ощущаешь себя гражданином этого государства. Я думаю, что это в какой-то степени присутствует у граждан Армении неэтнического армянского происхождения, причем тоже не у всех. К примеру, у русских оно существует в раздвоенном варианте, то есть у них есть понимание общности не только с русским языком, но и с Россией. У езидов, например, не так, они считают Армению своей родиной. В случае некоторых ассирийцев, греков и так далее происходит фактически ассимиляция, принятие другой этнической идентичности в Армении. Они ассимилируются, они превращаются в армян. Они помнят, что они ассирийцы, но чувствуют себя армянами не только с точки зрения гражданства, но и этнической культуры».

Эксперт 5. «У нас понятия национальная и политическая идентичны. В других государствах большая мозаика идентичностей.

В случае армянской диаспоры, если распространять на них национальную идентичность, существует очень тонкий момент,

поскольку армянское государство на протяжении 30 лет не проводило какой-либо единой четкой политики в отношении армянской диаспоры. Общины “варились в собственном котле” и создавали свою повестку, то есть политически интересы Республики Армения и общин диаспоры где-то в США или Франции могли не совпадать. Нельзя сказать однозначно, что интересы диаспоры в восприятии будущего армянской государственности идентичны нашим государственным интересам».

Эксперт 6. «Государственное, гражданское, национальное во многом совпадают, хотя в Армении национальное и демократическое противопоставляется и, мне кажется, эти явления могли бы сосуществовать при иных условиях.

Что касается национальной идентичности, то построение национального, демократического государства может стать объединяющим началом для всего армянства, формируя носителей этих ценностей. Однако мы видим противоречие в государственном и национальном».

Эксперт 7. «В случае с моноэтничным государством, все это переплетается, В Армении мы имеем дело с многоэтничным населением, 97% составляют армяне и остальная – часть национальные меньшинства. В этом случае, говоря о национальной лояльности, можно сказать, что “государственная”, “национальная” и “гражданская” идентичности переплетаются в единое целое. Пример. Во время Третьей Арцахской войны представители национальных меньшинств – езиды и ассирийцы – наравне с армянами сражались за отечество, были сделаны заявления... “Мы считаем Армению Отечеством и готовы отдать жизнь за Отечество”. В данном случае, конечно, езиды и ассирийцы совершенно другая этническая группа, но их восприятие Армении как Родины и готовность пожертвовать за нее жизнью, сражаться за ее рубежи; их национальная идентичность остается незыблемой, никто не претендует, чтобы превратить их в армян, но в данном случае их идентичность сопоставляется с гражданской и национальной идентичностью армянского народа. Это – взаимный процесс.

Если бы армяне вели по отношению к ним дискриминационную политику, то такой бы лояльности, конечно, мы от них никогда не получили бы. Все взаимно. РФ также является ярким примером со своей многоликостью, многоконфессиональностью, там тоже, вне зависимости от вероисповедания, многие народы считают Россию своей Родиной, они лояльно относятся к этому государству. Там тоже нет дискриминации, они тоже готовы служить отечеству, в армии служить, выполнять свой гражданский долг, все зависит от проводимой государственной политики. Если государство в отношении нетитульных народов не проводит дискриминационной политики, уважает их идентичность, то оно получает обратный процесс лояльности. В противном случае, может быть так, что народы не будут считать себя частью данного народа, яркий пример Турции, где истреблялись нацменьшинства: армяне, греки, ассирийцы».

Эксперт 8. «Это разные вещи, потому что государственная идентичность – это значительно более глобальное явление. Тот же армянин, который живет в Турции, может быть глубоким государственным деятелем. Он может быть сторонником мощного турецкого государства, но это никоим образом не говорит о том, что это отождествляет его с точки зрения национальной идентичности с турком, он остается армянином, но, с другой стороны, гражданская идентичность – это уже более сложная субстанция: он может жить в Турции, может желать мощи турецкого государства, но, вместе с этим, этот армянин может выйти против той системы, которая существует, его гражданская позиция в том, что он сторонник светской Турции. Сразу возникает три мощных противоречия: первые – государственники; вторые – люди национальной идентичности, и третьи – люди гражданской идентичности».

Эксперт 9. «Это вещи на разных уровнях осознания».

Эксперт 10. «Это – разные вещи, и попытаюсь объяснить, почему. Я участвовал в некоторых процессах, которые происходили в 1980-х гг. по причине того, что Армения очень долго была

лишена государственности, почти 1000 лет. Тогда мы были настроены как раз, прежде всего, на построение государственных структур, и как бы все были государственниками, но это привело к тому, что мы меньше внимания обращали на общество. И поэтому эти пробелы отзываются сейчас, потому что до сих пор в Армении, и не только (я думаю, это во многих странах, даже в России это так), есть такое ощущение, что есть две вещи: или этнос/нация, или государство. То есть всегда есть какое-то пренебрежение к обществу как таковому, к гражданским отношениям, а гражданственность, собственно говоря, связана с гражданскими отношениями.

Я понимаю, ваш вопрос связан с русской традицией, с знаменитым высказыванием “поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан”, и тогда вот гражданственность, она как бы воспринимается немножко патетически, как бы служение государству, но гражданская позиция (не гражданственная), так как она воспринимается на Западе, это вот очень обычное, нормальное отношение человека к человеку. Вот это то, чего нам не хватает, потому что мы или строим наши отношения на уровне семьи и круга определенных знакомств, или мы их строим на уровне государства. Нам непривычно строить отношения на уровне именно гражданского общества в самом широком смысле этого слова. Есть огромное количество логичных отношений, куда люди входят, потому что мы привыкли, что гражданские отношения – это группы, которые борются там за права человека, или за демократию, или все такое, но, в конце концов, можно же себе представить общество любителей пива, общество собачников, или болельщиков за команду “Спартак”. То есть люди имеют какие-то интересы, и объединяются, чтобы свои интересы защищать, и если к этому относиться вот таким образом, то эти отношения являются именно гражданскими.

Вот сравните: какая разница в словах, предположим, в русском и в немецком языках: когда говорим «гражданин», то это какой-то пафос, а когда немец говорит “бюргер”, то “бюргерство”

не связано ни с каким пафосом, наоборот, воспринимается спокойно. Это достаточно “себе на уме”, достаточно эгоистическое, но и культурно обоснованное отношение людей, и если мы вот в этом смысле будем относиться к гражданским отношениям, то они будут лишены пафоса, и тогда ваш вопрос о том “надо ли отождествлять гражданственность с лояльностью государству?” отпадает, хотя все эти люди, конечно же, лояльны государству, куда они денутся?»

Эксперт 11. «Это – принципиально разные вещи, то есть мы, хотя бы как профессионалы, это понимаем. Но я согласен в том плане, что для простого жителя, для простого гражданина Армении, это выглядит примерно одинаково. Для них резкого разделения нет, потому что у нас профессиональный подход, мы понимаем, что это действительно разные вещи».

Вопрос 4. Возможно ли, по вашему мнению, «стихийное» становление гражданской идентичности на основе общей истории, исторической памяти, языка, культуры и ценностного единства общества без целенаправленной политики государства по ее формированию (символической политики)? Могут ли альтернативные политические субъекты формировать гражданскую идентичность?

Эксперт 1. «Когда мы говорим о гражданине, то первый его партнер – это государство. Государственные органы создают политику идентичности, начиная с детского сада и школы, создавая определенные ценности для человека, который имеет гражданство той или иной страны. Гражданская идентичность формируется как результат деятельности государства, отраженной в процессе социализации. Государство очерчивает рамки формирования гражданской идентичности, но содержание может зависеть от личности. Неформальное влияние негосударственных и иностранных акторов (НКО, фонды и т.д.) также могут быть рассмотрены как попытка создания новой гражданской идентичности, но

этот процесс, скорее всего, столкнется с сложившимися общественными и политическими реалиями. Содержание программ, которые осуществляются на иностранное финансирование, формируется на основе интересов иностранного государства (хотя они могут и совпасть), но сама предложенная повестка является чуждой».

Эксперт 2. «Мы, армяне, веками грезили о восстановлении нашей государственности, формировали концепции и критерии нашей гражданской идентичности в отсутствие государства, замещая его символическую политику религиозными и/или культурными паттернами. Последнюю треть века мы обрели вождьленную суверенную государственность, но можно ли говорить о том, что мы состоялись как государство, обрели гражданскую идентичность? Я не уверена в этом».

Эксперт 3. «На самом деле неважно, кто конструирует гражданскую идентичность. Главное, чтобы был процесс, то есть кто-то бы способствовал этому. Есть определенная литература, которая указывает, что гражданская идентичность на Украине развивалась, например, в начале 90-х под влиянием некоторых сил. Если что-то конструируется, и если государство не настолько сильно, чтобы взять в руки этот процесс, и мы знаем, что в 90-ые, нулевые, до и после 2010-х, процесс извне направляется в определенной мере разного рода грантами. Этот продукт можно назвать “гражданской идентичностью”, но у нас опять возникает проблема определения. Другое дело, что часто акторы гражданской идентичности являются т.н. “пятой колонной”, но может быть и не всегда, то есть по-разному бывает. Очень часто мы говорим об фонде Сороса, имея в виду что-то разрушительное, но есть очень много других фондов, которые также помогают: например, армянские фонды Гюльбенкяна, AGBU и т.д. Деньги опять же извне идут, менеджеры также иностранные. Спорно, на самом деле».

Эксперт 4. «Возможно, потому что есть государства, которые целенаправленно не проводят такого рода политику вообще.

К примеру, Канада как родина мультикультурализма, говоря о том, что канадская идентичность – это некультурная принадлежность. В Африке также государства не проводят политику по ассимиляции людей из разных племен, потому что основной этнической группы попросту нет. В ОАЭ живет уже третье поколение граждан, которые до этого не идентифицировали себя с государством, а с племенами, областями. Очень распространенный пример создание идентичности извне. К примеру, Украина, где была создана разная идентичность и разные типы идентичности на одной территории. То есть антироссийская позиция способствует формированию определенной единой идентичности, даже у русскоговорящего населения Украины. В Азербайджане антиармянский элемент стал основой для идентичности».

Эксперт 5. «Да, безусловно. Яркий пример – то, что произошло в 1988 году, движение “Карабах” сформировало идентичность, вокруг которой объединились определенные политические деятели. В самом формировании государства большую заслугу сыграло это движение, противоречащее некоторым практикам, которые тогда были приняты в СССР. По факту, негосударственный институт, против которого боролись государственные структуры, сформировал идентичность, вокруг нее формировались политические, военные процессы, и это отразилось на нашей государственности».

Эксперт 6. «Такие попытки производились, вплоть до 2018г. гражданские движения действовали против государства (если говорить о впечатлениях). Государство должно формировать гражданскую идентичность, посредством управления различными сферами, работой с обществом, посредством образования».

Эксперт 7. «История знает примеры стихийных попыток путем революций, переворотов создавать гражданскую идею, но это до поры, до времени. Если данный процесс не будет институционализирован со стороны государства, он ни к чему хорошему не приведет, к положительному, во всяком случае, точно. Это может привести к катаклизмам, к тяжелым последствиям, которые

мы сейчас испытываем в Армении в результате “революционных процессов”. Поэтому все процессы должны быть институционализированы, они должны быть следствием продуманной государственной политики с конкретными целями и задачами, с учетом всего, даже форсмажорных моментов. Все это с целью того, чтобы государство контролировало все процессы и не допускало кризисных ситуаций, которые смогут поставить под угрозу саму государственность. Поэтому эти идентификационные процессы, связанные с лояльностью, должны быть следствием конкретной идеологии и продуманы государством».

Эксперт 8. «Нет, государство должно формировать. На самом деле, возникновение целостной системы происходит вокруг каких-то определенных стержневых элементов государственного устройства, когда есть какие-то принципиальные вещи в основе государства, вокруг которых консолидируется все общество – вне зависимости от религиозной, культурной и другой идентичности. Например, во время Второй мировой войны, вне зависимости, кто был коммунистом, кто был эсером, кто был представителем антикоммунистических взглядов, воровского мира, они все были объединены вокруг общей идеи – нужно разбить общего врага, который вторгся на территорию государства, и идея освобождения Родины сыграла принципиально важную роль. В Армении был такой стержневой фактор. Это был фактор независимости Карабаха, который, к сожалению, был полностью уничтожен.

В этом случае, да, государство может правильно консолидировать общество, создать некий мощный общественный конгломерат. Назвать это общество “гражданским” сложно. Поскольку гражданское общество имеет в себе некие важные элементы, которые требуют гражданского контроля за действиями государственных структур. Думаю, такое может быть только в очень развитых государствах, где существует высокий уровень жизни и, вместе с тем, высокая степень образованности населения. Такое общество может стать гражданским. Такие страны, как Дания,

Норвегия. Страны, где живут хорошо, но там есть все-таки жесткие авторитарные режимы, например, Катар, Саудовская Аравия, Бруней, там нет гражданского общества, там есть некий тонкий договор между властями и населением. Население не мешает властям зарабатывать колоссальные деньги так, как им это удобно. А власти обеспечивают надлежащий (высокий) уровень жизни населению. Договор действует до того момента, пока где-то не происходит сбой и тогда начинается уже бунт. Государство формируется вокруг каких-то фундаментальных принципов. Когда выражаются политики, они никогда не говорят “народ Германии, Франции”, они говорят – “общественность”. Они прекрасно понимают, что эти фразеологические элементы пережили свою эпоху, и нужно здесь говорить об общности, общественности, о конгломерате людей, которые четко осознают, что делают, как делают и что им предстоит».

Эксперт 9. «Возможно “стихийное” становление гражданской идентичности».

Эксперт 10. «Я не совсем представляю, как это государство должно целенаправленно создавать гражданские отношения, мне кажется, это немножко искусственным, вы сами прекрасно знаете, что в этих организациях гражданского общества (NGO), но есть и другое слово “GONGO”, это – такие организации, которые как бы являются общественными, но на самом деле их регулирует и направляет государство. Это те искусственные структуры, которые создаются государством, вполне легально для того, чтобы регулировать то, что происходит в обществе, но мне не кажется, что на таком уровне можно создать реально существующее и реально действующее гражданское общество. Я приведу не совсем теоретический пример: вот у меня есть хороший друг, который очень долго живет в Париже. Когда он туда переехал, он, особенно в первые годы, доставал из кармана ключ, показывал и говорил: “Видишь этот ключ, это ключ моей мастерской, и, если я буду туда заходить и буду там работать, буду себя чувствовать

абсолютно независимым от государства, мне плевать кто там президент... я абсолютно зависим от своей работы”. Гражданское общество – это то общество, которое, в принципе, относительно независимо от государства. Именно поэтому оно является гражданским обществом, потому что, если гражданское общество будет зависеть от государства, то это уже не самостоятельное образование, и неинтересно о нем рассуждать».

Эксперт II. «Да-да, конечно, возможно. Я просто пример приведу: армяне в этом плане – уникальная нация, мы любим говорить о себе, как об уникальном явлении, но почему так, потому что, как я сказал, приблизительно 8 млн. за пределами Армении, 3 млн. – в Армении. Мы можем утверждать, что в Армении еще в советское время, и, тем более, эти последние 30 лет, государство формировало гражданственность. А кто в Спюрке формировал? Никто! Значит, возможно. Можем так сказать: стихийное формирование гражданства. Почему гражданства? Потому что он, живя в Австралии, когда в Армении происходит землетрясение, он там не может спокойно спать. Он же гражданин Австралии, в принципе. Можно там переживать, послать букетик, нет! Он начинает собирать помощь, он формирует, он посылает это, потому что это – Армения. Значит, в нем как бы второе гражданство – национальное, оно есть. И кто его сформировал? Государство Австралии? Это, можем сказать, стихийное, хотя оно в общем-то и не стихийное, конечно. Церковь, “Дашнакцутюн”, “Рамкавар”..., еще там есть много клубов, и плюс – это социальная память и огромное культурное наследие, потому что для нас Маштоц, для нас алфавит, Хоренаци, это – колоссальные ценности. Они формируют наше культурное сознание, культурную самоидентификацию. То есть, живя в Америке, в Австралии, он все равно от корней не отрывается. Он гражданин Австралии, даже, может быть, хороший гражданин, но он все равно в себе это армянство сохраняет».

Вопрос 5. По вашему мнению, сегодня в постсоветских республиках мы наблюдаем однотипные постсоветские идентичности, имеющие в основе общий советский базис, или они все совершенно особые, обусловленные своей предшествующей историей и культурой? Или же обращение к истории формируется как реакция на распад общей советской идентичности?

Эксперт 1. «Приведу один пример: Кипр и Греция. Исторически та же эллинская культура, общий этнос, язык – но даже у них политическое разделение и различная форма политической истории повлияли на гражданскую идентичность населения. Теперь, как 30 лет независимости могут не повлиять на постсоветские общества? Понятно, что эти государства также сформировали специфическую идентичность. Более того, даже историческое наследие становилось предметом конкуренции (к примеру, конкуренция между Казахстаном и Узбекистаном, таджиками и узбеками). Несмотря на то, что все они имели 70-летний опыт существования, но, в то же время, проявлялись различия на бытовом и культурном уровнях. В вопросе с советским наследием – некоторая общность сохранилась (в большей мере у пожилых людей), которые сохраняют эту память, стереотипы и иные ценности. Новое поколение знает об этом периоде, но не имеет физического контакта с этим, формируя свою идентичность после независимости. Нельзя говорить о постсоветской идентичности. Даже в случае армян и грузин есть большая разница в ценностях и установках. Советская идентичность стала одним из слоев нашей идентичности, но не самой главной. Идентичность – это динамическое явление, и здесь очень важна практика, поэтому советское прошлое не является важным этапом для молодых людей».

Эксперт 2. «Позволю себе не согласиться с постановкой вопроса: речь не о выборе между вариантами, а о синтезе этих вариантов: разумеется, семьдесят лет общей истории и идеологии

сформировали определенную однотипность и проблем, и их восприятия. С другой стороны, что такое 70 лет на фоне многовековой истории и культуры? Сегодня, как мне кажется, мы имеем дело с более или менее схожим набором проблем на постсоветском пространстве, но вот решаются они уже с опорой на более глубокие особенности того или иного этноса или этнических групп».

Эксперт 3. «Если мы говорим о советской идентичности, я не знаю, она была или нет, но ее развивали очень интенсивно – “homo soveticus”, известное выражение. Когда я встречаюсь с поколением моих родителей из разных стран постсоветского пространства, то у всех у них есть нечто общее. Советская идентичность представляет из себя нечто национальное на основе Советского Союза, то есть несет определенные культурные, политические и другие компоненты. То есть ты с ними общаешься и понимаешь, что, в принципе, да, этот человек – он носитель, человек из Советского Союза. О постсоветской идентичности, как нечто общем, я не думаю, что мы можем говорить, и, в принципе, этот процесс разложения продолжается. Я не думаю, что молодое поколение, скажем, где-то в Белоруссии, в Армении, в Таджикистане... имеют общую идентичность. Они одинаковы с той точки зрения, что все мы находимся под воздействием глобализации, на всех нас – одинаковая одежда, плюс-минус, но “постсоветское” как продолжение “советского” – нет. Например, лет 10–15 назад ты едешь на конференцию, и там – украинцы, белорусы, русские, ты со всеми на русском общаешься, а сегодня даже (ну у меня было много раз!) таджики, киргизы говорили: “Давайте, на английский перейдем!”, – то есть мы не можем говорить».

Эксперт 4. «Я не склонен преувеличивать “советскость” в идентичностях постсоветских обществ. Я считаю, что постсоветского мира, как единой субстанции, не существует. Таджикистан отличается от Эстонии гораздо больше, чем Таджикистан от Египта. В этом смысле, среди стран постсоветского пространства

более сильного разброса просто придумать сложно. С одной стороны, у нас Туркмения, которая является радикально специфическим государством, а с другой – Эстония, которая превращается в нормальное восточноевропейское государство.

Есть некоторые культурные черты: знание русского языка взрослыми поколениями, архитектура, представления об историческом прошлом, но они уходят и уже появляются “зоны”, где русский язык становится бесполезным. Это постепенно расплывающееся явление.

Советская идентичность существовала, и люди понимали, что есть какие-то общие маркеры (от Ленина до салата “Оливье”), но такого рода маркеры были у жителей Британской империи, и считать, что у жителей Гонконга и Зимбабве имеются общие ценности, неверно. Политически мы также очень отличны.

Для меня очень интересно понять, а был ли Советский Союз, так как при все общей политической и экономической структуре узбекский и украинский колхозы очень отличались, как и власть в республиках. В Узбекистане колхоз был способом организации феодального производства и т.д.

Что-то останется, но ведь что-то осталось и от Римской империи, но сказать, что есть какое-то пост римского пространства, конечно, нет.

В армянской действительности есть большое влияние советского прошлого, и в политическом плане нас объединяет то, что мы – молодая государственность. Однако коррупция, местничество, ротация власти – это более широкие явления. Мы это видели в советской форме, но это наиболее распространенный феномен в мире».

Эксперт 5. «Я не считаю, что есть какая-то общая постсоветская идентичность, так как нет единой оценки советского прошлого (к примеру, ВОВ). К сожалению, анализируя какое-либо советское прошлое, мы опять говорим о победе в Великой Отечественной войне, что показывает, что другой объединяющей повестки у нас нет.

Для кого-то распад СССР был колоссальной трагедией, и люди до сих пор не смогли встроиться в западную систему политических, экономических отношений, а для кого-то это было временем огромных возможностей, которыми они воспользовались. Даже в рамках Российской Федерации нет единой оценки советского прошлого и нет ответа, нет единой какой-то повестки для современной идентичности постсоветских республик.

Отрицание советского прошлого также не является повсеместным для создания государственной идентичности постсоветских стран (Россия, Беларусь принимают это наследие; Армения не обсуждает это прошлое, концентрируясь на национальной истории, а Азербайджан отрицает не советское прошлое, а право на существование Армении и Карабаха)».

Эксперт 6. «По моим впечатлениям, СССР пытался создать такую общую идентичность. Насколько это было реализовано – показало время. Была попытка создать советского человека и было явление латентного формирования национальной идентичности. Советский Союз не смог искоренить элементы национализма в республиках, и мы видим уже в начале 60-х XX века, и немного раньше, формируются национальные движения в Армении, Грузии, Азербайджане, Прибалтике и т.д. (и даже в РСФСР).

Попытка создания советской идентичности полностью была провалена. Постсоветская идентичность – это больше политическое явление, где каждая республика пытается реализовать свои интересы внутри или вне политических блоков. При этом националистические движения зародились не в 80-х гг. XX века, т.е. после войны в 1945–46 гг., то есть уже тогда попытка создания общей идентичности была невозможна.

В случае Армении, то в начале Карабахского движения, которое было направлено на передачу НКАО Армении, а потом присоединилось и к другим демократическим, антисоветским движениям на пространстве СССР, у нас и тут и после были потери, так как если до этого “советское” воспринималось как абсо-

лютное благо, то затем, на протяжении 30 лет, мы совсем не обращали внимания на то наследие, которое было сформировано в этот период. Та же Россия, пройдя процесс отрицания советского прошлого, при Путине вернулась к “восхвалению” этого периода (в т.ч. через создание позитивного образа И. Сталина). В нашем обществе не было исследовано культурное наследие советского прошлого, хотя многие старшие и более младшие граждане являются носителями советских ценностей. Отсутствовал объективный анализ, в том числе и в вопросе возрождения памяти о первой республике, который был основан на ура-патриотизме и отсутствии беспристрастного исследования. Только после войны мы стали интересоваться неудобными вопросами прошлого».

Эксперт 7. «На постсоветском пространстве, конечно, народы имели свою идентичность. Эта идентичность была развита на разном уровне. Многие народы сформировались как этносы, в Сибири были народы на уровне племен, например. В этом контексте нужно отметить положительный характер советского периода. Многие народы получили возможность развития, проявить себя, свою идентичность. Что касается тех народов, которые уже имели свою государственность /идентичность, они имели еще большую возможность для усиления, развития. 70-летний слой, несомненно, наложил свой отпечаток на развитие всех народов, это – история, и имеет свое воздействие, это – общий пласт, общая площадка, которая объединяет все эти народы, которая может быть хорошим подспорьем для сотрудничества этих народов, для развития определенного рода взаимоотношений. После распада Советского союза институционализация плохо была организована. Такие форматы, как СНГ, явно не работали по объективно-субъективным причинам. ЕврАзЭС – вторая попытка на данном пласте стала более успешной, однако и здесь имеются вопросы эффективности, над чем нужно еще поработать».

Первоначальная идентичность все-таки дает о себе знать, например, Прибалтика. Там совершенно другая идентичность. и ее насильно удержать явно не получилось».

Эксперт 8. «Советская система была в своей основе подавляющей, возникал внутренний бунт, поскольку то, что требовалось и кем это требовалось от народа, не соответствовало друг другу. Если учесть еще и тот факт, что метрополия старалась подавлять провинцию, в частности, в отряд космонавтов лиц кавказской национальности не брали просто элементарным образом. Естественно, этот внутренний бунт они старались подавлять каким-либо образом. Люди, которые старались найти себя и понять кто они такие, естественно, возвращались к собственным корням и старались понять себя и защитить все то, что связано с их идентичностью (национальной, этнической, религиозной) старались защитить каким-либо образом от того колоссального пресса, который оказывала центральная постсоветская система. Поэтому было два процесса. Во-первых, очень сложно было из человеческих стереотипов мышления выбивать какие-то советские элементы, поскольку это было глубоко заложено, но, вместе с тем, пошла радикализация в сторону осознания национальной идентичности, которая, скорее, носила реакционный характер, поэтому и возникали эти стыки, пошла реакция, когда все советское воспринималось исключительно как карательное, а все национальное считалось правильным. Затем появились люди, которые эксплуатировали эти националистические идеи, что привело к их абсолютной дискредитации. В Армении такое произошло на наших глазах. Поэтому, это – суррогат. Это может измениться только изменением поколений. Когда приходят ребята, у которых нет совкового мышления, и они значительно более свободны».

Эксперт 9. «Думаю, что в каждой республике, безусловно, есть следы советского прошлого, но желание сохранять и развивать собственную этническую – сильнее, этим многие и занимаются».

Эксперт 10. «И то, и другое, конечно же, во всех бывших советских республиках есть такая тенденция строить свои исторически-обоснованные, культурно-мотивированные идентичности, но при этом советская идентичность играет очень большую роль...

Я думаю, что постсоветская идентичность является какой-то смесью бывшего советского и национального, и для того, чтобы этот тезис обосновать, хочу привести очень важный убедительный пример: наш центр мониторинговых исследований активно сотрудничает с фондом им. Конрада Аденауэра, который несколько лет тому назад предложил активно изучать именно советское наследие, мотивируя это тем, что много политических решений, которые принимаются во всех постсоветских странах, обусловлены именно тем, что наше мышление обусловлено нашим советским прошлым. Они хотели бы понять, каким образом оно обусловлено, и мы написали и даже издали несколько книг. Эти книги, сборники работ, которые были сделаны не только на уровне армянского материала, потому что, как правило, мы работаем и с постсоветскими республиками (это – Армения, Грузия, Украина, Белоруссия и Молдавия, Азербайджан не участвовал, потому что были требования по поводу демократии...), так вот: мы исследовали все эти остаточные явления, их очень много, и мы отдаем себе отчет в том, что советская идентичность продолжает существовать в очень многих трансформированных видах и является очень важной частью нашей общей национальной идентичности. Буквально недели две назад мы организовали презентацию книги моего хорошего друга Грачья Баядяна, которая называлась “Воображая прошлое”, и там как раз был и подзаголовок “Дискурсы советского армянского прошлого”, где он показывал, каким образом в течение 70 лет советской власти менялась, трансформировалась в постоянном общении с советским подходом армянская национальная идентичность. Почему? Да потому что советский эксперимент был попыткой специфической модернизации, то есть все наши страны были модернизированы, но эта модернизация была непросто в таком смысле модернизацией, в каком она происходила на Западе, эта была специфическая марксистская манера модернизации, и мы через нее прошли. Так что, естественно, что это имеет огромное значение не только в качестве прошлого, но и в качестве, в общем-то, сегодняшней нашей

реальности. И от этого ненужно избавляться, кто сказал, что это плохо? Надо просто переосмысливать, модернизировать и трансформировать во что-то иное».

Эксперт 11. «Конечно, общее прошлое оставило очень большой отпечаток, и продолжает оставлять. Конечно, все постсоветское пространство можно называть “постсоветским”. 5 лет тому назад, когда я писал одну из моих монографий, то пытался дать какую-то общую характеристику, и понял, что самое общее лежит на поверхности. Да, это – постсоветские общества. Их всех объединяет то, что они все послесоветские. Потому что свое они еще не сформировали, чтобы точно сказать, что вот это – европейское, это – азиатское... Пока “постсоветские”, но это явление временное. Давно уже и психологи, и социологи выяснили, что каждые 40 лет меняется самоидентификация и ценностные представления населения. Почему 40, а не 25 с каждым поколением, потому что инерция работает: родители еще оказывали влияние на новое поколение, а уже на их детей – совершенно другое влияние. То есть разрыв в 40 лет. Сейчас в Армении, вообще, на постсоветском пространстве, формируется совершенно иное общество. Я называю это “Digital Society”, “Digital Generation” – «Цифровое поколение». Это дети, которые не выросли в системе советской школы, не были пионерами, октябрятами, комсомольцами, русский язык, Лермонтова в школе не изучали... Это вот наше общее прошлое, псевдо-советское единство. Потому что все равно, киргизы себя отдельно чувствовали, грузины тоже. Сейчас на сцену выходит то поколение, которое родилось в 90-х годах, когда Союз распался. Они выросли в цифре, в Интернете. Во всем мире известно, что это цифровое поколение воспитывалось Интернетом, и, как известно, Интернет воспитывает не на русском, не на армянском, не на немецком... Он воспитывает на английском. И воспитывает определенные ценностные установки. Это и гендерные вопросы, это и равенство полов, это – определенное отношение к семье, к детям. То есть это все иное, другое, не то, которое было в наших семьях. Я в одной из статей написал, что это – другая Армения. Ни хорошая, ни плохая, но она явно другая».

Вопрос 6. Употребление терминов, исходно отражающих реалии западного общества, приводит к определенным искажениям в интерпретации. Насколько, по вашему мнению, применимы западные теории и концепты к исследованиям постсоветских реалий? Или нам следует искать иные категории, методы и подходы? Какие из концептов вам кажутся наиболее проблемными в этом отношении?

Эксперт 1. «Если брать две парадигмы: конструктивизм и примордиализм, то для нас конструктивистский подход не актуален, а различным исследованиям больше созвучен примордиализм, который акцентирует внимание на историзме, наследии, этничности и т.д. Но сам исторический опыт и различия между армянами диаспоры и Армении, а также огромное количество иных примеров, показывает, что важнейшим фактором является социализация армянина в той или иной среде, а не наследственность.

Что касается иных подходов, то на Востоке уже разрабатываются новые школы международных отношений, хотя эти подходы, как и европоцентристские, могут быть ограниченными. Поэтому надо совмещать общие и специфические подходы».

Эксперт 2. «С одной стороны, науку невозможно растаскивать по “национальным квартирам”, она должна оперировать универсальными категориями, методами и терминологией, да и изобретение велосипеда – не лучшая идея. С другой стороны, после распада СССР мы действительно столкнулись с определенным концептуальным вакуумом, который заполнился чем ни попадя. Стремясь войти в русло мировой научной мысли, мы зачастую хватались за все модные или звучные теории и имена, не особо заботясь о том, насколько они универсальны, насколько применимы к нашим реалиям. Оставляю выделение проблемных концептов профессионалам, но даже для меня очевидно, что труды Хантингтона, Бжежинского, Фукуямы – не панацея и не истина в последней инстанции».

Эксперт 3. «Я сторонник того, чтобы любые приложения к нашей стране пропускать через призму нашей действительности: во-первых, хотя бы протестировать, понять и изучить, можно ли такую практику у нас применять или нет. Это первое. Второе – некоторые понятия, например, то же понятие “нация-государство” мы очень часто сегодня используем, и, в принципе, если мы смотрим с точки зрения международных отношений, это понятие приложимо к Республике Армения.

Можно выделить теории примордиализма и конструктивизма, но я не считаю, что можно брать одну теорию и прилагать на действительность. Тот же Арцахский конфликт некоторые считают примордиалистским, но есть элементы конструктивизма, реализма. Тот же неореализм очень хорошо подходит для США, но в случае Армении или Грузии не работает.

Нам самим так же надо объяснять явления, поэтому я отметил, что любую теорию, концепцию нужно изучать и это, конечно, проблема ресурсов. У нас нет критического анализа, в т.ч. в сфере международных отношений. Очень мало специалистов, которые знают классиков и развивают их теорию».

Эксперт 4. «Не существует каких-то западных терминов, существуют научные концепции. Так складывается ситуация вокруг социальных наук, что они наиболее развиты в странах с наиболее развитой экономической системой. Это не западные концепции, а концепции науки вообще. В России очень много ученых, которые способствовали науке, но в США больше всего университетов в мире. Очень многие образовательные центры находятся там. В социальных науках очень многое исходит из того места, где эта наука делается.

Бывает и люди, которые живут не на Западе (к примеру, Теодор Шанин), но остаются частью данного сообщества. Наука не бывает российской, она – всеобщая, если мы говорим о науке, а если мы говорим о пропаганде, то это уже другой вопрос. Один из основателей социологии является Питирим Сорокин, но мы ведь не будем называть эту науку “российской”.

В том случае, если какие-то социальные концепции не работают на “азиатских” примерах, то новый подход станет частью единой науки. Проблемы существуют и в контексте некоторых “западных” примеров, но нельзя говорить, что из-за этого есть какая-то региональная наука».

Эксперт 5. «Я полагаю, концепты, разработанные на Западе, условно, 30–40 лет назад, неприменимы даже для западной действительности, если что-то не применимо даже к ним, то как это можно применять к нам. К примеру, теория демократического мира и т.д.

Хочу сказать, условно, если 30–40 лет назад было логично, что Великобритании вошла в Европейское сообщество, то сейчас логично, что Великобритания выходит из Европейского Союза. Вследствие глобализации началось переосмысление национальной идентичности.

Эксперт 6. «Западные политологические школы разработали свои концепции, методики исследования различных вопросов, в частности, идентичности. На постсоветском пространстве практикуется использование этих методов. Однако есть местные особенности, есть определенная уникальность этого пространства с учетом этих 70 лет, о которых я говорил. И ввиду этих особенностей, постсоветское пространство с трудом поддается исследованию этих западных концепций, методологий. Думаю, что нужно сопоставлять западные методологии и то, что нарабатывается на месте.

Простой “копи-паст” не приведет к каким-то результатам, нужно вырабатывать собственные».

Эксперт 7. «Это неправильно, прямая имплементация западных концептов, причина проста: западная культура отличается своими мировоззренческими элементами. Восточная Армения была ближе к российской культуре; восточно-римская культура, византийская и восприятие того, что такое дружба, общественные отношения там совершенно иные. Насаждаемые западными

партнерами принципы не могли быть идеальным образом имплементированы в том обществе, которое принципиально отличалось по своим позициям. Ярким примером является место и роль женщины в семье. На постсоветском пространстве женщина – хранительница очага, на Западе роль женщины воспринимается совсем по-иному. Это привело к эмансипации и потерям в западном обществе, где роль женщины в семье полностью нивелирована. К сожалению, имеется проблема сексуальных меньшинств: и, отвергая это, я понимаю, что жесткое насильное подавление этого явления ни к чему не приведет. Нужно заключить договор, что эти люди, фигуранты существуют в своем параллельном мире, но с одним важным условием, что этот мир не должен быть навязан обществу, и, тем более, детям, исключить всякие парады (пример Грузии). Все это приведет к плачевным последствиям, ошибка Запада заключалась в том, что они высокомерно подошли к тем “территориям”, которые, по их мнению, они захватили в результате итогов Холодной войны. Если сначала это население с доверием относилось к этим институтам, то сейчас доверие просто исчезло, поскольку они поняли, что их просто тупо использовали. Это опять-таки возвращает людей к осмыслению их собственной идентичности. Нужно искать собственные категории и подходы».

Эксперт 8. «Думаю, что использование терминов не особо вредит в понимании происходящего, но то, с какой позиции изучаются постсоветские реалии, какие “мерила” применяются, тут уже возникает вопрос. Стоит ли измерять и пытаться понимать происходящее, примеряя модель, которая была эффективной в совершенно иной развивающейся системе».

Эксперт 9. «Наш центр исходит из того, что в Армении есть два типа дискурсов, которые неадекватны: первый тип – это такой традиционный националистический дискурс, который пытается объяснить сегодняшние реалии такими вот исключительно националистическими, патриотическими подходами. Он абсо-

лютно неадекватен. В то же время неадекватен, так сказать, квази-западный дискурс. Почему? Потому что все эти разговоры о правах человека, о рыночной демократии и все такое... может быть очень хорошо, но они тоже имитируют какую-то реальность, которой, к сожалению, в Армении нет. И поэтому мы пытаемся описывать все, что происходит в Армении на уровне какого-то нового языка, который надо еще создать. И здесь мы не хотели бы противопоставлять западные традиции, но мы хотели бы их локализовать. В частности, вы знаете, что модерн, как определенный этап развития человечества и модернизация общества, понимается на Западе на принципе просвещения. Это естественно, но дело в том, что есть же армянская традиция просвещения, и она существовала на протяжении столетий, и когда мы хотим применить этот принцип просвещения на дальнейшее развитие нашего общества, мы должны опираться не только на западную, но и на свою национальную традицию, и здесь есть интересный момент: есть некоторые исследования, которые проводятся в России... они не считаются мейнстримом, потому что авторы не являются проповедниками державности или государственности, но они интересны тем, что пытаются объяснить реалии России в таких терминах, которые полезны и для нас, поскольку наша сегодняшняя реальность близка больше к российской реальности, чем к западной. Когда мы 3 года тому назад организовали конференцию “Армения-2018: реалии и перспективы”, я пригласил одного из таких ученых (Симона Карловского), которого очень высоко ценю, и который пытается описывать реалии России не совсем так, как это делают на Западе, но и не совсем так, как это делают в России те, которых мы называем “державниками”. Мне казалось, это очень важный опыт, и не только он... есть и другие, которые хотят понять, как устроено российское общество. И когда мы смотрим на исследования по поводу того, как устроено армянское общество, мы можем из методологических подходов многое использовать для того, чтобы

понять, как устроено российское общество, чем и мы, собственно говоря, занимаемся».

Эксперт 10. «Тут очевидно, и биться в открытую дверь не стоит: во-первых, наука не имеет национальности, даже если это – гуманитарная наука, когда мы говорим о методах или о концептах, а не конкретно о содержании; скажем, этнография – национальная наука, она изучает или армян, или французов, или австралийцев...но методологический каркас науки – это та научная концептуальная схема, которая вненациональна, и неважно, где вы работаете. Это ярче видно, конечно, в фундаментальных науках – таких, как физика, математика, там они уж точно работают на любых широтах, независимо от национальности. Но даже в гуманитарной сфере есть теоретические концепты, которые вне национальности, ибо наука в действительности не имеет национальных границ. Поэтому, когда мы здесь говорим, приемлемы ли для нас какие-то западные концепты и теоретические модели, допустим, не приемлемы, и что? А свои есть? И если есть, они разве не на западных примерах развивались? Вся проблема в том, что, когда мы отказались от марксизма, правильно-неправильно сделали – это другой вопрос, но у нас была одна идеологема, единая идеологическая схема, которая формировала все научные и идеологические концепции. Это – марксизм, ну а в поздние времена это называли “марксизм-ленинизм”, “развитый социализм”, но это были крупные, концептуальные схемы, под которые, тем более, гуманитарно-общественная наука и развивалась. Сегодня их нет, мы их отбросили. Свои развили? Нет! В природе говорят “пусто место не бывает”, это место сразу заняли различные западные концепции, они тоже не одинаковые. Но мы их уже переняли. Если мы даже, желательно, будем развивать свои, то они будут уже не на основе марксизма, и не знаю, чего, а на основе последних западных теорий. Тут нет противопоставления, тут может быть развитие, и оно желательно. Возьми все то, что интересно, все, что желательно, и развивай свое.

Есть и такие, которые кажутся нам проблемными: структурно-функциональный анализ очень популярен в общественных науках, в философии Адорно и других, очень авторитетных представителей, но поскольку они все выросли на западно-культурно-исторической почве, очень многое для нас искусственно принимается, не очень адекватно отражается. Самый грубый пример – это вот наше отношение ко всем этим гендерным-транс гендерным явлениям... Но, если мы члены Совета Европы, мы чуть ли не приняли несчастную Стамбульскую конвенцию... есть вещи, которые, ну просто, неприемлемы. Надо развивать свое».

Вопрос 7. Какое из следующих понятий, по вашему мнению, наиболее близко к описанию понятия «гражданская идентичность» (оцените каждую строку от одного до пяти, где 5 – очень близко, 1 – совершенно не имеет отношения):

	Эксперт 1	Эксперт 2	Эксперт 3	Эксперт 4	Эксперт 5	Эксперт 6	Эксперт 7	Эксперт 8	Эксперт 9	Эксперт 10	Эксперт 11	Среднее
Участие в выборах	5	4	3	2	5	4	4	1	5	5	3	3.60
Участие в протестных акциях	4	4	2	1	3	1	3	1	1	3	3	2.20
Поддержка текущего политического курса	3	1	1	1	1	1	1	1	1	2	2	1.20
Уровень доверия общественным и	3	4	5	3	4	5	3	2	4		2	3.56

Вопрос 8. Все больше заметно, как религиозные институты начинают осуществлять функции объединяющих институтов упрочения государства, и доминирует тренд на их становление как национальных (привязанных к конкретному государству). Каково, на ваш взгляд, влияние церкви или иной религиозной организации на становление гражданской идентичности в странах постсоветского пространства? Способствует или препятствует она развитию гражданской идентичности?

Эксперт 1. «Это – сложный вопрос, так как ААЦ¹⁵⁸ имеет две части: ААЦ Армении и ААЦ Диаспоры, и это проявление двойственности нашей идентичности, то есть наша церковь, которая имеет Киликийский дом и Эчмиадзин (два равноправных субъекта), является олицетворением внутреннего разделения армянской нации с различными типами гражданской идентичности. Сложно оценить влияние церкви на историю армянского государства, поскольку основное внимание уделяется роли церкви в период отсутствия государственности. В разные периоды было различное взаимодействие.

Основная цель Дома Киликии с его епархией в Диаспоре – сохранение армянства, а не развитие гражданской идентичности, поддержка репатриации или налаживания связей с армянским государством, что вполне нормально. Проблема репатриации армян Диаспоры в Армению может даже быть рассмотрена как угроза местным общинам, так как они лишаются источников финансирования. Оставим это в стороне, но как Эчмиадзинский престол соприкасается с проблемой гражданственности? Я не вижу роли церкви в вопросе развития гражданства, так как христианство не знает наций, и деятельности по сохранению гражданской идентичности я не видел. Для поддержки патриотизма – да, но не в сфере гражданской идентичности. Видимо, важным аспектом в деятельности церкви может быть сфера образования.

¹⁵⁸ Армянская Апостольская церковь.

Были попытки использования церкви государством в политических целях, но, скорее, это свидетельствует об отсутствии гражданской идентичности.

Эксперт 2. «Я за секуляризацию общества и государства, и за формирование гражданской идентичности вне религиозного контекста, о чем, кстати, говорил еще Христос: «Кесарю кесарево, Богу божье»».

Эксперт 3. «Я считаю, что они влияют, они способствуют развитию, но это развитие может способствовать как прогрессу, так и регрессу. Тот же самый процесс, в зависимости от того, как мы на это смотрим. Церковь, я думаю, это – государственоносущая башня, и с этой точки зрения она формирует и участвует в формировании гражданской идентичности. Если мы берем различные секты, тех же Свидетелей Иеговы, то они влияют отрицательно на построение национальной идентичности. Если они говорят, что “знаешь, а не нужно служить в армии”, а служба в армии является гражданской ответственностью, и идентичностью тоже. Религия, армянская апостольская церковь – часть и национальной идентичности армян, и часть гражданской идентичности.

Апостольская церковь все-таки должна быть несущей конструкцией государства, должен быть какой-то цементирующая основа, но, тем не менее, все-таки мы должны быть гибкими, чтобы не определять национальную идентичность только посредством религии. Если человек чувствует себя армянином, владеет языком, но является протестантом, армянская государственность так же может стать основой для его идентичности».

Эксперт 4. «В случае наций-государств с более или менее компактной религиозной идентичностью влияют, конечно, то есть лояльность к ААЦ – это одна из форм лояльности к “армянскому” вообще. В случае Армении это имеет определенное значение. В случаях других государств может быть по-разному: где-то это прописано в документах (Израиль, некоторые мусульманские государства), а бывает и никакого влияния не имеет».

Эксперт 5. «В Армении есть точка зрения о том, что во время событий восемнадцатого года активное участие в процессах принимали представители каких-то сект. В 2018 году это было проявление гражданской позиции, но это привело к негативным последствиям.

С XIV века церковь заменяла государство, и после обретения независимости в 1991г. влияние ААЦ значительно уменьшилось. По ситуации, роль церкви может быть различной – в зависимости от общества, и ассоциация церкви с властью может негативно повлиять на авторитет церкви. Роль Католической церкви в Польше очень высока, и процесс вокруг отмены абортaов вовлек духовенство в политический процесс. В Армении главы церкви требовали отставки правительства, но это ни к чему не привело. Все зависит от конкретной ситуации. У нас в Армении вообще был прецедент, когда политик и церковь были замешаны в ситуации с офшорами. Это еще сильнее ударило по авторитету церкви, против которой и так было настроено общество».

Эксперт 6. «Опять же здесь все зависит от конфликтной или партнерской модели отношений “государство-гражданское общество”».

Эксперт 7. «Церковь и государство отделены друг от друга, но, с точки зрения идентичности, церковь и религия сыграли не последнюю роль. Приведем пример и армянского, и русского народов, Армянская Апостольская и Русская Православная церковь играют колоссальную роль. Эти институты имеют высокий авторитет среди народов, и слово патриарха, и католикоса имеют огромный вес. Стоит вопрос, насколько в проблеме сохранения идентичности церковь и государство сотрудничают друг с другом. Если диалог между данными институтами имеется, то, конечно, эффект будет достигнут. С другой стороны, церковь может иметь деструктивный характер, если мы говорим о еретическом движении. Этих движений много, к сожалению, и они ведутся зачастую под предлогом свободы веры, совести, вероиспо-

ведания, несут деструктивную деятельность, пытаясь соперничать с церковью (и в Армении, и в России имеются такие организации), они финансируются из-за рубежа, и они занимаются не только и не столько именно религиозной деятельностью, сколько деструктивными процессами, которые негативно влияют на идентичность народов. Вбивают клин, делят на сектора, создают касты непонятного характера. Велика угроза криминальных процессов, которые могут привести к нарушению законов и т.д. В данном контексте существуют вопросы духовной безопасности этноса. Здесь церковь и государство должны работать на одном поле, тесно сотрудничать во избежание подобных ситуаций».

Эксперт 8. «Христианство в судьбе Армении играет принципиально важную роль. В период отсутствия государственности именно Церковь играла объединяющую, цементирующую роль. Два фактора, которые позволили сохранить армянскую идентичность – это семья и церковь. Церковь сыграла исключительно положительную роль. На данный момент эта роль ослаблена, одной из причин тому является церковное руководство, которое зачастую дискредитирует себя. Церковь превратилась сейчас в мощный инструмент политики. Ее объединяющая роль, к сожалению, исчезла и в Армении, и в России, и в постсоветских государствах».

Эксперт 9. «Религиозные институты – это институты, чью роль нельзя отрицать, она может быть как положительной, так и отрицательной, но в последнее время ее сила, с которой она могла влиять на “осознанность”, снижается. Одна из причин – периодическое внедрение религии».

Эксперт 10. «Чем меньше церкви, тем больше гражданских ценностей. Она нейтральна, то есть не имеет никакого отношения к гражданской идентичности. Вы можете быть верующим, можете быть не верующим... это не играет никакой роли по отношению к вашей гражданской позиции».

Эксперт 11. «Глобально, конечно, препятствует, потому что религии разъединяют. Религии объединяют своих, но разъединяют всех. Религии, вообще, глобально, как границы стран, но внутри страны они объединяют. Тут двойная функция: религия объединяет всех христиан, или всех католиков, но она сильно проводит границу между буддистами и мусульманами, там прочими и нами, христианами.

Теперь по отношению постсоветских стран и, в частности, Армении: дело в том, что у нас произошла резкая трансформация роли церкви в обществе. В советское время церковь была в заброшенном состоянии, коммунистам не разрешали крестить детей, многое было под запретом... Когда распался Советский Союз, во всем мире пошел процесс десекуляризации. В Европе вообще отошел, в Америке – тоже, как писал Бьюкенен, что там уже христианство забыли. А у нас пошел обратный процесс, потому что церковь была отвергнута государством, и, когда советское государство разрушилось, церковь вернулась в жизнь людей, она вернулась в общество. Все стали крестить детей, на похоронах и панихидах появились служители церкви... То есть церковь наконец-то вошла в жизнь людей, чего они долго ждали. Они ворвались с перебором, конечно. Помню, лет 10 тому назад, когда Тигран Саркисян был премьер-министром Армении, у нас отмечалось 10 религиозных праздников в году. Светских праздников было меньше, чем религиозных, и возникал вопрос: мы что станем религиозным государством? Появились каналы, магазины, где продавалась церковная литература. Это хорошо, я не говорю, что это плохо. Просто я говорю, что церковь долгое время была отчуждена от государства, и когда государство разрушилось, религия и церковь просто ворвалась в нашу жизнь. Но пройдет время, и они свое место найдут. Когда в 2018г. Пашинян пришел к власти, он начал серьезные, идеологические гонения на церковь. Не в советском стиле, а в каком-то ином. Началось давление церкви. Это тоже динамический процесс: раньше было под запретом, но потом все только в церкви стали венчаться, и чуть

ли не разводиться, а теперь, поскольку новая власть опять отодвинула церковь от общественной активности, от дел государства, происходят иные подходы».

Вопрос 9. Как бы вы описали символический портрет армянской идентичности? Назовите природные объекты, культурные артефакты, образы, исторические события, личности или праздники, которые, по вашему мнению, отражают этот образ лично для вас.

Эксперт 1. «Мартирос Сарьян, Комитас, гора Арарат, алфавит, коньяк, вино, спортивный костюм и кожаная куртка (как негатив), архитектура, хачкар, армянский язык».

Эксперт 2. «Концентрацией символического портрета армянской идентичности мне видится стихотворение Егише Чаренца».

Эксперт 3. «Тигран Великий, Вардавар, Гарни, празднование 6 января Рождества, Царь Пап, Кркорян, Азнавур, Шер».

Эксперт 4. «История армянского народа, географические привязки (Арарат, Ахтамар), язык, культура, религия-ААЦ, церкви – архитектурные объекты».

Эксперт 5. «Христианство, алфавит, Карабах, армия, памятник «Мать-Армения», Мартирос Сарьян, Монте Мелконян».

Эксперт 6. «Язык, религия, ААЦ, структура современного государства, политическая карта современной Республики Армения (восприятие государственности), система безопасности».

Эксперт 7. «У нас сформирована особенная идентичность, мы всегда находились на перекрестке разных дорог. Постулаты армянской идентичности: семья, армянский язык, традиции, Апостольская церковь (которая на себе несла функции государства: воспитательную, связь с внешним миром; десятина взимание налогов). Менталитет – мы ведем освободительную борьбу, когда “нож достигает кости”, тогда мы сплачиваемся и наносим последний удар с целью выжить, быть. Сардарapat, Баш-Апаран, Арцахская война. К сожалению, мы очевидцы трансформации данного менталитета под воздействием глобализационных процессов. Мы

теряем чувство самосохранения, что негативно влияет на менталитет и сохранение идентичности, что может привести к очень плачевным результатам вплоть до потери государственности».

Эксперт 8. «Сложный вопрос. Для меня исключительным авторитетом является Комитас. Это – единственный святой, который вобрал в себе все положительные качества армянской культуры, идентичности именно как армянина и, вместе с тем, сфокусировал всю ту трагедию, которую перенес наш народ за последние несколько столетий. Символом являются гора Арарат – это идентичность».

Эксперт 9. «Горы, Комитас, Нжде, Азнавур, лаваш, приправы, Геноцид, Вардавар, солнце, туф, узоры хачкара, Татев, Матенадаран».

Эксперт 10. «У меня нет символического портрета. Я очень долго занимался проблемами национальной идентичности, и у меня есть глубокое убеждение в том, что вообще идентичность – это пройденный путь, потому что в течение этого пройденного пути у тебя формируется представление о себе. Это относится и к отдельным людям, и к народам. Поэтому, когда мы говорим об идентичности национальной, это – путь, пройденный нацией, и он настолько силен, что везде проявляется, когда ты смотришь, что-то нравится, что-то не нравится, это все исторически объясняется: какой путь мы прошли, тем и стали. А как-то символически ответить, что армянин – это тот или другой, бессмысленно.

А назвать природные объекты и т.д. ... это да, не лично для меня, это я могу сказать: мне кажется, что огромную роль в формировании армянских представлений о своей идентичности сыграли те три события, которые я называю “трехзвучием истории”: это – 301 год – принятие христианства, 405 год – изобретение алфавита, и 451 год – Аварайрское сражение. Вот эти три явления были переплетены как какой-то страшный узел, который до сих пор определяет, в общем-то, тип мышления не только потому, что они были, а потому что они потом постоянно раскрывались.

Что-же касается каких-то символов национальности, то, конечно, у нас есть какое-то представление, каковы они: лично для меня это, конечно же, Арарат. Однажды я написал: “Арарат не имеет никакого смысла, но это то, что дает смысл всем остальным вещам”. Опять, в качестве чистоты ощущений того, что мне кажется армянским – это Комитас».

Эксперт 11. «Но тут очень просто, так скажем, потому что для Армении – это Арарат, Эчмиадзин, Гарни-Гегард, Севан. Вот это святые, так сказать, места, все туристы, все знакомые, друзья, братья, дети обязательно через это проходят. А из таких дней – Չափրիկ (Пасха), Կոր արիկ (Новый Год). Это в любой семье: может, “День независимости” забудут, “День Армии” тоже забудут, много чего забудут, но это не забудут: Չափրիկ (Пасха), Կոր արիկ (Новый Год), и еще от советского осталось немножко “8 марта”. Для армян это такие стигматы, они очень ярко выражены. И я думаю, не только для здешних армян, но даже для зарубежных, для Диаспоры. Вот тоже интересно, в общем-то это – общие стигматы, хотя тамошние армяне, они выходцы из Ирака, из Турции, из Ливана, вроде совершенно другая культурная основа, сфера, но эти же праздники они там точно отмечают. Интересно, что, если вы там, у них дома бываете, там всюду изображения Арарата, Эчмиадзина, Севана, в обязательном порядке висят. У нас стигматы общие, есть различия, конечно, но в основном общие».

Вопрос 10. Что бы вы отнесли к понятию «гражданственности» в реалиях армянской национальной идентичности? Могли бы вы привести примеры?

Эксперт 1. «Гражданственность в этом контексте – это правовое взаимодействие между органами государственного управления и гражданами, представленное правовым аспектом, а не политическим. Наоборот, гражданская идентичность предполагает гражданскую требовательность, так как происхождение власти происходит от граждан, и требование к государственным органам исполнять

свои полномочия надлежащим образом является основой для гражданской идентичности».

Эксперт 2. «Пожалуй, ответственность за свою страну, свой язык и свою культуру».

Эксперт 3. «Да, она существует, если даже государство 30 лет функционирует, даже после войны в этих условиях, как-то все еще сохраняется, я думаю, да понятие гражданственности есть, но оно разрушается извне, когда права человека не соотносятся с правами и обязанностями».

Эксперт 4. «В Армении гражданственность связана с государственностью, но с тем государством, которое должно быть. Существует известный довольно распространенный в Армении тост “Выпьем за Армению, которая будет завтра”. Что это означает? Это отрицание армянского государства, которое существует, то есть это – представление о некотором идеале».

Эксперт 5. «Небезразличие».

Эксперт 6. «Служба в армии, но я не знаю, насколько в нашем обществе это воспринимается в качестве служения государству (или нет)».

Эксперт 7. «Гражданственность в реалиях армянской национальной идентичности я понимаю в качестве проявления патриотизма, готовности отдать жизнь за родину, независимо от того, какая власть. Власть – переменчива, временна. Если она будет идентифицироваться только с государством, с родиной, это приведет к тяжелым последствиям. Патриотизм, любовь к Родине, к отчизне, готовность служить родине, а не власти, помогут выстоять. Потеря государственности приведет к тому, что никакая власть не будет иметь значения».

Эксперт 8. «Гражданственность – способность человека трезво оценивать текущую ситуацию в государстве. Понятие реальной обстановки в обществе. Это – умение говорить правду и умение отстаивать правильную позицию, понятие морали, что сейчас полностью исчезло у нас».

Эксперт 9. «Ответственность за будущее Армении. Пример – приезд в Армению и активная профессиональная созидательная деятельность здесь: открытие образовательных курсов, помощь в развитии сел, участие в политической жизни Армении, повышение культуры общества и т.д.»

Эксперт 10. «Это очень сложно, потому что армянская гражданственность еще не сформировалась. Гражданское общество, на мой взгляд, находится на стадии формирования и развития, грубо говоря, у нас нет гражданского общества. И здесь проблема не в том, что, всего 30 лет прошло; дело в том, что у нас большая миграция была, и очень многие образованные, умные, способные, талантливые, шустрые, хитрые... уехали. Это та часть общества, которая должна была составлять так называемый “средний класс” по новой социальной структуре. Этот средний класс наиболее гражданственный, потому что он формирующий и в западных обществах, и у нас так должно было быть. Средний класс – это более или менее обеспеченные люди, имеющие работу, несколько экономическую независимость, потому что он работает, получает, мало зависит от кого-либо и пр. Вот этот средний класс у нас не сформировался, потому что многие уехали. И у нас такая резкая дифференциация: у нас есть очень обеспеченная часть (15%), это – прослойка обеспеченных либо потому, что у них свой бизнес, либо потому что у них высокие должности в правительстве. Учитывая коррупционный момент, они все прекрасно обеспечены. После этих 15% огромный провал, и там идет уже бедность (30%), и даже нищета, где-то там 7–8%. И этот провал там должен был заполнить наш средний класс, “большой гражданин”. Потому что тот, который находится в верхнем слое, он меньше гражданин, потому что у него капитал, деньги, дети на Западе, и в любой момент он уедет туда. А нижний слой, ну какой он гражданин, у него даже денег на насущное не хватает. Ну, не может он формировать гражданское общество. У нас это провал, беда, поэтому у нас пока нет гражданского общества».

Вопрос 11. Является ли трансформация традиционной (этнокультурной) модели армянской идентичности условием для развития гражданской идентичности (гражданской культуры).

Эксперт 1. «Наоборот, это может способствовать, если мы в учебниках по истории акцент поставим на развитие государства, как оно развивалось и т.д., то у нас утвердится ценность наличия собственного государства. Это станет основой для перехода к гражданской идентичности. Так как у нас в Армении доминантной является одна этнокультурная единица, то будет легче все это сделать, и не возникнет раскола между различными этносами. Нужна правильная государственная политика».

Эксперт 2. «Не думаю, что здесь имеет место прямая корреляция. Другое дело, что эта трансформация неизбежна – времена меняются, и без гибкости и чуткости к переменам нам не обойтись».

Эксперт 3. «Да, я думаю, может, так как частью нашей этнокультурной идентичности является космополитизм, то с помощью конструктивизма мы сможем сделать переориентацию на нацию-государство, то это сможет способствовать формированию гражданской идентичности».

Эксперт 4. «Да, является. Потому что в армянском случае, как и в случае других постсоветских государств, созданных по этническому лекалам, развитие этнической идентичности переходит в развитие гражданской идентичности. Ни одно постсоветское государство не мыслит себя в категориях, что оно родилось в 1991 году. Государство –родилось, но культура довольно-таки старше. Наши герои существовали до 1991 года. На наших денежных купюрах изображены люди, которые были до 91 года и в создании независимой государственности никак не участвовали. Ту историю, которую мы проходим, это – история армянского народа, а не государства. Идет процесс трансформации одной формы в другую».

Эксперт 5. «Если мы возьмем понятие традиционной армянской семьи, где была выстроена четкая иерархия отношений. Была выстроена система, где стоящий наверху (старше), он – носитель истины последней инстанции. Это – система, наверное, у нас должна сломаться, чтобы у нас изменилось отношение к власти, чтобы власть перестала восприниматься как нечто “богом данное”, против которой неправильно протестовать. Я понимаю, что к такой традиционной иерархии привели конкретные социальные условия, и их изменения могут привести к изменениям в гражданской идентичности».

Эксперт 6. «Нам нужно продолжение этого традиционализма, что укрепит государственность. Говоря “традиционный”, мы воспринимаем это явление как патриархальное, нечто отсталое, в то время, как для меня традиция – это трансляция ценностей прошлого и их представление в настоящем со стремлением в будущее. Однако в общественном восприятии традиционализм имеет негативное восприятие. Это не означает всего отрицательного, что несправедливо приписывается традиционализму, и в таком взгляде большую вину имеет государство, которое не ставит перед собой задачу взять на себя ответственность ценить свое прошлое (в т.ч. советское) и принимать его».

Эксперт 7. «Несомненно, да, это – взаимосвязанные вещи. Если ты любишь свою Родину, ты будешь законопослушным гражданином, будешь способствовать усилению своего государства».

Эксперт 8. «Думаю, что можно удачно трансформировать себя в качестве людей, которые уважают гражданские права, и никоим образом это не отразится на армянской идентичности. Великолепным примером является Япония, где, наряду с гиперразвитой инфраструктурой, женщины по-прежнему ходят в кимоно и люди глубоко уважают свои традиции. Для этого должны быть соответствующего уровня политические элиты, которые в состоянии это осуществить. В нашем случае это невозможно, поскольку, мягко говоря, уровень политической элиты низок».

Эксперт 10. «Я не думаю, что мы должны ставить вопрос о целенаправленной трансформации этнокультурной модели, но я согласен, что этнокультурная модель действительно очень ограничена, для этого нам надо не пытаться через этнокультурную модель развивать гражданскую идентичность, а нам надо, прежде всего, развивать само армянское общество. Вот, например, сейчас мы очень активно занимаемся изучением того, что собой представляет армянское общество. Почему мы считаем это важным? Потому что в армянской психологии принято такое представление, что чем больше единства, тем лучше. Все мы должны быть едиными, все наши беды от того, что мы не были едиными... Я пытаюсь объяснить, что, в конце концов, мы же не амебы, общество – очень дифференцированная структура, в группе есть разные цели, разные задачи, и разные интересы. И, следовательно, вопрос заключается не в том, чтобы сделать вид, что все мы едины, а в том, чтобы найти баланс интересов, тогда мы будем пытаться каким-то образом это общество гармонизировать. А гармонизация общества будет основана не на том, чтобы трансформировать этническо-культурная идентичность, а чтобы люди отдавали себе отчет в том, что они жили в этой стране, и в этой стране они должны поступать так, чтобы было возможно гармонизировать интересы разных социальных групп. Об этом в свое время говорил Хабермас, что является очень важным тезисом, он говорил: чем больше солидарности между разными социальными группами, тем более развито общество. То есть эти социальные группы не разрывают друг друга, а пытаются сотрудничать. А когда мы делаем вид, что как будто бы этих социальных групп нет, как будто бы все мы – армяне, и у нас, у всех, одни и те же интересы, то мы практически превращаем наше общество в джунгли, где все грызутся, делая вид, что они едины, вместо того, чтобы цивилизованно сбалансировать интерес. Социум и структура социума – это основной пункт, а все другие трансформации искусственные: этническая в гражданственную и пр...»

Эксперт 11. «Безусловно, потому что мир не стоит на одном месте, то, что было во время Маштоца, то, что было 300–400 лет назад, сейчас это уже “не работает”. Сейчас совершенно другое время на дворе, другие ценности, совершенно иные появились профессии, отношения, все уводит в цифру, в Интернет, уже расстояния не имеют значения. Глобальные изменения колоссальны. Причем, что интересно, если раньше мир изменялся каждый 100–150 лет, теперь меняется каждые 10 лет.

Конечно же, меняется и влияет на идентичность. Армяне, вообще, мощные консерваторы, это присуще малым нациям. Мы считаем, что, если мы потеряем наш язык, нашу культуру, церковь, то исчезнем, уничтожимся. Это правильно для нас, да, это равносильно ассимиляции с каким-то глобальным миром, и все. Но для крупных наций, для Китая, и даже для России, это не такая уж проблема. В России 100 наций проживает. Они понимают, что религия, да, это хорошо, но не единственное, нельзя только на нее делать упор. Или на русский язык, это да, государство образующее, но они прекрасно понимают, что в Чечне школы должны быть на чеченском. Там – политика, это – политические государства, а мы – национальное государство. Поэтому все, что нас объединяет, мы за него держимся, но это, конечно, мешает развитию».

Вопрос 12. Насколько фактор борьбы за Карабах (Арцах) (и победа в Первой Карабахской (Арцахской) войне) воздействовали на трансформацию идентичности в годы независимости? Могут ли последствия Второй Арцахской войны стать одним из определяющих факторов развития гражданской идентичности?

Эксперт 1. «Победа в первой войне имела очень большое влияние, и это было отражено в быту (герои, достижения, историческая справедливость). И, очевидно, что вторая война также повлияет на трансформацию гражданской идентичности, но пока непонятно – как. Важно понять, признает ли политическая элита

последствия войны несправедливыми? Если это произойдет, то будет необходимо создать новую идентичность и восстановить справедливость с помощью сильного государства, общества и гражданина, рефлексировав над причинами поражения. Если же нет, то будет негативный эффект».

Эксперт 2. «Парадоксально, но мне воздействие победы кажется недостаточным. Мы не привыкли побеждать, мы не сумели правильно распорядиться своей победой и выпавшим нам шансом. Трансформации идентичности не произошло – только интеллектуально дефицитная самоупоенность. Поэтому трагедия Второй Арцахской войны в чем-то закономерна, как ни тяжело это признавать. Сможем ли мы извлечь из нее уроки, станет ли она определяющим фактором развития гражданской идентичности? Хотелось бы верить».

Эксперт 3. «Да, первая однозначно повлияла: то, что мы победители, после Геноцида, так как мы смогли перейти эту черту, комплекс жертвы. А вот тот бардак, который был до этого, который продолжается до сих пор, так же влияет. Я со знакомыми общаюсь: они говорят, что раньше там гордо говорили, что мы армяне за границей. Сегодня мы стараемся избегать этого. Карабахская война стала частью национальной идентичности и, если мы сможем переломить этот кризис, будет создана новая идея построения более успешного государства с точки зрения развития институтов и т.д. Тогда, думаю, мы сможем переломить этот кризис свободного мышления».

Эксперт 4. «Карабахский вопрос играл ключевую роль в развитии современной армянской идентичности. Он является бэкграундом строительства гражданской идентичности, формирования элит и т.д. Тогда Карабахский вопрос был фактором генезиса государства. Это все создавалось на этом фундаменте. Фундамент в большей степени разрушен, но представить, что будет создаваться новый тип гражданской идентичности, сложно. Будут серьезные изменения, но то, что создано тогда – это фундамент более базовый, чем созданный сейчас».

Эксперт 5. «Победа в этой войне в 90-х годах легла в основу армянской идентичности и основных базовых ценностей, на которых зиждилась армянская государственность. Если даже посмотреть на наши государственные праздники, то мы увидим, что они, в основном, связаны именно с победами и событиями, которые опосредованно связаны с армией. То есть вся наша идентичность, армянская государственная идентичность была построена на этом, а сейчас мы стоим перед кризисом идентичности; нет больше того, вокруг чего можно было бы продолжать строить армянское государство. Поражение в войне может привести не только к кризису идентичности, но и к распаду государства, но в то же время может способствовать усовершенствованию системы госуправления (если будут введены какие-то цензы на занятия государственных должностей, что приведет к тому, что выстроится некая система институциональной памяти, чтобы в дальнейшем какие-то случайные люди не смогли бы занимать высокие должности). Надо создать четкую систему координат в государственном управлении, что будет транслироваться и на социальные практики, а это зависит уже от прикладной сферы, от того, кто будет у власти. Если у власти продолжит оставаться вот эта группа лиц, которая действительно уверена в том, что мир достигается, исходя из добрых намерений и вопреки отсутствию воли к миру, а не военно-политического баланса».

Эксперт 6. «С одной стороны, победа в первой войне нам дала уверенность в собственных силах, возможность избавиться от комплекса жертвы, но, с другой – привела к большой самоуверенности и отсутствию осознания, в какой сложной среде мы живем. До войны бы я такого не сказал, но сейчас можно и так сказать. Поражение может привести к апатии или к большей трезвости, способствующей развитию Армении. Все зависит от поведения власти и всего общества».

Эксперт 7. «После Геноцида армян у нас сформировались комплекс, панический страх повторения трагедии. Победа в Первой Арцахской войне, победа над более сильным противником,

врагом в лице Азербайджана, тогда 7-миллионным, дала нам уверенность в том, что мы способны малыми ресурсами, силами одержать победу, восстановить наше право на исконные арцахские земли, наши страхи начали преодолеваться. Начали восстанавливать свои ресурсы, комплексы начали преодолеваться. Под “Второй Арцахской войной” я подразумеваю 4-х дневную войну. Это именно война, то, что произошло осенью 2020 года – это “Третья Арцахская война”. Не нужно игнорировать героизм наших бойцов, воинов 2016 года, где мы одержали победу. Там, конечно же, Турции не было, чего не можем сказать о 2020 годе. Появились опять страхи уничтожения. Нам нужны победы, хотя бы маленькие, но победы для преодоления этого страха».

Эксперт 8. «Во что превратится это поражение – большой вопрос, пока мы только теряем. Первая Арцахская война оказала на нас негативное воздействие, во-первых, по причине того, что люди, реально выигравшие эту войну, оказались в тени. Вышедшие на первый план персоны полностью дискредитировали эту победу. Степень важности этой победы оказалась недооцененной. Во-вторых, появилось провинциальное зазнайство, что мешало трезво оценить ситуацию и развитие последующей модели будущего. Самое страшное, что появилось чувство победителя, которое надо было жестко сохранить. Однако политики в целях собственного обогащения эксплуатировали и эту победу. Поэтому было все потеряно. Карабах далеко находился от Еревана, и многие не представляли себе, что там происходит, поэтому еще тогда я говорил, что нужно было возить людей на экскурсии. Сейчас нация сломлена, это – этап истории, это – возможность вышибить криминальную субкультуру из нашего сознания и понять, что нам нужно образованное общество, иначе исчезнем окончательно».

Эксперт 9. «Думаю, они могут надолго создать депрессивное сознание “проигрыша”, но в то же время при правильном использовании интеллектуального, финансового и др. ресурсов проигрыш может стать толчком для еще более активного развития».

Эксперт 10. «В большей степени, потому что в течение 30-и лет идентичность (здесь: государственная идентичность независимой Армении) была напрямую основана на Карабахской проблеме. И именно потому, что Карабах сейчас, не боюсь этого слова, безвозвратно утерян, то армянское общество оказалось без ориентиров, потому что оно должно научиться понимать, с течением времени, в чем является смысл существования армянского государства без Карабаха.

Я глубоко уверен, что в результате вот этой войны перспективы развития армянского государства во многом разгромлены. Еще предстоит, и это вопрос не только войны, это совершенно иной вопрос, можно было действительно пойти на компромисс, можно было вручить эти территории Азербайджану, но при этом получить, так сказать, определенную роль в международных отношениях, а на сегодняшний день Армения почти лишена какой-то субъектности в международных отношениях. Поэтому я не знаю, что из этого может выйти, когда что-то из этого выйдет, мы посмотрим, если, конечно, успеем посмотреть, потому что это будет не скоро».

Эксперт 11. «На оба вопроса я твердо говорю – да! Потому что, если в первом случае победа в Карабахской войне вернула уверенность народу в себя после Геноцида. У нас как бы принято было говорить на всех перекрестках мира, что вот мы, армяне, турки нас резали, турки нас убивали, они нас уничтожали, это геноцид... Это был образ плачущей нации. После победы в Карабахской войне у нас образ изменился, мы стали победителями. Я даже по поведению видел армян в России, в Нью-Йорке, они очень изменились. Вот мы можем победить, мы можем вернуть наши земли, и даже жить, развиваться. Это была грандиозная победа и грандиозное изменение облика армянина.

А вот Вторая Карабахская, которую мы полностью проиграли, позорнейшим образом проиграли, но, как ни странно, конечно же, она сломала “хребет” нации, очень многие люди в шоке, и они не могут прийти в себя. Тут две основные причины,

потому что это была, во-первых, позорная победа, во-вторых, это было заранее спланированное поражение. Вот это трудно перенести, потому что мы могли бы и не проиграть, мы могли бы не так ужасно проиграть, и, наконец, мы могли бы не начинать этой войны, если бы знали. Это, действительно, создало шок, и сейчас я не представляю, к какой трансформации это приведет. Но что приводит, это точно».

Вопрос 13. Насколько фактор борьбы за Карабах (Арцах) (и победа в Первой Карабахской (Арцахской) войне) воздействовали на трансформацию идентичности в годы независимости? Могут ли последствия Второй Арцахской войны стать одним из определяющих факторов развития гражданской идентичности?

Эксперт 1. «Есть очень мало вещей, которые могут быть общими для всех армян мира. Даже язык и алфавит не объединяют всех армян, так как есть много представителей нашего этноса, которые не знают языка, хотя и считают себя армянами. Для меня главным принципом идентификации является “быть полезным армянству”. Так же историзм, связь с прошлым является важным унифицирующим элементом. Важно идентифицировать себя с прошлым. Любая общинная принадлежность обуславливает определенные права и обязанности, что должно быть встречено армянским государством».

Эксперт 2. «Наиболее унифицированные факторы армянской идентичности – история, язык, вера, национальные символы. В Диаспоре им придается особое значение, прежде всего, из опасения ассимиляции, которая действительно происходит. С другой стороны, один из лучших (если не лучший) писателей-армян Уильям Сароян не знал армянских букв, слабо разбирался в истории и не был адептом Армянской Апостольской церкви. И все же остро ощущал свое армянство и – как следствие – экзистенциальное сиротство и изгнанничество. В Республике Арме-

ния эти компоненты идентичности воспринимаются как само собой разумеющиеся, не требующие особых усилий по сохранению и спасению. Но, в общем и целом, и вовне, и в Армении все мы – одновременно носители постгеноцидного отчаяния вымирающей нации и горделивого осознания: мы выжившие, и нас не так просто уничтожить».

Эксперт 3. «Прежде всего, вопрос Геноцида, Арцаха в определенной мере. К сожалению, вопрос создания успешной Армении не стал объединяющей идеей. И язык, и религия – они не везде одинаковы, но они пересекаются. Историческая память».

Эксперт 4. «Никакой Диаспоры не существует, существуют диаспоры. Объединяет очень разное. Есть ближневосточные диаспоры (Ливан, Иран, Стамбул), которые сохраняют язык, культуру, религию и политику. В западных общинах единственной принадлежностью к армянской идентичности является Геноцид. Представители этих общин могут не говорить по-армянски, не ходить в церковь, не употреблять армянские блюда, но фактор геноцида будет единственно объединяющим. Есть разные переходные варианты, и объединяет это все самосознание. Пока человек ощущает или хотя бы декларирует свое армянство, у него есть возможность актуализации своей идентичности, то есть это – потенциальная идентичность».

Эксперт 5. «Есть какие-то элементы, которые едины для всех нас: для армянина в Оттаве, для армян в Армении – это язык, религия, память о Геноциде. Армянское государство не стало этим унифицирующим символом.

Новые армянские общины, сформировавшиеся после 90-х в России, США и в др. странах, объединяют социально-экономические проблемы. Вот конкретный пример, того же самого Кисловодска или Минвод, там в большинстве своем армяне – выходцы из Нагорного Карабаха, есть люди, которые физически принимали участие в Первой Карабахской войне, победили в этой войне, однако социально-экономические проблемы побудили их уехать.

Тема Карабаха, а, тем более, Геноцида армян 1915 года, в этом случае второстепенны. Простой пример: мы говорим “церковь”, “язык”, “религия” и т.д., но в России очень распространены случаи, когда детей крестят не в Армянской Апостольской церкви, а в Русских Православных храмах, потому что там дешевле. Это может быть очень приземленный пример, но это – пример влияния экономического фактора».

Эксперт 6. «Мы 30 лет думаем, как консолидировать Диаспору вокруг нас, хотя, мне кажется, что это невозможно, так как диаспора – очень разная, и необходимо работать с каждой общиной по отдельности. При том, что эти общины могут иметь очень различные друг от друга повестки, и государство должно работать с Диаспорой, учитывая данную повестку.

Форумы “Армения-Диаспора” не могут решить вопрос консолидации, и, не думаю, что всем армянским общинам нужно это объединение по причине различия интересов. Единым элементом армянской идентичности может быть государство “Армения”».

Эксперт 7. «2/3 часть армян проживает за пределами Армении, так исторически сложилось. Образовалась Диаспора в результате Геноцида. Появляется новый пласт Диаспоры. Интересно, что “старая” Диаспора не очень радостно принимает новичков. Аргументируя свой переезд геноцидом, представители “старой” Диаспоры задаются вопросом, почему “новички” покидают свою Родину, кто их истребляет? В ответ звучат оправдания о низком экономическом уровне жизни в Армении. Намечается интересное столкновение идентичностей между старыми общинами Диаспоры и “новичками”. Между Диаспорой и Армянским государством есть некое недопонимание, Диаспора не только финансовый донор, а РА, в свою очередь, имеет свои обязательства перед Диаспорой. Ликвидация Министерства Диаспоры (пусть даже символически действующего) отдалило Диаспору от государства. Мы не видим реальной государственной политики, направленной на поддержание общин Диаспоры в кризисные ситуации, у нас –

ситуативная политика. Нет концепта реальной политики, в отличие, например, от Израиля, где действуют несколько ведомств. Остаются многочисленные вопросы, необходимо их досконально изучить».

Эксперт 8. «Дiasпора, как организованная сила, отсутствует. Доказательство – перекрытие дорог в США. Сильная Армянская diasпора – миф, она провинциальна. Проявление гражданственности – принятие ошибок, признание слабых сторон».

Эксперт 9. «Единство на 40%, остальные 60 – это нередко отражение того, с чем люди уехали из Армении (Арарат, абрикос, лаваш, Армения – колыбель человечества и музей под открытым небом) и того, с чем остались местные (настоящие реалии, желание преобразовать представление о Родине, ее идентификаторы, ассоциации и “не жить одним прошлым”). Причем, желанием преобразовать, осовременить идентификаторы Армении “горят” репатрианты в своем большинстве».

Эксперт 10. «Это важный вопрос, но требует очень развернутого ответа, я скажу коротко: в течение последних десятилетий в Армении был принят лозунг “Одна нация – одна культура”, я считаю, что этот лозунг был совершенно бессмысленным, потому что Diasпора и Армения – это две совершенно разные субстанции. Они так же имеют и различную историю; мы должны понять, как я уже говорил о том, что в обществе есть очень много разных групп, которые должны вместе работать и пытаться гармонизировать свои интересы, Diasпора и Армения – это разные вещи, которые должны работать каким-то образом вместе, и пытаться гармонизировать свои интересы. Если мы будем говорить о том, что Diasпора и Армения – это одно и то же, то это просто, извините, совершенно ни к чему не приведет. Есть много хороших знакомых, даже друзей, занимающих достаточно серьезные позиции в этой самой diasпоре, которые говорят: “Извините, но это не наша родина”. Если вы даже живете где-нибудь там в Америке, вы знаете, что у вас где-то есть родина, но оказывается –

нет, наша родина безвозвратно потеряна. Все бессмысленные разговоры о том, что все армяне вернуться когда-нибудь в Армению, это – несерьезное отношение и, мне было очень интересно, когда месяц назад с онлайн-лекцией выступал Айк Ошакан, внук великого Акопа Ошакана, который напрямую сказал (конечно, он не первый), что “Ребята, извините, Диаспора наконец должна понять, что у нее есть свои собственные интересы, и не думать о том, что единственная ее роль и цель – это способствовать существованию республики, – это две разные вещи”. Думаю, мы должны понять и действовать таким же образом.

Не знаю, мне кажется, что особенных больших унификаций нет, есть какие-то символы: символом был Карабах, которого скоро не будет, символом является Арарат, Вардан Мамиконян, есть какие-то тривиальные символы и т.д.».

Эксперт 11. «Я уже частично ответил на этот вопрос, сказал уже, что столпы и корни у нас одинаковые, но поразительно, как раз вчера я встречался с ливанским армянином, который живет во Франции, а до этого жил и учился в Штатах, невероятно отличающийся человек. Мы все армяне, и все такие разные, что и описать невозможно. Но это наша реальность».

Глава VIII. Интерпретация и анализ результатов экспертного опроса

**Н.А. Дунамалян,
И.А. Карамян,
Т.А. Оганесян,
О.Л. Саркисян**

Развитие обществ с необходимостью приводит к трансформации идентичностей. Это происходит особенно интенсивно в периоды коренных социально-политических изменений. Развал СССР, возникновение и становление независимых государств на постсоветском пространстве стимулировали изменения во всех сферах общественной жизни, что, в свою очередь, детерминировало процесс интенсивной трансформации идентичности в обществах этих государств. Этот процесс на постсоветском пространстве имел определенные общие характеристики, но в каждом конкретном государстве имел и свои специфические черты. В некоторых государствах процесс этой трансформации был направлен в русло целенаправленного конструирования идентичности, что позволяет утверждать об особой политике нациестроительства (или политике идентичности). Так, в обществах с полиэтничным и поликонфессиональным населением особо актуальным стал вопрос конструирования надэтнической гражданской нации. В Республике Армения же, с моноэтничным и преимущественно моноконфессиональным населением, проблема развития гражданской идентичности, на наш взгляд, выпала из орбиты целенаправленной политики государства, а происходившие трансформации носили спонтанный характер.

Проведение серии глубинных интервью с армянскими экспертами из различных сфер важно с точки зрения понимания тех подходов, которые распространены в экспертной среде и в обществе, в целом. Дело в том, что определенные акценты, конструирующие тот или иной тренд, во многом могут служить объектом анализа и стать

основой для нового знания. Так, главным предметом настоящего исследования является «армянская» трактовка идентичности как обозначения принадлежности к какой-либо группе. Большинство опрошенных экспертов отметили, что самая ярко выраженная форма идентичности для армян – этническая, далее идет религиозная, а потом и другие (Рис. 1).

Рисунок 1. Какая идентичность становится самой сильной с точки зрения эмоциональной связи и возможностей мобилизации: социальная, культурная, политическая, этническая, религиозная или иная?

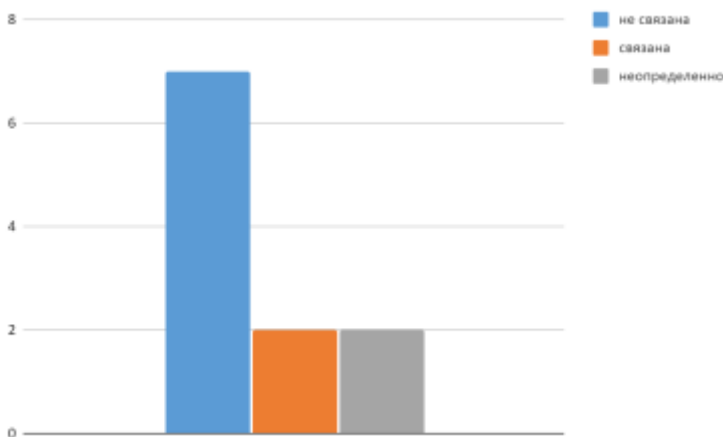
Обозначение армянской идентичности как «этнической» можно связать с несколькими элементами: продолжительное отсутствие государственности, наличие Диаспоры, фактор культурного и религиозного обособления. В широком смысле, данный комплекс, формирующий армянскую идентичность можно назвать «этнокультурным»¹⁵⁹, так как церковь, язык, письменность, традиции стали для армянского этноса неким инструментарием сохранения самобытности и формирования полноценной

¹⁵⁹ Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты // «Полис. Политические исследования», 2020. № 2. СС. 53–72: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05>.

системы функционирования армянских сообществ, будь то в Республике Армения или за ее пределами.

Ответ на вопрос о связи гражданственности и лояльности логически связан с этнокультурным или «этноконфессиональным» пониманием армянской идентичности¹⁶⁰, поскольку респонденты однозначно не связывают понятия «государственность», «гражданственность» и «лояльность». В случае граждан Армении отсутствует осознание различий между государством, властью, правительством и другими феноменами. Здесь гражданственность может противопоставляться государству, ассоциируемому с конкретными государственными деятелями. Как следствие, лояльность государству и гражданственность не считаются однозначно связанными явлениями (Рис. 2).

Рисунок 2. Связь гражданственности с лояльностью власти.

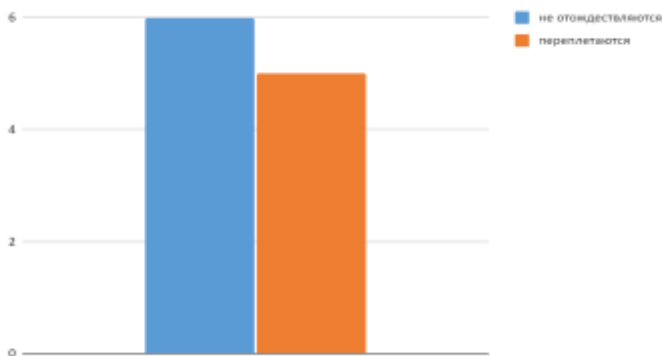

¹⁶⁰ Саркисян О.Л. Армянская идентичность: проблема синтеза моделей «культурно-исторической» и «государственной» нации // Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации: Материалы международной научной конференции. Ер.: Изд-во РАУ. 2017. СС. 134–152.

Стоит также отметить особое мнение об армянах Диаспоры, которые строят свою идентичность на основе памяти об исторической родине, которая не совпадает с границами современной Армении¹⁶¹. Общей чертой граждан Армении и представителей Диаспоры можно отметить то обстоятельство, что образ государства формируется на основе некоего идеала, которого не существует в реальности.

Проблема отсутствия единого взгляда на роль государства и государственности в развитии армянской нации ведет к отождествлению понятий «национальная», «государственная» и «гражданская» идентичности. В ходе опроса голоса разделились почти поровну, так как половина опрошенных посчитала, что данные понятия переплетаются (в основном имеются в виду «национальная» и «гражданская» идентичности). Те же, кто ответили отрицательно, ссылались на моноэтничность населения и, конечно же, на фактор Армянской диаспоры (Рис. 3).

Рисунок 3. Возможно ли, во избежание излишней сложности и терминологической путаницы, отождествлять «государственную», «национальную» и «гражданскую» идентичности?

¹⁶¹ Брубейкер Р. Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // «Диаспоры», 2000, № 3. С. 6.

«Внешняя» часть опроса связана с анализом проблем «стихийного» формирования гражданской идентичности, роли религиозных институтов, наличия «постсоветской» идентичности и вопроса применимости «западных» теорий. Так, стихийное становление гражданской идентичности считается большинством экспертов вполне возможным, так как в большинстве случаев этот процесс настраивается с помощью внешних сил, негосударственных институтов и т.д. Но для того, чтобы процесс формирования гражданской идентичности в Армении удался, необходимо вмешательство государства, которое может сформулировать определенную стратегию, включающую и образ «идеального гражданина».

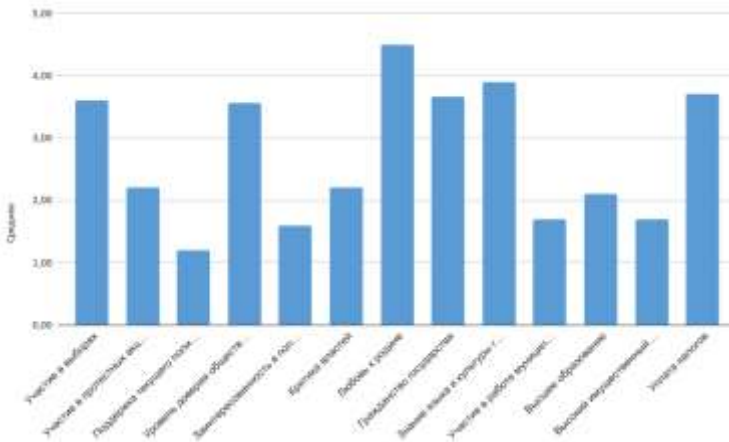
Центральным институтом в сохранении армянской идентичности можно назвать Армянскую Апостольскую церковь, что подтверждается большинством экспертов. Однако сегодня влияние церкви на развитие гражданской идентичности может быть как положительной, так и отрицательной. Среди опрошенных встречается подход, который категорически отказывается связывать гражданственность с религиозностью. Есть также понимание переменчивого и разнородного соотношения этих двух видов идентичности.

Переходя на уровень «региональной» идентичности, интересно, что многие из опрошенных не считают «постсоветскую» идентичность реальной или называют ее «незначимой» в сложившихся условиях, признавая ее незначительное влияние по сравнению с национально-культурной идентичностью. Некоторые эксперты ставят под сомнение и существование единой советской идентичности. Однако есть и обратное представление, что «постсоветская» идентичность объединяет страны бывшего СССР, не имеющие сильно выраженной национальной идентичности, сохраняя память о советской культуре и общесоветской идентичности.

Рассуждая об общности и различиях «постсоветских» идентичностей и особенностях армянской модели, стоит заметить, что

подходы, исследующие проблемы влияния этничности на политику и становление национализма как такового, сталкиваются с спецификой конкретных государств, и место армянской нации в этом вопросе одно из наиболее уникальных. Исходя из этого, можно поставить вопрос: работают ли западные теории в случае описания армянской идентичности? Эксперты, участвовавшие в опросе, отвечали по-разному: с одной стороны, любые подходы должны пропускаться через фильтр армянской действительности, но, с другой – западные концепции, как и все другие, должны быть локализованы, не противопоставляемы, не «имплементированы», а именно локализованы, учитывая особенности страны и нации. Отмечалось также, что наука не имеет национальности, даже если это – гуманитарная наука, когда говорим о методах и о концептах, а не конкретно о содержании.

Рисунок 4. Какое из следующих понятий наиболее близко к описанию понятия «гражданская идентичность» (5 – очень близко, 1 – совершенно не имеет отношения)?

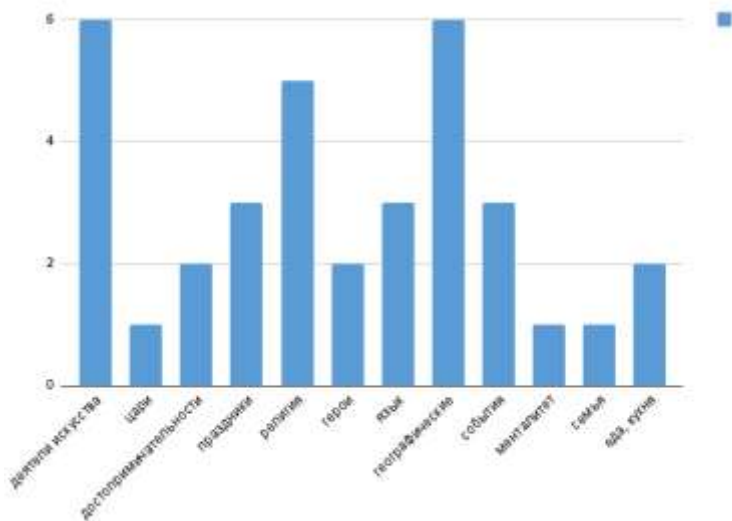

«Национальный» блок открывает вопрос о близости некоторых явлений к понятию «гражданская идентичность». Армянские эксперты выделили в первой пятерке понятий «любовь к ро-

дине», «знание языка и культуры государства», «уплату налогов», «гражданство государства» и «участие в выборах». Нужно отметить, что «политическая» интерпретация гражданственности (критика власти, протест, поддержка политического курса и т.д.) довольно сильно отстала от вышеперечисленных индикаторов (Рис. 4).

Несмотря на то, что «гражданская идентичность» у армянских экспертов ассоциируется с образом «ответственного гражданина», символический портрет армянской идентичности все еще привязан к этнокультурному восприятию армянского сообщества, где «Гора Арарат» и «Комитас» остаются основными маркерами идентичности, а государство «Армения» упоминается, прежде всего, в рамках упоминания политической карты региона (Рис. 5).

Рисунок 5. Элементы символического портрета армянской идентичности.

К понятию «гражданственности» в современных реалиях развития армянской национальной идентичности эксперты отнесли следующие феномены:

- правовое взаимодействие между органами государственного управления и гражданами;
- ответственность за свою страну, свой язык и свою культуру;
- соотношение прав человека с правами и обязанностями;
- связь с государственностью, но с тем государством, которое должно быть;
- небезразличие;
- служба в армии;
- проявления патриотизма, готовность отдать жизнь за Родину;
- способность человека трезво оценивать текущую ситуацию в государстве
- ответственность за будущее Армении, активная профессиональная созидательная деятельность в Армении;
- принадлежность к среднему классу.

В контексте влияния трансформации традиционной (этнокультурной) модели армянской идентичности на развитие гражданской идентичности респонденты разделились на две группы. Первая группа связала развитие армянской гражданской идентичности с усилением основных элементов этнокультурной модели в качестве фундамента для развития самобытной гражданской культуры. По мнению другой группы, отдельные элементы этнокультурной идентичности мешают развитию гражданского сознания, и их отмирание может быть воспринято как позитивный процесс.

Отдельным вопросом является влияние Второй Арцахской войны на развитие гражданской идентичности, так как победа в первой войне позволила частично избавиться от комплекса жертвы, приобретенного во время геноцида армян в Османской

империи. В этом вопросе эксперты отмечали необходимость учета совершенных ошибок во избежание появления нового образа жертвы.

Что касается унифицированного элемента, объединяющего все армянство, то респонденты выделили следующие аспекты:

- быть полезным армянскому государству;
- историзм, связь с прошлым;
- язык;
- веру;
- национальные символы;
- экзистенциальное сиротство и изгнанничество;
- вопрос Геноцида;
- Арцах;
- социально-экономические проблемы;
- государство Армения.

Глава IX. Проблема соотношения восприятия гражданской и государственной идентичности в РА (в контексте сравнительного анализа с РФ)

**О.Л. Саркисян,
Н.А. Дунамалян,
С.О. Хачатурян**

На сегодняшний день в связи с социальной и политической трансформацией общественной реальности особый интерес вызывает процесс формирования и артикуляции идентичности в различных странах. В основе этого стоит проблема восприятия различных видов идентичности. Предполагалось, что идентичность, как универсальный конструкт, придет на смену многим «сущностно оспариваемым концепциям»¹⁶² (например, как демократия, справедливость, искусство и т.д.), однако же на сегодняшний день сама идентичность, как концепция, становится таковой. Р. Брубейкер отмечал, что аналитическая ценность понятия «идентичность» умалается по мере умножения смыслов, ведь «если идентичность находится везде, то ее нет нигде»¹⁶³.

Различные факторы влияют на умножение смыслов идентичности, что напрямую меняет контекст восприятия и самоидентификации личности. Рассмотрение специфики развития гражданской идентичности на постсоветском пространстве на примере России и Армении, на первый взгляд, может показаться довольно некорректным, так как отличий между этими государствами больше, чем схожих черт. Однако эти два государства и общества представляют собой уникальные модели политики идентичности,

¹⁶² Gallie W. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society, Vol.56, 1956. PP. 167–198.

¹⁶³ Брубейкер Р. Этничность без групп [Текст] / Пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2012. 408с. (Социальная теория). 1000 экз. ISBN 978-5-7598-0973-9 (в пер.)

которые не могут быть включены в общий ряд постсоветских республик, конструирующих свою идентичность на основе этнонационализма с опорой на государственность/гражданственность. Безусловно, похожие тенденции существуют в России и Армении, но основы построения отношений между различными группами внутри государства сильно различаются. В России, несмотря на подчеркнутый этатизм, развивается «национально-цивилизационная» или «макрополитическая» идентичность, входящая в противоречие с этнонационализмом на федеральном и местном уровнях, а также препятствующая тенденциям изоляционизма. Армянская национальная идентичность выходит далеко за рамки границ современного армянского государства, вовлекая в свою орбиту диаспоральные общины и Арцах и, находясь в процессе трансформации, пересматривая основы модели этноконфессиональной общности сквозь переосмысление феномена армянской государственности, хотя здесь до сих пор этнокультурный фактор доминирует и во многом противостоит приоритетам развития государства на различных уровнях. В случае иных моделей постсоветских идентичностей проблема развития этнонационализма сращивается с контекстом гражданственности, приобретая форму «национализирующего государства». Из этого ряда, возможно, выделяется Молдова, стремящаяся к интеграции с Румынией, однако в большинстве постсоветских республик подчеркивается приверженность к государству и отождествление себя с титульной нацией (Рис. 1.). Также сказывается отсутствие долгой государственной традиции стран постсоветского пространства, способствующей использованию политики идентичности в целях укрепления власти и построения иерархии социально-политических отношений¹⁶⁴.

¹⁶⁴ Казаринова Д.Б., Дунамалян Н.А. Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции // «Политическая наука», 2022. № 1. СС. 52–79. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.02>

Рисунок 1. Соотношение числа титульной нации и меньшинств в бывших союзных республиках, согласно переписи 1989г. и текущим данным.

Источник: <http://www.demoscope.ru/>

Формат «национализирующего государства», если придерживаться терминологии Брубейкера, лучше всего описывает модели развития постсоветских идентичностей, поскольку факторы

национальных меньшинств и «внешних родин» на всем постсоветском пространстве нейтрализуются в «мягкой» (инкорпорация элит) или «жесткой» (этнические чистки) форме¹⁶⁵. К примеру, вытеснение армянского фактора из региона Нагорного Карабаха (Арцаха) воспринимается идеологами политики идентичности в Азербайджане как решение этих двух проблем. Те же примеры конфликтов в Украине, Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане и других странах можно считать издержками этнонациональной политики элит.

При всей схожести некоторых признаков Россия и Армения выпадают из этого ряда государств. Государственное устройство РФ, национальная политика и постсоветское наследие (прежде всего, в социально-экономической сфере) не дает возможности политической элите государства выбрать этнонациональную модель политики идентичности, так как необходима более гибкий подход. В российском законодательстве нет определения понятия «национальное меньшинство», и эта проблема периодически возникает при ратификации той или иной международной конвенции, так как любой гражданин РФ может стать частью российского «макрополитического» сообщества¹⁶⁶, однако, с другой стороны, борьба с этнонационализмом в границах автономных республик заставляет использовать «цивилизационный» фактор¹⁶⁷. Моноэтническая Ар-

¹⁶⁵ *Brubaker R.* National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe. *Daedalus*, 1995, 124 (2), 107–132: <http://www.jstor.org/stable/20027299>.

¹⁶⁶ *Малинова О.Ю.* Символическое единство нации? Репрезентация макрополитического сообщества в предвыборной риторике Владимира Путина // “Pro et Contra”, 2012, т. 16. № 3. СС. 76–93.

¹⁶⁷ *Пантин В.И.* Национально-цивилизационная идентичность и политические трансформации в современном мире // Политическая идентичность и политика идентичности, т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Под ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. СС. 114–132.

нения, в свою очередь, во многом воспринимается как пример этнонационального государства, но этнокультурная модель идентичности не стыкуется с элементом государственности в качестве органической составляющей национальной идентичности. Именно поэтому была поставлена задача определить некоторые особенности восприятия российскими и армянскими экспертами понятия «гражданская идентичность» и его коннотаций¹⁶⁸.

На сегодняшний день иерархия и структура идентичностей в России и Армении значительно разнятся: это связано не только с историко-культурным багажом каждой страны, но и с характером современной политики идентичности, проводимой внутри каждого государства. Фундаментальным различием в вопросе восприятия доминантной и наиболее мобилизующей идентичности является соотношение этнокультурных и государственно-гражданских идентичностей. В ответах армянских экспертов прослеживается этно- и культуроцентристская позиция при выявлении наиболее значимой формы принадлежности. Причем в армянском дискурсе превалирует примордиалистский подход: понятие «нация» обозначает культурно-этническую принадлежность человека, в связи с этим соотносятся понятия этнической и национальной идентичности. *«У армян складывается самоидентификация, в основном, на базе нескольких положений, так сказать “столпов самоидентификации”:* 1. *это то, что мы армяне и мы уникальны, хотя бы потому, что Армения – одна из единствен-*

¹⁶⁸ Опрос проведен в июне – августе 2021 г. среди 12 экспертов из Республики Армении и в мае-июне 2022 г. среди 13 экспертов из Российской Федерации. Эксперты отбирались по принципу наибольшей авторитетности, компетентности и вовлеченности в академическую и управленческую деятельность, связанную с тематикой исследования. В пул экспертов вошли представители трех категорий: академические ученые, специалисты – практики государственной службы, представители гражданского общества (далее по тексту: эксперт А№ – армянский эксперт, эксперт Р№ – российский эксперт).

ных стран в мире, где 97% населения являются этническими армянами. Это – гомогенная, этнически однородная страна в мире» (эксперт А 12); «У нас больше развита этническая самоидентификация, что само по себе не плохо, но, к сожалению, гражданское сознание несравнимо менее развито и слабо проявляется в публичной политике» (эксперт А2).

Примечательный факт, характеризующий армянскую само-сть, отмечают два эксперта: «Когда люди говорят о том, что они армяне, то они имеют в виду не то, что они граждане того или другого государства, а свою этническую принадлежность» (эксперт А5) и «Да, как армяне, они осознают свою принадлежность, но как граждане Армении (как строится связь между государством и обществом, а также гражданственность) они не представляют» (эксперт А2). Основной предпосылкой подобной самоидентификации является отсутствие собственного независимого государства на протяжении столетий. Армянская нация веками была скреплена примордиалистскими культурными маркерами – род, этнос, религия. Условно, такую модель формирования национальной идентичности называют «культурно-исторической»¹⁶⁹.

Стоит также отметить, что в армянском обществе сохраняются традиционные тесные межличностные связи, а идентичность приобретает более локальный характер: родовая, клановая и региональная идентичность. Констатация данного факта не дает оценку данным типам самоидентификации, но при их абсолютизации можно наблюдать низкий уровень гражданственности и отход от идей государственности. Также особенно выделяется религиозная идентичность. Большинство экспертов отмечает определяющее влияние фактора Армянской Апостольской

¹⁶⁹ См.: Саркисян О.Л. Армянская идентичность: проблема синтеза моделей «культурно-исторической» и «государственной» нации // Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации: материалы международной научной конференции (3–4 ноября 2017г.). Ер.: Изд-во РАУ, 2017.

церкви на самосознание армян. *«Вторым слоем идентичности можно назвать “религиозный”, который служит не столько консолидирующей, сколько отделяющей принадлежностью, то есть разделения на мы/они»* (эксперт А7). *«Наша Апостольская церковь – одна из главных столпов нашей идентичности. Мы считаем нашу Церковь национальной. Мы не в чистом виде приняли христианство, подогнав под наши устои, сохранив некоторые языческие праздники»* (эксперт А8). В структуре армянской идентичности религия занимает одно из важнейших положений. Принятие христианства способствовало унификации армянского этноса. Религиозные институты в культурно-исторической модели формирования национальной идентичности заменяют государственные структуры и выполняют их функции.

Также важным элементом в формировании этнической идентичности называется армянская семья: поскольку до сих пор армянский народ связан тесными родовыми связями. В традиционном армянском быту укоренилась системы крупных патриархальных общин¹⁷⁰. *«Армянская семья также является одним из важнейших столпов нашей идентичности. Ребенок воспитывается в семье, где ему прививаются важные атрибуты, элементы идентичности»* (эксперт А8).

Рассматривая в данном контексте ответы российского экспертного сообщества, можно отметить совершенно иной подход к определению состояния идентичности. Во-первых, среди российского академического сообщества отсутствует единодушие при выявлении доминирующей идентичности внутри государства: ответы представляют собой большой разброс мнений. В отличие от армянской реальности, где можно выделить этнический

¹⁷⁰ Тер-Саркисянц А.Е. Армяне Нагорного Карабаха: История. Культура. Традиции / А.Е. Тер-Саркисянц; Институт политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. М.: НП ИД «Русская панорама», 2015.

фактор, в качестве основного, при самоидентификации, в российском обществе трудно выделить один конкретный элемент, что обусловлено совершенно иным процессом формирования государства и идентичности. Сложно определить основу самости в контексте многонационального государства имперского типа. Разнообразие ответов предполагает самые разные варианты, так, например, один из экспертов даже выделил идентичность ценностей первого порядка: *«В России, конечно, ценности первого порядка, в очень большой степени, – это справедливость»*, – эксперт P1.

Во-вторых, несмотря на разнообразие ответов относительно процессов, связанных с идентичностью, эксперты четко разграничивают мобилизующие идентичности, а треть экспертов отмечает одни и те же типы: этническую и религиозную. *«Из литературы мы знаем, что этническая и религиозная идентичности легко мобилизуются, и весь постсоветский опыт нам показывает, как это происходит»* (эксперт P5); *«Этническая и конфессиональная идентичность имеют больший мобилизационный потенциал»* (эксперт P10). Однако особое внимание уделяется разнообразию идентичностей внутри страны в связи с уникальным территориальным устройством. Обширность России с ее особым историческим путем построения государства на сегодняшний день представлена наложением смыслов при самоидентификации, трансгрессией идентичности, неопределенностью и хаотичностью процесса формирования идентичности. Страна разнится от региона к региону, вывести «среднее арифметическое» по идентичности не представляется возможным. *«Например, у нас в регионе большой потенциал мобилизационный имеет этническая идентичность. Я не уверена, что подобная ситуация в каком-то другом регионе, например, в Центральной России или на Дальнем Востоке, имеет место быть»*; *«Для имперской периферии я бы сказала, этнонациональные чувства в структуре идентичности выражены сильнее, чем для Российской Федерации, прежде всего, ядра Российской Феде-*

рации, потому что общая обстановка, самочувствие людей, интересы людей, как показывают опросы в ряде республик, отличаются» (эксперт Р8); «Иногда региональная идентичность здесь накладывается на этническую, следовательно, в таких случаях, как Татарстан, Башкортостан, Ингушетия можно говорить о конкуренции этих идентичностей и политик по их формированию» (эксперт Р9).

В-третьих, российские эксперты делают особый акцент на гражданской идентичности, которая занимает особенное место в их риторике. Армянские эксперты, понимая необходимость закрепления смыслов гражданственности в армянском обществе, все-таки не так часто и предметно апеллируют к концепту гражданской идентичности. При этом в ответах российского экспертного сообщества раскрываются сложности внедрения данного концепта уже внутри страны, так как присутствует неопределенность термина «российскость»: «Что касается национальной идентичности, мне кажется, что для обсуждения российского контекста это всегда нужно использовать с поправкой, потому что у нас есть разные способы понимания того, что такое национальное в российском контексте – и в силу традиции национализации этничности: может быть, кто-то скажет, что национальное – это русский, татарин, чеченец и т.д., а не россиянин, тем более, что мы знаем, что сам термин “российскость” не очень прижился, и к нему тоже разное отношение у разных групп» (эксперт Р5).

К тому же, можно выделить ложную дихотомию этничности/гражданственности, а также непонимание конечного формата этой самой гражданской идентичности: с одной стороны, проводится пропаганда идей гражданственности, с другой – русскому этносу придают особую значимость, так эксперт Р4 напоминает: «В Конституцию России внесли о государствообразующем русском народе, о русском языке, о религии упоминание». Выделение одного этнического компонента внутри многонацио-

нального народа противоречит самой политике насаждения ценностей гражданственности. Порой это может приводить к радикальной интерпретации этничности и популяризации маргинальных представлений о национальной идеологии. *«В России – не так просто. Понятия “российское” и “русское” часто не разводятся, следовательно, вопрос о сочетании национальной и иных идентичностей стоит очень остро»* (эксперт Р9). Стоит отметить, что данные вопросы представляют сложность уже на уровне академического дискурса, в рамках которого нет согласия относительно методологии и конструирования единого формата синтетической идентичности. Соответственно, на уровне массового восприятия идеи привносятся в виде множественности поверхностных и ограниченных мифологем, которые не разрешают главной проблемы – они не дают ответа на вопрос: «Кто такой россиянин и как он соотносится с русским?». Отсутствие аксиологической базы, внутренняя противоречивость и множественность смыслов приводит к обесцениванию концепта гражданской российской идентичности.

На уровне научного сообщества есть понимание необходимости внедрения идей гражданственности для консолидации разобщенного населения России. Ответы российских экспертов свидетельствуют о попытках легитимации гражданской идентичности: *«Но что бы ни говорили, гражданская и российская идентичность – она первична: это касается языка, это касается работы, это касается отношений все равно»* (эксперт Р4). Однако политика идентичности по конструированию гражданственности не принесла ожидаемого результата в связи с непроработанностью внедрения различных аспектов гражданской идентичности в российскую реальность.

Рассматривая вопрос взаимосвязи гражданственности и государственности, в ответах можно выделить два диаметрально противоположных подхода. Конечно, эксперты обеих стран отмечают, что гражданская идентичность и лояльность государству

и политическим институтам не обязательно должны соотноситься прямо пропорционально. В рамках законности адекватная критика власти (а не идеи государственности) даже является одним из проявлений гражданской позиции: *«Политический режим, политическую систему, политику властей можно критиковать. Какой это гражданин, если он утрачивает критическое мышление, не в смысле огульной критики, а в смысле реального взгляда на то, что в стране требует улучшения, что мешает стране развиваться. Нормальное мышление человека и гражданина – видеть недостатки и стремиться их преодолеть»* (эксперт Р10). Однако российские эксперты транслируют большую категоричность в этатистской приверженности, часть из них и вовсе разводят данные понятия: *«Моя личная оценка состоит в том, что патриотизм и лояльность к государству неразделимы»; «[Быть гражданином или даже патриотом и при этом не поддерживать текущей политической режим] в теории возможно, на практике – почти нет»* (эксперт Р3). Один из экспертов (Р7) говорит даже в негативной коннотации о нынешних проявлениях гражданственности: *«У нас общество, государство вошли в конфликт. Можно быть гражданином конкретного государства. А если это государство человек не признает, не любит и не ценит... Хорошее или плохое, какое угодно. Оно такое, какое дал Господь в данный период времени. И оно во многом зависит от человека. И когда люди говорят “государство”, они имеют в виду репрессивный институт правительства, задача которого подавлять различные инициативы различных деятелей, собирать налоги, подавлять протесты, поддерживать репрессивный аппарат, раздувать армию и т.д. А они такие милые гражданские активисты, которые должны сопротивляться этому государству»*.

Это связано, в первую очередь, с исторически сложившейся формой государственного управления России: самодержавие сформировало подданническую связь между государством и обществом; подобная культура подчинения связана с пассивным

политическим поведением граждан в связи с невозможностью иной формы взаимоотношений. Однако в данном случае происходит подмена понятий: пассивность представляется как лояльность, что искажает восприятие подобного соотношения. На смену Имперской России приходит Советский Союз, в основе которого была тоталитарная система управления. За изменением формы государства не последовало сущностного изменения в отношениях между государством и гражданином: логика функционирования оставалась прежней – данные понятия неотделимы и противоречить друг другу никак не могут. Это отмечает эксперт Р13: *«Советское общество формировало достаточно уникальный тип гражданина и гражданственности, который, конечно, был неотделим от социалистической системы, от социалистического государства, т.е. тип государственно-гражданской идентичности, т.е. советский человек и советский гражданин воспринимались как синонимы».*

Один из российских экспертов отмечает, что компонент «национального» сложно применим в отношении формирования российской идентичности: *«Мы не можем считать Россию национальным государством, поскольку у национального государства идеального типа есть ряд признаков, которых современная Россия не имеет. И это связано с наличием в российском государстве многих имперских черт и, в частности, отсутствие стандартизации и унификации управления. Это как раз очень показательно. Управление в ручном режиме и наличие сильных неформальных механизмов, которые включаются в процесс управления – это признаки идеального типа империи, но не национального государства. Это же связано и с характером легитимации власти в империях, и в национальных государствах, и это даже связано с пониманием границы. Для национального государства границы, пространство территории, пространство принадлежности – это сакральная вещь, потому что границы определяют судьбу человека. Любой житель этих стран, национальных*

государств, понимает это и отсюда другое отношение к границам – даже сейчас, в период Евросоюза. Но для, так сказать, граждан бывших империй границы так не воспринимаются. Империи воспринимают окружающие территории как пространство, которым надо управлять и отсюда, конечно, возможности, связанные с ведением особого вида внешней политики и одобрение этого большей частью граждан, например. Это то, что касается национального государства. И наличие нации, понятие нации очень многозначно, но, безусловно, если мы берем идеальный тип, то нация воспринимается как политическое сообщество граждан». Следование логике империи создает трудности в процессе формирования идентичности: при постоянно меняющемся фронтире и поглощении идентичностей основа для самоидентификации многонационального народа должна носить политический и/или гражданский характер, исключая этнический компонент.

В армянском дискурсе мы можем наблюдать совершенно иную тенденцию. Во-первых, в отличие от российских экспертов, ни один из армянских экспертов не высказался за абсолютное соотнесение гражданской идентичности и лояльности государству: *«Ощущение принадлежности к тому или иному государству – это чаще всего не про поддержку существующей власти. Это, в первую очередь, связь с государством на уровне менталитета, истории, культуры, образования. Быть гражданином – это чувствовать ответственность за страну, быть активным гражданином – это реализовывать свое чувство ответственности на разных уровнях и разных сферах деятельности во благо государства»* (эксперт А10). Во-вторых, в армянском академическом сообществе четко разграничивают идею государственности, как концепта существования независимого государства, и сферу политического, которая реализуется через политический режим, действующее правительство и представителей политической элиты: *«Естественно, это так и есть, и это должно быть так. Человек может быть гражданином страны и выйти против*

того режима, который существует в стране. Необязательно, чтоб политический режим соответствовал чаяниям всех жителей и граждан этого государства» (эксперт А10). В-третьих, армянские эксперты не просто единодушны в позиции возможного противопоставления гражданственности и государственности, часть из них отмечает, что понятие «гражданственность», наоборот, по своей сущности может и должно находиться в оппозиции к понятию «государственность»: «Государство и гражданственность связаны и влияют друг на друга, но это совсем не означает, что гражданская идентичность соответствует лояльности режиму. Здесь мы говорим о лояльности государству, а не власти», «Гражданственность – не в лояльности конкретному правительству, его институтам и нормам, а в требовании, чтобы они соответствовали требованиям справедливости и общественного блага. Правительство и государство должны служить обществу, а не наоборот» (эксперт А3); «Наоборот, гражданская идентичность предполагает гражданскую требовательность, так как происхождение власти происходит от граждан, и требование к государственным органам исполнять свои полномочия как бы должно является основой для гражданской идентичности...Быть гражданином не означает быть лояльным, и иногда это противопоставляемые понятия» (эксперт А2).

Глубинные причины подобного отношения можно найти в истории становления суверенного армянского государства. Многовековое отсутствие государственности и вхождение армянских территорий в состав других государств способствовали формированию антагонистического отношения армянского населения к государственным структурам, которые зачастую выполняли роль репрессивного аппарата и реализовывали дискриминационную политику в отношении армян. В связи с этим взаимоотношения гражданского общества и армянского государства зачастую находятся в состоянии конфликта и противопоставления. Так одним из столпов современной армянской гражданской идентичности

является Арцахское (Карабахское) движение: именно тогда политическая культура стала реализовываться через правовые методы проявления несогласия. Современная история становления Республики Армения свидетельствует о формировании гражданской протестной культуры¹⁷¹. На сегодняшний день, несмотря на наличие собственного независимого государства, отношение к властным структурам зачастую носит непримиримый или равнодушный характер, однако при этом гражданин может совершенно положительно относиться к своей стране, исключая политическую сферу.

Еще одним важным аспектом восприятия является вопрос терминологического отождествления «государственной», «национальной» и «гражданской» идентичностей. На уровне научного сообщества в рамках методологии эксперты обеих стран разводят данные понятия, апеллируя к научным концепциям и отмечая их сущностное значение. Однако же, в действительности, структура общества предопределяет восприятие данных понятий. Например, российский дискурс не предполагает полнейшего соотношения: *«Гражданская идентичность никак не может быть синонимом государственной и национальной»* (эксперт Р10); *«Национальную идентичность часто отождествляют с государственной, потому что, по умолчанию, национальное государство приравнивается к государству вообще, но это совершенно неверно. Траектории государственного строительства очень различаются в современном мире и, особенно, на постсоветском пространстве»* (эксперт Р9). Терминологическая путаница, связана с процессом формирования многонациональной России. При сохранении этнической составляющей вводятся унифицирующие концепты гражданственности и государственности, в связи с

¹⁷¹ Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты // «Полис. Политические исследования», 2020. № 2. С. 65: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05>

этим идентичности накладываются друг на друга, формируя множество гибридных идентичностей. Так эксперт Р4 отмечает: *«Это достаточно разные вещи, потому что, если начать с национальной, есть уровень общегосударственный, если касается уровня всего государства, три вещи совпадают. Но если мы говорим, что мы находимся в пространстве, как татары и мусульмане, то есть, по крайней мере, региональный уровень Татарстана есть уровень всего татарского мира, и есть уровень отношений с тюркскими государствами».*

Иная картина наблюдается в армянском дискурсе: признавая методологическую невозможность отождествления, армянские эксперты говорят о тесном переплетении данных понятий в реальности, что обусловлено историческим путем формирования армянской нации и государства: *«Это – принципиально разные вещи, то есть мы, хотя бы как профессионалы, это понимаем. Но я согласен в том плане, что для простого жителя, для простого гражданина Армении, это выглядит примерно одинаково. Для них резкого разделения нет, потому что у нас профессиональный подход, мы понимаем, что это, действительно, разные вещи»* (эксперт А12); *«У нас национальная и политическая понятия идентичны. В других государствах большая мозаика идентичностей»;* *«В случае с моноэтничным государством, все это переплетается. В Армении мы имеем дело с моноэтничным населением, 97% составляют армяне и остальная часть – национальные меньшинства. В этом случае, говоря о национальной лояльности, можно сказать, что “государственная”, “национальная” и “гражданская” идентичности переплетаются в единое целое»* (эксперт Р6). Более того, национальная и гражданская идентичность внутри государства совпадают даже у представителей нетитульной нации. Это отмечает эксперт А8: *«Во время Третьей Арцахской войны представители национальных меньшинств езиды и ассирийцы, наравне с армянами, сражались за отечество, были сделаны заявления... “Мы считаем Армению Отечеством и готовы отдать жизнь за Отечество”.* В данном

случае, конечно, езиды и ассирийцы – совершенно другая этническая группа, но их восприятие Армении, как Родины, и готовность пожертвовать за нее жизнь, сражаться за ее рубежи вызывает восхищение. Их национальная идентичность остается незыблемой, никто не претендует на то, чтобы “превратить” их в армян, но, в данном случае, их идентичность сопоставляется с гражданской и национальной идентичностью армянского народа. Это – взаимный процесс. Если бы армяне вели по их отношению дискриминационную политику, то такой бы лояльности, конечно, мы от них никогда не получили бы. Все взаимно».

Невозможность отождествления данных понятий в армянском дискурсе связывают, в первую очередь, с фактором диаспоры и противопоставлением этнического компонента гражданскому и государственному вне армянского государства: «В нашем случае, национальное, гражданское и государственное не могут отождествляться, что обусловлено фактором диаспоры. Армянская национальная идентичность включает, частично, гражданскую идентичность армян Армении и сообществ, имеющих иную гражданскую идентичность, но принадлежащих к одному этносу», (эксперт А2); «В нашем случае ситуация немного другая – у нас есть большая Диаспора – поэтому национальная идентичность рассматривается более широко. Если же мы говорим о нации-государстве “Армения”, то тут мы можем ставить знак равенства» (эксперт А4). У армян Диаспоры формируется многослойная идентичность, вбирающая в себя нормы и паттерны нескольких культур и реалий. Зачастую, доминирующей идентичностью становится гражданская: армяне становятся гражданами той страны, в которой живут и в контексте которой видят свое будущее. Армения же воспринимается как историческая Родина, территория которой не ограничивается современным армянским государством. Республика Армения приобретает форму политического образования, которое позволяет армянам Диаспоры связывать себя со всей армянской нацией. Однако, при этом, может не происходить отождествления между понятиями «родина» и

«государство». Национальная идентичность в этом контексте распространяется на все армянство. Однако можно отметить и обратный процесс, когда армяне Диаспоры чувствуют себя «ментально» гражданами Армении и пытаются сформировать механизмы воздействия на политическую реальность армянского государства, находясь вне его территории.

Таким образом, несмотря на цивилизационное своеобразие России и Армении, колеблющееся между Западом и Востоком, определение четкой политики идентичности на данный момент остается проблемным вопросом и демонстрирует тенденцию перехода к новому качеству в рамках совмещения гражданско-государственной и этнической идентичности. Исторически схожие условия развития сообществ при нахождении в едином государстве через тридцать лет независимости подвергнутся радикальной трансформации, формирующей новые вызовы для политики идентичности.

Заключение

Возникновение и становление независимых государств на постсоветском пространстве стимулировали изменения во всех сферах общественной жизни, что, в свою очередь, детерминировало процесс интенсивной трансформации идентичности в обществах этих государств. Этот процесс на постсоветском пространстве имел определенные общие характеристики, но в каждом конкретном государстве имел и свои специфические черты. В некоторых государствах процесс этой трансформации был направлен в русло целенаправленного конструирования идентичности, что позволяет утверждать об особой политике нациестроительства (или политике идентичности). Так, в обществах с полиэтничным и поликонфессиональным населением особо актуальным стал вопрос конструирования надэтнической гражданской нации. В Республике Армения же с моноэтничным и преимущественно моноконфессиональным населением проблема развития гражданской идентичности выпала из орбиты целенаправленной политики государства, а происходившие трансформации носили спонтанный характер.

Обзор основных моделей постсоветских идентичностей, показывает продолжающийся процесс дистанцирования обществ бывшего СССР на основе возникновения новых форм восприятия социальных и политических явлений. Вместе с тем, даже в сфере международных отношений отдаление бывших союзных республик друг от друга и углубляющаяся регионализация ведет к формированию новых трансрегиональных проектов, которые в будущем также могут стать основой для какой-либо макрополитической идентичности. Кроме того, современные постсоветские республики продолжили трактовать общее прошлое по-своему, продвигая свою версию истории. Следствием такой интерпретации исторических фактов в соответствии с собственными интересами и конструирования своей версии исторических фактов становятся «войны памяти».

На политику нациестроительства на постсоветском пространстве повлияло также то, как народы воспринимали советский период своей истории. Во многих случаях формировался «постколониальный синдром». Советская эпоха представлялась как период колонизации и, соответственно, политика идентичности строилась на противопоставлении этому периоду. Политика отмежевания от советского прошлого часто превращалась в политику дистанцирования от России или даже – противопоставления ей. Наиболее ярким выражением подобной политики на Южном Кавказе является позиция Грузии. Позиция отмежевания от России у многих стран постсоветского пространства проявляется в усилении прозападной политики, что выражается в стремлении «вернуться в Европу». В Армении, где вплоть до последнего времени осознавалась важность стратегического партнерства с Россией, особенно в области безопасности, наоборот, большинство населения относилось к советскому прошлому позитивно. Азербайджан же занимал более умеренную позицию, демонстративно декларируя свою позицию нейтралитета. Хотя, с другой стороны, это государство интенсивно взаимодействовало с Турцией, подчеркивая свою тюркскую идентичность, а также всячески лоббировало свои интересы в организациях исламских государств, в то же время, позиционируя себя как абсолютно светское государство.

Политика нациестроительства в современном Азербайджане направлена на конструирование общеазербайджанской государственной идентичности и базируется на усилиях нивелировки религиозных и этноплеменных различий, с одной стороны, и противопоставлении армянскому началу, с другой. Необходимо признать, что конструирование на противопоставлении в краткосрочной перспективе дает серьезный эффект, но не может быть фактором долгосрочной стратегии нациестроительства. Возможное налаживание армяно-азербайджанских отношений может лишить азербайджанские власти важного ресурса национальной мобилизации. Победит ли новый конструктивный проект нацие-

строительства в Азербайджане или базисным останется антиармянский фактор, покажет будущее. В Грузии, как и в некоторых других государствах постсоветского пространства, причудливым образом сочетаются элементы этнонационализма и гражданского (государственного) национализма.

Основы современной армянской идентичности были сформированы в IV–VI вв. в результате реализации особой политики нациестроительства: принятие христианства в качестве государственной религии, процесс суверенизации-национализации Армянской церкви, изобретение национальных письмен, создание собственной письменной культуры и национальной системы образования. Эту модель, где нация формируется и развивается даже в условиях отсутствия государственности, где базовым ресурсом конструирования идентичности выступает цивилизационно-культурный ресурс, можно условно назвать «моделью культурной нации». Долгие века отсутствия армянской государственности, что означало включение армянства как на исторической родине, так и в разных общинах Диаспоры, в разные государственные образования, препятствовали формированию модели «гражданской нации». Отсюда – истоки своеобразного конфликта между этничностью и гражданственностью, который в определенной степени сохраняется и сегодня.

Армянская культурная идентичность в контексте советской национальной политики развивалась относительно линейно, вступая в «реакцию» с некоторыми политическими элементами признания Геноцида или Карабахской проблемы, но не отступая от модели культурного самосознания. Государственность воспринималась не как цель, а как инструмент обеспечения национально-культурного единства. Отсутствие собственного опыта государственного строительства придавало государству, как символу, чужеродные смыслы или связывало его с советским опытом.

Первые 20 лет независимости были ознаменованы как ростом протестной активности, так и снижением социально-экономического уровня отдельных групп населения. В этих условиях трудно было находить консенсус для решения различных политических задач. Проблемы, вызвавшие консолидацию населения, ассоциировались, прежде всего, с историко-культурной идентичностью армянского народа. В социальной, политической, идеологической и других сферах вакуум расширялся, но низкий уровень политической культуры не способствовал формированию новых политических движений или идеологических направлений.

Недоверие к властным элитам и высокий уровень бедности постепенно способствовали росту недоверия самому институту государства, а в дальнейшем – и другим политическим институтам. Общество стало самоорганизовываться «снизу», что выразилось в разных протестных акциях. Гражданские движения сформировали новую «гражданскую элиту». В результате смены властных элит после «бархатной революции» гражданские активисты «ушли» во власть, что значительно обеднило гражданское общество. Одновременно с этим, политические институты не оправались от эффекта революционных преобразований. Новая «революционная» элита имела претензию на формирование определенного типа гражданской идентичности на основе мифологизации «революции», избегания неформальных сторон политического и общественного взаимодействия, а также проведения неолиберальных экономических реформ, укрепляющих позиции института государства в качестве арбитра общественных отношений, но не «опекуна». Исходя из этого, неприятие обществом такой логики развития и конфликт между этнокультурным и гражданскими типами идентичности привело к новому витку социальных противоречий.

Распад СССР стал важным событием не только для армян, проживающих в Армении и Нагорном Карабахе, но и для мирового армянства в целом. Социально-политические практики в ар-

мянских общинах нуждались в пересмотре, а становление армянской государственности позволяло Диаспоре более активно включиться в этот процесс. Впоследствии возник ряд проблем, связанных с отсутствием какого-либо осознания связи между государством и Диаспорой. Вместе с тем, эмиграция из Армении и стран постсоветского пространства способствовало формированию так называемой «новой Диаспоры», часто формирующейся на основе принципа землячества. Социальные и политические реалии страны проживания армянских общин вносили свои коррективы в ценностные установки Диаспоры, определяя, таким образом, инструментарий и приоритеты сохранения армянской идентичности. Вместе с тем, жизнедеятельность армянских общин включала несколько аспектов, способствующих наслоению политической, культурной, этноконфессиональной, и даже профессиональной идентичностей. Почти все армянские общины (кроме отдельных специфических групп криптоармян) включены в процесс сложного «многополярного взаимодействия», конструирующего отношения Диаспоры и государства, однако единственной стержневой структурой, объединяющей все армянские общины, остается **армянская культура**. Культурный фактор является наиболее значимым для сплочения армянских общин и политически нейтральным элементом становления «диаспоральной» идентичности. Но, в то же время, надо понимать, что этнокультурные ценности трактуются по-разному в зависимости от конкретной армянской общины.

Проведение серии глубинных интервью с армянскими экспертами из различных сфер важно с точки зрения понимания тех подходов, которые распространены в экспертной среде и в обществе, в целом. Дело в том, что определенные акценты, конструирующие тот или иной тренд, во многом могут служить объектом анализа и стать основой для нового знания. Анализ ответов выявил новые грани и тонкости процесса самоидентификации.

Рассмотрение специфики развития гражданской идентичности на постсоветском пространстве на примере России и Армении, на первый взгляд, может показаться довольно некорректным, так как отличий между этими государствами больше, чем схожих черт. Однако эти два государства и общества представляют собой уникальные модели политики идентичности, которые не могут быть включены в общий ряд постсоветских республик, конструирующих свою идентичность на основе этнонационализма с опорой на государственность/гражданственность. Безусловно, похожие тенденции существуют в России и Армении, но основы построения отношений между различными группами внутри государства сильно отличаются. В России, несмотря на подчеркнутый этатизм, развивается «национально-цивилизационная» или «макрополитическая» идентичность, входящая в противоречие с этнонационализмом на федеральном и местном уровнях, а также препятствующая тенденциям изоляционизма. Армянская национальная идентичность выходит далеко за рамки границ современного армянского государства, вовлекая в свою орбиту диаспоральные общины, находясь в процессе трансформации и пересматривая основы модели этноконфессиональной общности сквозь переосмысление феномена армянской государственности, хотя здесь до сих пор этнокультурный фактор доминирует и во многом противостоит приоритетам развития государства на различных уровнях. В случае иных моделей постсоветских идентичностей проблема развития этнонационализма сращивается с контекстом гражданственности, приобретая форму «национализирующего государства».

После поражения во Второй Арцахской войне 2020г. для характеристики армянского общества все чаще используют словосочетание «кризис идентичности». Хотя после окончания войны прошло уже три года, но данный кризис на нынешнем этапе еще более углубляется в связи с падением Республики Арцах (Нагорно-Карабахская республика) и массовым исходом армянства из Арцаха в Армению. В этом контексте трансформируются

ценности общественного сознания, рушатся наличные мифы, общество атомизируется, теряя общие скрепы идентичности. Меняется также восприятие внешних акторов как «традиционных союзников» и «потенциальных врагов». В контексте наличного нарратива окончательная потеря Арцаха воспринимается как потеря суверенитета и начало распада государства. На наш же взгляд, мы имеем дело с началом построения новой модели армянской государственности с новыми нарративами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамян Л.* Армения и диаспора: расхождение и встреча // «21-й век», 2005, № 2.
2. *Адибебян А., Элибегова А.* Армянофобия в Азербайджане. Ер.: «Центр общественных связей и информации» при Аппарате президента Армении, 2013.
3. *Акопян А.А.* Проблема создания концепции взаимодействия Республики Армения и диаспоры в контексте становления стратегической культуры Армении // «Вестник Российско-Армянского университета, сер.: гуманитарные и общественные науки», 2018, № 3 (30)
4. *Арутюнян Ю.В.* Об этносоциологических исследованиях армян России // «Историко-филологический журнал», 2010, № 1. СС. 129–136.
5. *Атанесян А.В.* «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политикопротестной активности // «Полис. Политические исследования», 2018. № 6 DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06
6. *Ачкасов В.А.* Этнополитология: учебник для бакалавров / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2014.
7. *Бикетова Е., Чернышов Ю.* Нациестроительство республики Беларусь и европейский компонент белорусской идентичности // «Мировая экономика и международные отношения», 2018. Т. 62, № 1: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-94-103>.
8. *Брубейкер Р.* «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинami (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) Диаспоры», 2000, № 3.
9. *Брубейкер Р.* Этничность без групп [Текст] /Пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: «Изд. дом Высшей школы экономики», 2012. (Социальная теория). 1000 экз. ISBN 978-5-7598-0973-9 (в пер.).

10. *Ваал де Т.* Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. М.: «Политическая энциклопедия», 2014. С. 356.
11. *Варданян Т.* Грузия: идентичность в политических программах и действиях // «21-й век», № 3 (15), 2010. С. 50.
12. *Водолажская Т.* Идентичность гражданская // «Образовательная политика», 2010, № 5–6.
13. *Гавровская Е.А.* Независимый Туркменистан: идеологические аспекты национальной политики. Формирование нового дискурса // «Идеи и идеалы», 2010, № 1, ч. 2.
14. *Геворкян А.В.* Развитие и многообразие: «старая» и «новая» армянские диаспоры на на современном этапе // Рабочие доклады. Институт Кавказа, Ер., май 2017.
15. *Грицай Е., Николко М.* Украина: национальная идентичность в зеркале Другого. Вильнюс: ЕГУ, 2009.
16. *Грицай, Е., Николко М.* Украина: национальная идентичность в зеркале Другого. Вильнюс: ЕГУ, 2009. СС. 121–122.
17. *Гусейнова Н.* Принципы и приоритеты внешнеполитической деятельности Азербайджанской Республики // 30-летие конфликта в Нагорном Карабахе (сборник научных статей). М.: РУДН, 2019. СС. 151–153.
18. *Даудов А.Х., Алимджанов Б.А., Андреев А., Шорохов В., Янченко Д.* Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время и эпоху независимости // «Этнографическое обозрение», 2018, № 5.
19. *Дерлугьян Г.М.* Мировая война местного значения // Буря на Кавказе / Под ред. Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. С. 18.
20. *Дробижева Л.М.* Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе (тенденции и проблемы) // «Общественные науки и современность», 2008, вып. № 2.
21. *Дунамалян Н.А.* Институциональные основы культурной дипломатии Армении // «Вестник Российско-Армянского университета, сер.: гуманитарные и общественные науки», 2018. № 2 (29). СС. 34–37.

-
22. Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора: очерки социокультурной типологии / Ред. А. Искандарян; Ер.: "Caucasus Institute", 2009.
 23. Золян М. Исторический нарратив и репрезентация конфликта (еще раз о конфликте в Нагорном Карабахе и вокруг него) / Heinrich Boell Foundation Tbilisi Office South Caucasus Region. 2005. 15 января. Режим доступа: <https://ge.boell.org/en/2005/01/16/istoricheskiy-narrativ-i-reprezentaciya-konflikta-eshche-raz-o-konflikte-v-nagornom>.
 24. Золян М.С. «Бархатная революция» в Армении: достижения и неудачи. Южный Кавказ – 20 лет независимости. М.: «Фонд Фридриха Эберта», 2011.
 25. Золян М.С. Этнополитический конфликт и национальная идентичность: о некоторых аспектах Нагорно-Карабахского конфликта // «Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки)», 2004, № 2. С. 31.
 26. Золян С.Т. Армения в 2008г.: феодальная демократия или демократический феодализм. Кавказ-2008. Ежегодник Института Кавказа. Ер.: Институт Кавказа, 2010.
 27. Зубков Н.А. Трансформация национально-государственной идентичности в информационном обществе // Будущее в настоящем: человеческое измерение цифровой эпохи: материалы III Международной научной конференции Гуманитарные Губкинские чтения (Москва, 5–6 апреля 2018г.). Ч. 2. // Ред.: М.Б. Балычева, О.М. Смирнова. М: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2018.
 28. Искандарян А., Арутюнян Б. Армения: «карабахизация» национальной истории // Национальные истории в советских и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX. 1999.
 29. Искандарян А.М. Армения между автократией и полиархией // "Pro et Contra", 2011, № 3–4.

30. *Казаринова Д.Б., Дунамалян Н.А.* Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции // «Политическая наука», 2022, № 1. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.02>
31. *Кертман Г.Л.* Традиционалистская реинтерпретация демократических институтов в российской политической культуре // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006.
32. *Кирчанов М.В.* Европейская идентичность Грузии: европейская идея и современный грузинский национализм // «Российский журнал исследований национализма», 2012, № 1.
33. *Конева А.В., Лисенкова А.А.* Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности // «Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение», 2019, № 35.
34. Конституция СССР 1977г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#iii>.
35. *Левада Ю.А.* Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005, М.: «Новое издательство», 2006.
36. *Летняков Д.Э.* Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // «Мир России», 2016, т. 25, № 2.
37. *Лисенкова А.А.* Трансформация идентичности в цифровую эпоху // «Вопросы философии», 2020, № 3. СС. 65–74.
38. *Малахов В.С.* Неудобства с идентичностью // «ВФ», 1998, № 2.
39. *Малинова О.Ю.* Символическое единство нации? Репрезентация макрополитического сообщества в предвыборной риторике В. Путина // “Proet Contra”, 2012, т. 16, № 3.
40. *Малинова О.Ю.* Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография // РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки. М., 2013.
41. *Малькевич А.А.* Роль социальных сетей в протестном политическом участии граждан // «Управленческое консультирование», 2020, № 1.

-
42. *Маркедонов С.М.* Самоопределение по ленинским принципам // Агентство политических новостей. 21.09.2006. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=10413>.
 43. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: РОССПЭН, 2011. С. 28.
 44. *Марутян А.Т.* Памятник жертвам геноцида в контексте ритуалов армянского народа // «Этнографическое обозрение», 2008, № 3.
 45. *Махмудов Я.М., Шукюров К.* Азербайджан: международные отношения и история дипломатии. Международные договоры и другие внешние политические акты: в 4-х т. Т. 1. Баку: Изд-во «Институт истории им. А.А. Бакиханова», 2009. СС. 15–16.
 46. *Медушевский А.Н.* Популизм на Западе и в России: сходства и различия в сравнительной перспективе. Популизм как общий вызов / Отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: «Политическая энциклопедия», 2018.
 47. *Олсон М.* Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995.
 48. *Омаров М.М.* Институциональные аспекты политики идентичности государств Центральной Азии в сфере региональной безопасности // «Регионология», 2012, № 3 (80).
 49. *Паин Э., Федюнин С.* Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. М.: «Мысль», 2017.
 50. *Пантин В.И.* Национально-цивилизационная идентичность и политические трансформации в современном мире // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Под ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012.
 51. *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы. Общественные науки и современность, 2004, № 1.
 52. *Погосян Г.А.* Современное армянское общество: особенности трансформации. М.: “Academia”, 2005. СС. 247–248.

53. Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы // Материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции / Под ред. М.В. Назукиной, О.Б. Подвинцева, Н.А. Коровниковой. . Пермь: ООО «Печатный салон «Гармония», 2014.
54. Российские армяне. Этносоциологическое исследование. Ер.: Изд-во «Гитутюн», 2016, 216с.
55. *Санина А.Г., Павлов А.В.* Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // «Управленческое консультирование», 2015, № 9.
56. *Саркисян О.Л.* Некоторые постулаты исследования национальной идентичности в контексте современных социально-политических и культурно-цивилизационных трансформаций // «Вестник Российско-Армянского университета, сер.: гуманитарные и общественные науки», 2016, № 2 (23).
57. *Саркисян О.Л.* Политика идентичности в республике Армения // Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 6–8 декабря 2018г. / Под общ. Ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2018.
58. *Саркисян О.Л.* Трансформация национальной идентичности как условие национальной безопасности и эффективного общественного развития // Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты) / Материалы международного научно-практического форума (3–5 ноября 2016г.). Ер.: Изд-во РАУ, 2016.
59. *Саркисян О., Дунамалян Н.* Фактор диаспоры в контексте модели общеармянской идентичности: между нацией и государством // «Мировая экономика и международные отношения», 2023, т. 67, № 4.
60. *Саркисян О.Л.* Культурный ресурс политики идентичности (на примере Армении). // «Вестник Российско-Армянского

- университета, сер.: гуманитарные и общественные науки», 2018. № 2 (29).
61. *Саркисян О.Л.* Армянская идентичность: проблема синтеза моделей «культурно-исторической» и «государственной» нации. Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации // Материалы международной научной конференции 3–4 ноября 2017г. Ер.: Изд-во РАУ, 2017.
62. *Саркисян О.Л.* Культурный ресурс политики идентичности (на примере Армении). «Вестник Российско-Армянского университета, сер.: гуманитарные и общественные науки», 2018, № 2 (29).
63. *Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А.* Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты // «Полис. Политические исследования», 2020, № 2.
64. *Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А., Карамян И.А., Оганесян Т.А.* Гражданская идентичность в Армении (обзор результатов экспертного глубинного интервью) // «Вестник Российско-Армянского университета, сер.: гуманитарные и общественные науки», 2021, № 2 (38).
65. *Семенов И.С., Лапкин В.В., Бардин А. Л., Пантин В.И.* Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // «Полис. Политические исследования», 2017, № 5: <https://doi.org/10.17976/jrps/2017.05.05>.
66. *Семенов И.С.* Гражданская идентичность. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Под ред. И.С. Семенов. М.: Изд-во «Весь мир», 2017.
67. *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: «Университетская книга», 2005.
68. *Тер-Саркисянц А.Е.* Армяне Нагорного Карабаха: История. Культура. Традиции / А.Е. Тер-Саркисянц; Институт политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. М.: НП ИД «Русская панорама», 2015.

69. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: «Наука», 2003.
70. *Тишков В.А.* Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // «Вестник Российской академии наук», 2019, т. 89, № 4. СС. 408–412; *Тишков В.А.* Российский народ и национальная идентичность // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион: «Естественные науки», 2017.
71. *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания – Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: «Наука», 2013.
72. *Торогельдиева Б.М.* Формирование гражданской идентичности в полиэтничном кыргызстанском обществе // «Развитие территорий», 2017, № 1 (7).
73. *Тульчинский Г.Л.* Культура в шопе // СПб: «Нева», 2007, № 2. СС. 128–148.
74. *Фукуяма Ф.* Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М.: 2019. С. 155.
75. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. М.: «Академия», 1995 (*Habermas, Jurgen Demokratie. Der Geist.Moral. Moskauer Vortrage und Interviews, Russian Translation*).
76. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: «Наука», 2001.
77. *Хабермас Ю.* Гражданство и национальная идентичность // *Хабермас. Демократия. Разум. Нравственность.* М., 1995.
78. *Шнирельман В.А.* Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: «Академкнига», 2003.
79. *Элибегова А.Г., Вардазарян С.С.* Армянофобия в азербайджанских учебниках и ее влияние на безопасность Армянского государства // «Вестник Российско-Армянского университета, сер.: гуманитарные и общественные науки», 2021, № 1.
80. *Юшин М.А.* Политические механизмы формирования гражданской идентичности молодежи в современной России: дис. канд-та полит. наук. Тула, 2007.

-
81. Якубова Н.Ш. Кризис идентификации в переходный период развития общества: опыт Азербайджана // «Идеи и идеалы», 2019, т. 11, № 4, ч. 2. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-443-453
 82. Andronikashvili Z., Maisuradze G. Secularization and its Vicissitudes in Georgia // “Identity Studies”, 2010.
 83. Armenian Diaspora Opinion Hratch Tchilingirian. Armenian Institute London Armenian Diaspora Survey (ed.). Pilot Project 2018. 152p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5cfe61b36077c90001c40a1c/1560175078643/ADS_2018_Report_06062019.pdf (accessed 25.09.2022).
 84. Armenian Diaspora Public Opinion (1). Armenian Diaspora Survey 2019. 176p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5f5382df75dd3715b1125b37/1599308587911/Armenian_Diaspora_Survey_2019_results_+book_05092020v2.pdf (accessed 25.09.2022).
 85. Armenian Diaspora Survey (ed.). Pilot Project 2018. 152p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5cfe61b36077c90001c40a1c/1560175078643/ADS_2018_Report_06062019.pdf.
 86. Armenian Diaspora Survey 2019. 176p. Available at: https://static1.squarespace.com/static/5bc88a4c809d8e7540bcce82/t/5f5382df75dd3715b1125b37/1599308587911/Armenian_Diaspora_Survey_2019_results_+book_05092020v2.pdf
 87. Armstrong J. Mobilized and Proletarian Diasporas // “The American Political Science Review”, 1976, 70 (2). PP. 395–396. Available at: <https://doi.org/10.2307/1959646>.
 88. Breuer A. The Role of Social Media in Mobilizing Political Protest Evidence from the Tunisian Revolution. Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik. 2012. 33p. URL: https://www.die-gdi.de/uploads/media/DP_10.2012.pdf (accessed 09.09.2021).
 89. Brinkerhoff J. Diaspora policy in weakly governed arenas and the benefits of multipolar engagement: lessons from the Coptic Orthodox Church in Egypt // “Journal of Ethnic and Migration Studies”,

- 2019, vol. 45, issue 4. PP. 561–576. Available at: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1409168>
90. *Broers L.* After the ‘Revolution’: Civil Society and the Challenges of Consolidating Democracy in Georgia, 2005. *Central Asian Survey*, vol. 24. No. 3. PP. 333–350. <https://doi.org/10.1080/02634930500310444>; *Muskhelishvili M., Jorjoliani. G.* Georgia’s Ongoing Struggle for a Better Future Continued: Democracy Promotion Through Civil Society Development, 2009. *Demokratizatsiya* // “The Journal of Post-Soviet Democratization”. Vol. 16. No. 4. PP. 682–708: <https://doi.org/10.1080/13510340903083000>.
91. *Brubaker R.* Accidental Diasporas and External “Homelands” in Central and Eastern Europe: Past and Present. *IHS Political Science Series 71*. October 2000. 30p. Available at: https://aei.pitt.edu/32402/1/1208853582_pw_71.pdf.
92. *Brubaker R.* National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe. *Daedalus*, 1995, 124(2), <http://www.jstor.org/stable/20027299>.
93. *Cohen R.* *Global Diasporas: An Introduction* (2nd ed.). New York, Routledge. 2008. 240p. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780203928943>.
94. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2018, vol. 26. No. 4.
95. *Ergun A.* *Citizenship, National Identity, and Nation-Building in Azerbaijan: Between the Legacy of the Past and the Spirit of Independence*. Cambridge University Press. 2021.
96. *Fittante D.* Connection without Engagement: The Paradoxes of North American Armenian Return Migration. *Diaspora: A Journal of Transnational Studies*. 2017, vol. 19, issue 2–3, PP. 155–163. Available at: <https://doi.org/10.3138/diaspora.19.2–3.147>.
97. *Fukuyama F.* *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. 2018.
98. *Giddens A.* *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Stanford University Press, Stanford, 1991.

-
99. *Grodsky B.* Co-optation or Empowerment? The Fate of Pro-Democracy NGOs after the Rose Revolution, 2012. *Europe-Asia Studies*. No. 64 (9). <https://doi.org/10.1080/09668136.2012.718419>. P. 1702.
 100. *Gurr T.* *Why Men Rebel*. Princeton: Princeton University Press, 1970.
 101. *Heyes C.* Identity Politics. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Ed. by E.N. Zalta, 2014. (Winter 2014 edition). URL: <http://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/> (accessed 08.05.2016).
 102. *Ishkanian A.* After the Velvet Revolution: Shifting Space for Civil Society in Armenia. From Shrinking Space to Post-Revolutionary Space: Reimagining the Role and Relations of Civil Society in Armenia. Analytical report, 2018. PP. 70–78. <https://doi.org/10.4324/9780203929223>.
 103. *Iskandaryan A., Mikaelian H., Minasyan S.* War, Business and Politics: Informal Networks and Formal Institutions in Armenia. Yerevan: Caucasus Institute, 2016.: <https://doi.org/10.15804/athena.2018.57.12>.
 104. *Iskandaryan G.* The Armenian community in Iran: Issues and emigration // “Global Campus Human Rights Journal”, 2019, vol. 3, no 1. PP. 127–140. Available at: <https://doi.org/20.500.1-1825/991>
 105. *Karageozian N.* Dreaming of the Mountain, Longing for the Sea, Living with Floating Roots: Diasporic ‘Return’ Migration in Post-Soviet Armenia. In: *Diasporas Reimagined: Spaces, Practices and Belonging*. *Sigona N., Gamlen A., Liberatore G., and Kringelbach H.N.* (eds.). Oxford: Oxford Diasporas Programme. 2015. PP. 69–73. Available at: https://www.compas.ox.ac.uk/wp-content/uploads/Diasporas_reimagined_Spaces_practices_an.pdf
 106. *Kymlicka W.* *Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford: Clarendon Press. 1995. 296p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/0198290918.001.0001>.

107. *Laverty N.* The Problem of Lasting Change: Civil Society and the Colored Revolutions in Georgia and Ukraine. *Demokratizatsiya*, 2008. // “The Journal of Post-Soviet Democratization”, vol. 16. No. 2. PP. 143–161: <https://doi.org/10.3200/demo.16.-2.143-162>.
108. *Merton R.* Social Structure and Anomie. *American Sociological Review*. 1938. no 3, vol. 5, PP. 672–682. Available at: <https://doi.org/10.2307/2084686>.
109. *Panossian R.* The Armenians: Conflicting Identities and the Politics of Division. In book: *Nations Abroad. Diaspora Politics and International Relations // In The Former Soviet Union*. King Ch., ed. Routledge. 1998. 24p. Available at: <https://doi.org/10.4324-/9780429498732>.
110. *Rafik F.* How the Armenian Community Made Egypt a Home. Egyptian streets, 08.06.2022. Available at: <https://egyptianstreets.com/2022/06/08/how-the-armenian-community-made-egypt-a-home/> (accessed 25.09.2022).
111. *Silaev N., Fomin I.* My Step Aside from Sasna Tsrer: The Dynamics of Protest Coalitions in Armenia, 2016 and 2018. *Demokratizatsiya* // “The Journal of Post-Soviet Democratization”, vol. 26. No. 4. PP. 483–508.
112. *Stark Ch.* The Neoliberal Ideology, its Contradictions, the Consequences and Challenges for Social Work. *Ljetopis socijalnog rada*, 2018, vol. 25. No. 1. <https://doi.org/10.3935/ljsr.v25i1.196> PP. 50–51.
113. *Takooshian H.* Armenian Immigration to the United States from the Middle East // “Journal of Armenian Studies”, 1986–1987, vol. III, no 1–2: Identity and Assimilation: The Armenian Experience in America. PP. 133–155. Available at: <https://naasr.org/pages/journal-of-armenian-studies>.
114. *Tölölyan K.* Beyond the homeland: From exilic nationalism to diasporic transnationalism. In: *The Call of the Homeland*. 2010. PP. 27–45. Available at: <https://doi.org/10.1163/ej.978900418-2103.i-402.16>.

115. *Tölölyan K.* The Armenian Diaspora and the Karabagh Conflict since 1988. *Diasporas in Conflict: Peace Makers or Peace Wreckers?* Hazel Smith and Paul Stares, eds. Tokyo, New York: United Nations University Press. 2007. PP. 106–128. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/601876>.
116. *Tölölyan K.* The contemporary discourse of diaspora studies. *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*, 2007, vol. 27, iss. 3, pp. 647-655. Available at: <https://muse.jhu.edu/pub/4/article/224587/pdf>.
117. Tölölyan, K. The Role of the Armenian Apostolic Church in the Diaspora // “The Armenian review”, 1988, vol. 41, no 1–2. PP. 55–68. Available at: <https://www.armenianreview.org/>
118. *Gallie W.* Essentially Contested Concepts, *Proceedings of the Aristotelian Society*, vol.56, 1956.
119. Հայրենիք-Սփյուռք հարաբերությունները. 1918 թվականից մինչև մեր օրերը: Եր., ԵՊՀ հրատ., 2017, էջ 175:
120. *Մալխասյան Մ.* Պատմաժողովրդագրական ուսումնասիրություններ. Գիտական հոդվածների ժողովածու, գիրք 1, Եր., ԵՊՀ հրատ., 2015. էջ 161:
121. *Միմսվորյան Ա., Հովյան Վ.* Հայ կաթողիկե և ավետարանական համայնքները Թուրքիայում. ժամանակակից միտումներ. Եր.: «Նորավանք» ԳԿՀ, 2012. 160 էջ.
122. *Միմսվորյան Ա., Հովյան Վ.* Հայրենիք-սփյուռք համագործակցության մոդելները/. Եր.: «Նորավանք» ԳԿՀ, 2018. էջ.16–17.

**THE DEVELOPMENT OF CIVIL IDENTITY IN THE
REPUBLIC OF ARMENIA: TENDENCIES, CHALLENGES,
RISKS**

THE DEVELOPMENT OF CIVIL IDENTITY IN THE REPUBLIC OF ARMENIA: TENDENCIES, CHALLENGES, RISKS. Collective monograph / executive editor Hovhannes Sargsyan – Yerevan, publishing house RAU

ISBN 978-9939-67-325-7

Short abstract: At the end of 2020, some staff members of the Department of Political Science, Russian-Armenian University, together with the Department of Comparative Political Science of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), came up with an initiative to analyze the transformation of civil identity in the post-Soviet space. The research was carried out with the financial support of the Committee of Science of the Republic of Armenia and the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the joint scientific programs 20RF-182 and 20-511-05025 respectively. Building upon initial conceptualizations, specific hypotheses were formulated. To assess these hypotheses, a decision was made to conduct practical research in the field, gathering empirical data. An expert interviewing was organized and conducted by members of the research team in the spring and summer of 2021. This collective monograph provides an overview of the results of the above research and the expert interviewing. The suggested research could capture the attention of scholars, educators, students, and postgraduate students in social sciences and humanities. Additionally, it may appeal to anyone with an interest in the challenges associated with studying the issue of national identity.

Overview

The emergence and establishment of independent states in the post-Soviet space stimulated changes in all spheres of social life, that determined the process of intensive transformation of identity in those societies. This process in the post-Soviet space had certain common characteristics, but in each particular state it also had its own specific features. In some countries, the process of this transformation was directed towards the purposeful construction of identity, which allows us to assert a special policy of nation-building (or identity policy). For example, in societies with multiethnic and multiconfessional populations, the issue of forming a supraethnic civic nation is particularly acute. In the Republic of Armenia with a monoethnic and predominantly monoconfessional population, the problem of civil identity formation fell out of the orbit of the state's purposeful policy, and the transformations that took place were spontaneous.

The review of main models of post-Soviet identities shows the current process of distancing the societies of the former Soviet Union on the basis of the emergence of new forms of perception of social and political processes. At the same time, even in the sphere of international relations, the distancing of the former Soviet republics from each other and deepening regionalization leads to the formation of new transregional projects, which in the future may also become the basis for a macropolitical identity. In addition, the modern post-Soviet republics have continued to interpret the common past in their own way, promoting their own version of history. The consequence of such interpretation of historical facts according to their own interests and construction of their own version of historical facts have led to the “wars of memories”.

The policy of state building in the post-Soviet space was also influenced by the way the peoples perceived the Soviet period of their history. In many cases, a “post-colonial syndrome” was formed. The Soviet period was presented as a period of colonization and accordingly identity politics was based on opposition to this period. The policy of dissociation from the Soviet past often turned into a policy of

distancing from Russia or even opposing it. The most vivid expression of this policy in the South Caucasus is Georgia's position. The position of disassociation from Russia in many post-Soviet countries is manifested in the intensification of pro-Western policies, which is expressed in the desire to "return to Europe". In Armenia, where people were conscious enough on the importance of strategic partnership with Russia (especially in the field of security) until very recently, on the contrary, the majority of the population had a positive attitude to the Soviet past. Azerbaijan, on the other hand, took a more moderate stance, demonstratively declaring its position of neutrality. On the other hand, this state interacted intensively with Turkey, emphasizing its Turkic identity, and also lobbied in every possible way for its interests in the organizations of Islamic states, while at the same time positioning itself as a completely secular state.

The policy of state-building in modern Azerbaijan is focused on the construction of an all-Azerbaijani state identity and is based, on the one hand, on attempts to level religious and ethnic-tribal differences, and on the other hand, on opposition to the Armenian identity. It should be recognized that building on opposition has a serious effect in the short term, but cannot be a factor in a long-term state-building strategy. The possible establishment of Armenian-Azerbaijani relations may deprive the Azerbaijani authorities of an important resource of national mobilization. Whether a new constructive project of nation-building will win in Azerbaijan or whether the anti-Armenian factor will remain at the core, the future will show. In Georgia, as in some other post-Soviet states, elements of ethno-nationalism and civic (state) nationalism are bizarrely combined.

The foundations of modern Armenian identity were formed in the IV–VI centuries as a result of a special policy of state-building: the adoption of Christianity as a state religion, the process of sovereignty-nationalization of the Armenian Church, the invention of the national alphabet, the creation of its own written culture and national education system. This model, where the nation is formed and is able to further develop even in the absence of statehood, where the main resource of

identity construction is the civilizational-cultural resource, can be conditionally called the model of cultural nation. The long centuries of the absence of Armenian statehood, which meant the inclusion of Armenians both in their historical homeland and in different communities of the Diaspora in different state formations, did not allow the formation of the model of a “civil nation”. This is where the origins of the peculiar conflict between ethnicity and citizenship come, which to a greater or lesser extent persists until now.

Armenian cultural identity in the context of Soviet national policy developed in a rather linear way, entering into “reaction” with some political elements of recognizing the Armenian Genocide or the Nagorno-Karabakh issue, but not deviating from the model of cultural self-consciousness. Statehood was perceived not as a goal, but as a tool to ensure national-cultural unity. The lack of their own experience of state-building gave the state, as to a symbol, some alien meanings or linked it to the Soviet experience.

The first 20 years of independence were marked by both an increase in protest activity and a decline in the socio-economic level of certain groups of the population. In these conditions, it was difficult to find consensus to solve various political problems. The problems that caused the population consolidation were primarily associated with the historical and cultural identity of the Armenian people. In social, political, ideological and other spheres, the vacuum was expanding, but the low level of political culture did not contribute to the formation of new political movements or ideological directions. Distrust in the power elites and high levels of poverty gradually contributed to the growth of distrust in the institution of the state itself and subsequently in other political institutions. Society began to self-organize “from below”, which manifested itself in various protest actions. Civic movements formed a new “civic elite”. As a result of the change of power elites after the Velvet Revolution, civil activists “left” for the government, which significantly impoverished civil society. At the same time, political institutions have not recovered from the effects of the revolutionary transformations. The new “revolutionary” elite claimed

to form a certain type of civic identity on the basis of mythologizing the “revolution”, avoiding informal aspects of political and social interaction, implementing neoliberal economic reforms that strengthened the position of the institution of the state as an arbiter of social relations, but not as a “guardian”.

The collapse of the USSR was an important event not only for Armenians living in Armenia and Nagorno-Karabakh, but also for Armenians residing in the rest of the world. Socio-political practices in Armenian communities needed revision, and the establishment of Armenian statehood allowed the diaspora to become more actively involved in the above process. Later a number of problems arose due to the lack of any realization of the link between the state and the Diaspora. The social and political situation in the country of residence of the Armenian communities made their own changes in values of Diaspora, thus determining the tools and priorities of preserving the Armenian identity. At the same time, the activities of Armenian communities included several aspects that contributed to the stratification of political, cultural, ethno-confessional and even professional identities. Almost all Armenian communities (except for some specific groups of crypto-Armenians) are included in the process of complex “multi-polar interaction” that builds relations between the Diaspora and the state, but the only core structure uniting all Armenian communities remains **Armenian culture**. The cultural factor is the most significant for the cohesion of Armenian communities and a politically neutral element in the formation of “diaspora” identity.

Conducting a series of in-depth interviews with Armenian experts from different spheres is important from the point of view of understanding the approaches prevalent in the expert environment and in society as a whole. The point is that particular emphases constructing this or that trend can in many ways serve as an object of analysis and become the basis for new knowledge. The analysis of answers revealed new facets and subtleties of the self-identification process.

Considering the specifics of civic identity development in the post-Soviet space on the example of Russia and Armenia may, at first

glance, seem rather incorrect, as there are more differences between those states than similarities. However, those two states and societies represent unique models of identity politics that cannot be included in the general series of post-Soviet republics constructing their identity on the basis of ethno-nationalism with reliance on statehood/citizenship. Certainly, similar trends exist in Russia and Armenia, but the basis for building relations between different groups within the state is very different. In Russia, despite the emphasized etatism, a “national-civilizational” or “macropolitical” identity is being developed, which is in conflict with ethno-nationalism at the federal and local levels, as well as preventing isolationist tendencies. Armenian national identity goes far beyond the borders of the modern Armenian state, involving diaspora communities in its sphere, being in the process of transformation and revising the foundations of the model of ethno-confessional community through rethinking the phenomenon of Armenian statehood, although the ethno-cultural factor is still dominant here and in many ways opposes the priorities of state development at various levels. In case of other models of post-Soviet identities, the problem of ethno-nationalism development is merged with the context of citizenship, taking the form of a “nationalizing state”.

Since the defeat in the Second Karabakh War in 2020, the expression “identity crisis” has been increasingly used to characterize Armenian society. Although three years have already passed since the end of the war, at present stage this crisis is even deeper due to the collapse of the Republic of Artsakh (Nagorno-Karabakh Republic) and the mass exodus of Armenians from Karabakh to Armenia. In this context, the values of public consciousness are being transformed, existing myths are collapsing, society is atomizing, losing the common bonds of identity. The perception of external actors as “traditional allies” and “potential enemies” is also changing. In context of the current narrative, the final loss of Artsakh is perceived as a loss of sovereignty and the beginning of the disintegration of the state. In our opinion, we are dealing with the beginning of building a new model of Armenian statehood with new narratives.

ОБ АВТОРАХ

Дунамалян Норайр Арменович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии им. К.А. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета

Карамян Ирина Артуровна, преподаватель кафедры политологии им. К.А. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета

Оганесян Татевик Ашотовна – кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии Российско-Армянского (Славянского) университета

Саргсян Давид Оганесович – аспирант кафедры политологии им. К.А. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета, старший специалист ГНКО «Центр общественных связей и информации» Аппарата Премьер-министра Республики Армения

Саркисян Оганес Лаврентьевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой политологии им. К. А. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета

Хачатурян Сатеник Оганесовна – соискатель кафедры политологии им. К.А. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета

ABOUT THE AUTHORS

Norayr Dunamalyan – PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science named after K.A. Mirumyan, Russian-Armenian (Slavonic) University

Irina Karamyan – lecturer of the Department of Political Science named after K. A. Mirumyan, Russian-Armenian (Slavonic) University;

Tatevik Hovhannisyan – PhD in Philosophy, Lecturer at the Department of Philosophy of the Russian-Armenian (Slavonic) University

David Sargsyan – graduate student of the Department of Political Science named after K. A. Mirumyan, Russian-Armenian (Slavonic) University, senior specialist at the SNCO “Center for Public Relations and Information” of the Office of the Prime Minister of the Republic of Armenia

Hovhannes Sargsyan – PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Political Science named after K. A. Mirumyan Russian-Armenian (Slavonic) University

Satenik Khachaturyan – PhD applicant of the Department of Political Science named after K.A. Mirumyan, Russian-Armenian (Slavonic) University

**Развитие гражданской идентичности
в Республике Армения: тенденции, вызовы, риски: кол-
лективная монография**

Главный редактор РНИ – М.Э. Авакян

Корректор – А.С. Есяян

Компьютерная верстка – А.С. Бжикян

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского (Славянского) университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
тел/факс: (+374 12) 77-57-75 (внутр.: 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am

Заказ № 2

Подписано к печати 12.12.2023г.

Формат 60x70¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.

Объем 16.1 усл. п.л. Тираж 110 экз.